

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 11 № 4

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 11 # 4

Москва

2014

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

Акопов Г.В.
Аллахвердов В.М.
Забродин Ю.М.
Караяни А.Г.
Карпов А.В.
Малофеев Н.Н.

Марьин М.И.
Нечаев Н.Н.
Рубцов В.В.
Реан А.А.
Рыбников В.Ю.
Черноризов А.М.
Шкуратов В.А.

Редакционная коллегия

Абакумова И.В.
Асмолов А.Г.
Бабенко В.В.
Базаров Т.Ю.
Безруких М.М.
Богоявленская Д.Б.
Воробьева Е.В.
Деркач А.А.
Донцов А.А.
Дубровина И.В.
Журавлев А.Л.
Егорова М.С.

Ермаков П.Н. (заместитель главного редактора)
Лабунская В.А.
Леонова А.Б.
Сергиенко Е.А.
Тхостов А.Ш.
Цветкова Л.А.
Берберян А.С. (Армения)
Киттлер У. (Германия)
Менджерцкая Ю. (Германия)
Величковский Б.М. (Германия)
Кроник А.А. (США)
Белянин В.П. (Канада)
Бороховский Е. (Канада)

Ответственный секретарь – Седых Н.С.
Редактор английской части – Колесина К.Ю.
Выпускающий редактор – Буняева М.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 518,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с Редакцией.

Russian Psychological Journal

Founder – Russian Psychological Society

Editor in Chief – Zinchenko Ju.P.

Editorial Committee

Akopov G.V.

Allahverdov V.M.

Zabrodin Ju.M.

Karainy A.G.

Karpov A.V.

Malophejev M.N.

Marin M.I.

Nechaev N.N.

Rubtsov V.V.

Rean A.A.

Ribnikov V. Ju.

Chernorizov A.M.

Shkuratov V.A.

Editorial Board

Abakumova I.V.

Asmolov A.G.

Babenko V.V.

Basarov T.Ju.

Bezrukikh M.M.

Bogoyavlenskaya D.B.

Vorobiova E.V.

Derkatch A.A.

Dontsov A.I.

Dubrovina I.V.

Zhuravlev A.L.

Egorova M.S.

Yermakov P.N. (deputy Editor)

Labunskaya V.A.

Leonova A.B.

Sergiyenko E.A.

Tkhostov A.Sh.

Tsvetkova L.A.

Berberian A.S. (Armenia)

Kittler U. (Germany)

Menjeritskaya Ju. (Germany)

Velichkovsky B.M. (Germany)

Kronik A.A. (USA)

Belianin V.P. (Canada)

Borokhovski E. (Canada)

Executive Secretary – N.S. Sedyh

English Editor – K.Ju. Kolesina

Managing Editor – M.V. Bunjaeva

Page settings – A.P. Tchekha

Address of the Publisher:

Nagibin Av., 13, of. 243,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel. (863) 243–15-17; fax 243–08-05

E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Founder Address:

Yaroslavskaya str., 13,

Moscow, Russia, 129366

Tel./fax (495) 283–55-30

E-mail: rpo@psychology.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ	6
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Абакумова И. В., Гримсолтанова Р. Э., Мирошниченко А. В. Психологические особенности мифологических страхов в период юности у представителей Ислама	16
Звездина Г. П., Исмаилов К. В. Ценности семьи как фактор этноконфессиональной безопасности	27
Осипова А. А., Прокопенко М. В. К вопросу о стратегиях преодоления психологических барьеров	38
Шейнов В. П. Ассертивное поведение: оценки и свойства	55
ПЕДАГОГИКА, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
Подзорова Л. В. Выявление уровня саморегуляции в организации учебно-познавательной деятельности у детей со сложным дефектом	68
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Дикая Л. А., Карпова В. В. Влияние профессиональной художественной подготовки на особенности формирования функциональных связей коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности	80
Ковш Е. М., Воробьева Е. В., Ермаков П. Н. Обзор современных исследований психогенетических факторов агрессивного поведения	91
Куликова О. С. Когнитивно-стилевые факторы защитного поведения больных шизофренией	104
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Щетинина Д. П. Факторы управления человеческими ресурсами в экономическом пространстве России	116
ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Голдобина В. С. Индивидуализация наказания несовершеннолетних в правоприменительной деятельности: психологические аспекты	128
Ермаков П. Н., Березин И. Г. Психологические особенности профессиональной идентификации сотрудников Следственного комитета: материалы эмпирического исследования	138
Киселев А. П. Использование психологических знаний при расследовании убийств, совершенных на бытовой почве	146
РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	160
СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ	199

CONTENTS

OUR AUTHORS	6
GENERAL PSYCHOLOGY	
Abakumova I. V., Grimsoltanova R. E., Miroshnichenko A. V. Psychological Features of Mythological Fears at the Juvenile Period Among Representatives of Islam	16
Zvezdina G. P., Ismailov K. V. Family Values as a Factor of Ethno-Confessional Safety ...	27
Osipova A. A., Prokopenko M. V. On the Issue of Strategies of Overcoming Psychological Barriers	38
Sheinov V. P. Assertive Behavior: Evaluations and Properties	55
PEDAGOGY, PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, EDUCATIONAL PSYCHOLOGY	
Podzorova L. V. Level Identification of Self-Regulation in Training and Learning Activities for Children with Complex Defects	68
PSYCHOPHYSIOLOGY AND CLINICAL PSYCHOLOGY	
Dikaya L. A., Karpova V. V. The Influence of Professional Art Preparation on the Features of the Formation of Brain Cortex's Functional Links in the Performance of Imaginative Creative Activity	80
Kovsh E. M., Vorob'eva E. V., Ermakov P. N. The Review of Modern Researches of Psychogenetic Factors of Aggressive Behavior	91
Kulikova O. S. Cognitive-Style Factors of Defensiveness of Schizophrenic Patients ...	104
ECONOMIC PSYCHOLOGY	
Schetinina D. P. Factors of Human Resource Management in the Economic Space of Russia	116
JURIDICAL PSYCHOLOGY, MILITARY PSYCHOLOGY	
Goldobina V. S. Punishment Individualization of Minors in Enforcement Activities: Psychological Aspects	128
Ermakov P. N., Berezin I. G. Psychological Features of Professional Identification of Officers of the Committee of Inquiry: Materials of the Empirical Study	138
Kiselev A. P. The Use of Psychological Knowledge When Investigating Domestic Homicides	146
SUMMARY OF THE ISSUE IN ENGLISH	160
INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION	199

НАШИ АВТОРЫ

Абакумова Ирина Владимировна

член-корр. РАО, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: abakira@mail.ru

Гримсолтанова Разет Эльбрусовна

соискатель Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, научный сотрудник ФГБУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова Российской академии наук

Служебный адрес: ул. Старопромысловское шоссе, 21 А, г. Грозный, 364051

Служебный телефон: 8 (8712) 22-26-28

E-mail: kniiran@mail.ru

Мирошниченко Александр Владимирович

старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: akmrqu@mail.ru

Звездина Галина Павловна

доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: galzvezdina@yandex.ru

OUR AUTHORS

Abakumova Irina Vladimirovna

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Professor, Doctor of Psychology

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: abakira@mail.ru

Grimsoltanova Razet El'brusovna

Applicant of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, research worker of the Federal State-financed Establishment of Science Complex research institute named after Kh. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences

Official address: b. 21 A, Staropromyslovskoe Highway, Grozny, 364051

Official telephone: 8 (8712) 22-26-28

E-mail: kniiran@mail.ru

Miroshnichenko Aleksandr Vladimirovich

Senior Lecturer, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: akmrgu@mail.ru

Zvezdina Galina Pavlovna

Associate Professor, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 241, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Исмаилов Казбек Вайтович

советник муфтия Чеченской Республики, заместитель директора ТРК «Путь» им. А. Кадырова, директор НАО «Общественный культурно-просветительский центр "Тавасуль"»

Служебный адрес: пр. А. Кадырова, 3, г. Гудермес, 366200

Служебный телефон: 8 (8715) 22–23–45

E-mail: nohchi100@mail.ru

Осипова Алла Анатольевна

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского института (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Тургеневская, 49, г. Ростов-на-Дону, 344007

Служебный телефон: 8 (863) 266–53–46

E-mail: alla_nika2006@mail.ru

Прокопенко Максим Владимирович

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского института (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук

Служебный адрес: ул. Тургеневская, 49, г. Ростов-на-Дону, 344007

Служебный телефон: 8 (863) 266–53–46

E-mail: prokopenko-mv09@mail.ru

Шейнов Виктор Павлович

профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, доктор социологических наук

Служебный адрес: ул. Московская, 15, г. Минск, Республика Беларусь, 220001

Служебный телефон: +37517–222–76–00

E-mail: sheinov1@mail.ru

Ismailov Kazbek Vaitovich

Adviser of the Mufti of the Chechen Republic, Deputy Director of the Broadcasting Company "Put'" named after A. Kadyrov, Director of the "Public Cultural-Educational Center "Tavasul""

Official address: b. 3, A. Kadyrov Av., Gudermes, 366200

Official telephone: 8 (8715) 22–23–45

E-mail: nohchi100@mail.ru

Osipova Alla Anatolyevna

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Institute Branch of Russian Economic University named of G. V. Plekhanov, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 49, Turgenevskaya St., Rostov-on-Don, 344007

Official telephone: +7 (863) 266–53–46

E-mail: alla_nika2006@mail.ru

Prokopenko Maxim Vladimirovich

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Institute Branch of Russian Economic University named of G. V. Plekhanov, Candidate of Economic Sciences

Official address: b. 49, Turgenevskaya St., Rostov-on-Don, 344007

Official telephone: +7 (863) 266–53–46

E-mail: prokopenko-mv09@mail.ru

Sheinov Victor Pavlovich

Professor, Department of Psychology and Pedagogical Skills, National Institute for Higher Education, Doctor of Social Sciences

Official address: b. 15, Moskovskaya St., Minsk, Republic of Belarus, 220001

Official telephone: +37517–222–76–00

E-mail: sheinov1@mail.ru

Подзорова Любовь Вячеславовна

учитель начальных классов Государственного бюджетного образовательного учреждения г. Москвы средняя общеобразовательная школа № 1133

Служебный адрес: ул. Крылатские Холмы, 15, к. 1, г. Москва, 121609

Служебный телефон: +7 (495) 413–60–04

E-mail: 4b1271@mail.ru

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: dikaya@sfedu.ru

Карпова Виктория Викторовна

соискатель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: 5603691@mail.ru

Ковш Екатерина Михайловна

аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: emkovsh@sfedu.ru

Podzorova Ljubov' Vjacheslavovna

Primary school teacher, State Budgetary Educational Institution of Moscow city, Secondary school № 1133

Official address: b. 15, h. 1, Krylatskie Holmy St., Moscow, 121609

Official telephone: +7 (495) 413-60-04

E-mail: 4b1271@mail.ru

Dikaya Liudmila Alexandrovna

Associate Professor, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-37

E-mail: dikaya@sfedu.ru

Karpova Viktoriya Viktorovna

Applicant of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-37

E-mail: 5603691@mail.ru

Kovsh Ekaterina Mikhailovna

Postgraduate student, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-37

E-mail: emkovsh@sfedu.ru

Ермаков Павел Николаевич

академик РАО, директор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 205, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-07

E-mail: psyf@sfnedu.ru

Воробьева Елена Викторовна

заместитель директора по науке Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, доктор психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 218, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-37

E-mail: evorob@sfnedu.ru

Куликова Ольга Сергеевна

ассистент кафедры психиатрии и наркологии ГБОУ ВПО «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ

Служебный адрес: ул. Советская/ул. М. Горького/пер. Дмитриевский, 6/45/7, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000

Служебный телефон: 8 (3532) 40-46-77

E-mail: ol.klkv@mail.ru

Щетинина Дарья Павловна

старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами Экономического факультета Южного федерального университета, кандидат экономических наук

Служебный адрес: ул. М. Горького, 88, к. 107, г. Ростов-на-Дону, 344007

Служебный телефон: +7 (863) 240-68-48.

E-mail: ermakova-d@ya.ru, dpshetinina@sfnedu.ru

Ermakov Pavel Nikolaevich

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Director of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Professor, Doctor of Biological Sciences

Official address: of. 205, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-07

E-mail: psyf@sfedu.ru

Vorob'eva Elena Viktorovna

Deputy Director on Science of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Doctor of Psychological Sciences

Official address: of. 218, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-37

E-mail: evorob@sfedu.ru

Kulikova Ol'ga Sergeevna

Assistant Lecturer, Department of Psychiatry and Narcology, Orenburg State Medical University, the Ministry of Public Health of the Russian Federation

Official address: b. 6/45/7, Sovetskaia St. / M. Gor'kogo St. / Dmitrievskii Lane, Orenburg, Orenburg region, 460000

Official telephone: 8 (3532) 40-46-77

E-mail: ol.klkv@mail.ru

Schetinina Darya Pavlovna

Senior Lecturer, Department of Human Resources Management, Faculty of Economics, Southern Federal University, Candidate of Economics

Official address: of. 107, b. 88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 240-68-48

E-mail: ermakova-d@ya.ru, dpshetinina@sfedu.ru

Голдобина Виктория Сергеевна

старший помощник прокурора Корочанского района
Белгородской области

Служебный адрес: ул. Пролетарская, д. 66, с. Погореловка,
Корочанский район, Белгородская область, 309220

Служебный телефон: 8 (47231) 55–859

E-mail: vikigold@mail.ru

Березин Игорь Гарриевич

заместитель руководителя следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по
Ростовской области, полковник юстиции

Служебный адрес: ул. Береговая, 13/2, г. Ростов-на-Дону,
344082

Служебный телефон: +7 (863) 227–01–37

E-mail: brigak_zinaida@mail.ru

Киселев Александр Петрович

руководитель следственного отдела по г. Инта следственного
управления Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Коми

Служебный адрес: ул. Кирова, д. 17 «а», г. Инта, Республика
Коми, 169840

Служебный телефон: 8 (82145) 6–03–43

E-mail: aleksandr.r7@yandex.ru

Goldobina Viktoria Sergeevna

Senior Assistant Prosecutor of Korochansky District, Belgorod Region

Official address: b. 66, Proletarskaya St., Pogorelovka Village, Belgorod Region, Korochansky District, 309220

Official telephone: 8 (47231) 55–859

E-mail: vikigold@mail.ru

Berezin Igor' Garrievich

Deputy Administrator, Investigation Department, the Committee of Inquiry of the Russian Federation in the Rostov region, Colonel of Justice

Official address: b. 13/2, Beregovaya St., Rostov-on-Don, 344082

Official telephone: +7 (863) 227–01–37

E-mail: brigak_zinaida@mail.ru

Kiselev Aleksandr Petrovich

Head of the Investigation Division of the city of Inta of the Investigation Department of the Committee of Inquiry of the Russian Federation in the Komi Republic

Official address: b. 17 "A", Kirova St., Inta, Komi Republic, 169840

Official telephone: 8 (82145) 6–03–43

E-mail: aleksandr.r7@yandex.ru

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СТРАХОВ В ПЕРИОД ЮНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСЛАМА

**Абакумова Ирина Владимировна
Гримсолтанова Разет Эльбрусевна
Мирошниченко Александр Владимирович**

В статье раскрывается актуальность религии и мифа, их фундаментальные функции и функции в экзистенциальных вопросах личности. Главным образом описываются роль и место религии и мифа в экзистенциальных вопросах молодежи постконфликтного региона юга России. Изучено влияние чрезмерной мифологизации религиозных контентов на ценностно-смысловую сферу юношей и девушек студенческого возраста, поскольку избыточная мифологизация может породить экзистенциальные страхи и выполнять функцию деструктивной трансформации и деформации личности.

Также в данной статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению психологических особенностей мифологических страхов в Чеченской Республике у представителей молодежи с разными ценностно-смысловыми установками. Описаны различия в акцентуациях характера, темперамента, локуса контроля и уровня тревожности испытуемых юношеского возраста, испытывающих высокий уровень переживания мифологических страхов, и испытуемых юношеского возраста, не испытывающих высокий уровень переживания таких страхов.

Для определения уровня переживания мифологических страхов (страха одержимостью джинном), гендерной классификации и распределения подгрупп по степени выраженности мифологических страхов, нами была использована авторская анкета из 24 вопросов, состоящая из 5 шкал. Для выявления индивидуальных особенностей всех испытуемых и различий в индивидуальной сфере тех, кто испытывает высокий и средний уровень переживания мифологических страхов независимо от половой принадлежности, нами были использованы: методика Г. Айзенка по определению темперамента; тест выявления локуса контроля по Дж. Роттеру; опросник Г. Шмишека по оценке акцентуаций характера; анализ уровня тревожности Дж. Тейлора (адаптация Т. А. Немчинова).

Все полученные результаты описываются в статье и приводятся в таблицах.

Ключевые слова: *религия, религиозность, миф, мифологизация, мифологические страхи, период юности, индивидуальные особенности, гендерная классификация, представители Ислама, постконфликтный регион.*

Религия и ее влияние на ценности общества, в зависимости от специфических особенностей развития, выполняют основные три функции. К первой относится функция института, благодаря которой религия, с одной стороны, осуществляет психологическую поддержку людей в тяжелых жизненных обстоятельствах. Ко второй относится функция, диктующая определенный социальный цензор и социальный регламент, и третья функция несет в себе экзистенциальный аспект, помогающий человеку находить ответы на фундаментальные вопросы существования. Эта последняя функция связана с феноменом мифа и мифологизации.

В религии люди ищут веру, спасение, оправдание, утешение, т. к. она всегда утверждение личности в вечности, попытка спасения, выражение внутренней, духовной стороны. В мифе человек также имеет возможность проявить себя, высказаться, иметь свою историю; он, т. е. миф, – это возможность для личности выражения своей внешней стороны. Сливаясь с религиозно-магическими обрядами, мифы составляют существенную часть содержания религиозных верований. И уже на поздней стадии развития – в мировых религиях – мифы становятся религиозными догматами. В мифе переплетаются вымысел и вера, зачатки знаний и предрассудки, религиозные и нравственные представления, художественно-эстетические чувства. Отделить одно от другого просто невозможно. Мир мифа гармоничен, строго упорядочен и неподвластен логике практического опыта. Недостаток знания восполняется образованностью и ассоциативностью. Миф существует как некая гипотеза, импровизированное суждение по поводу реальности. И, что очень важно, создавая такую реальность, человек принимает ее как единственно достоверную. Однако необходимо помнить о том, что избыточная мифологизация личности может порождать экзистенциальные страхи, связанные с определенными религиозными угрозами. Таким образом, чрезмерное переживание определенных мифологических установок, связанных, к примеру, с суеверием, приметами, колдовством, верой в негативное влияние духов (дьявола, джинна), может выполнять функцию деструктивной трансформации и деформации личности, т. к. на этапе чрезмерной мифологизации религиозность личности начинает приобретать избыточность. Влияние религии на психологическое состояние людей в период чрезмерной мифологизации существующей действительности представляет достаточный интерес не только для религиозных деятелей,

психиатров, но и для психологов. Для настоящего исследования особый интерес представляет влияние религии и переживания мифологических страхов на индивидуально-психологические особенности современного представителя Ислама в период юности, особенно в условиях постконфликтных территорий, где проблемы религиозной веры и религиозных мифов могут быть трансформированы в силу того, что общество пережило коллективный, стрессогенный момент в своем развитии.

В настоящее время в психологии фактически нет исследований, направленных на выявление мифологических страхов (в частности, как воспринимается явление одержимости джинном) в молодежной среде и того, кто именно в наибольшей степени склонен к такого рода деформации сознания и поведения. В этой статье как раз и рассматривается данная проблема.

На начальном этапе исследования были сформулированы следующие гипотезы:

1. Там, где прошли боевые действия, у большинства населения еще многие годы могут быть изменены ценностные установки в восприятии окружающей реальности.
2. В этих условиях мифологическое влияние на ценностную сферу различных социальных и возрастных групп населения может приобретать достаточно сильный характер, в отличие от регионов, в которых нет эффекта военного последствия.
3. Ресурс мифологического влияния может иметь как позитивное (защитное), так и негативное воздействие на ценностные установки, приводя к психологическим и личностным деформациям.
4. Для выявления рисков отрицательного мифологического воздействия возможно рассмотрение специфики восприятия и оценки крайних форм личностных изменений (фанатизм, одержимость) в молодежной среде.
5. Для предотвращения возможности манипулирования сознанием и жизненными ориентациями людей с использованием мифологических контентов, особенно в молодежной выборке, может быть организована система психолого-педагогического сопровождения тех, кто попадает в зону риска.

Для их проверки были проведены анкетирование и диагностика студентов (200 человек), представителей Ислама.

Говоря о выявленных результатах, полученных с помощью анкеты, состоящей из 24 вопросов, сгруппированных в 5 шкал, необходимо изложить следующие данные по шкалам.

1. Результаты *по первой шкале*, направленные на выявление особенности рефлексии уровня приобщенности себя и своей семьи к определенному профессиональному направлению, свидетельствуют о том, что 100 % испытуемых

относят себя к конфессиональной группе, исповедующей религию Ислам, все 100 % испытуемых считают свою семью религиозной. Полученные данные являются результатом исследований выборки обеих групп.

2. По второй шкале, направленной на выявление уровня информированности человека, относительно интерпретации ряда религиозных понятий, связанных с проявлением добра и зла, исследования показали значительные результаты в показателях с незначительной разницей между гендерными группами.

В обеих группах по данной шкале получены результаты от 60 % до 98 % с положительными ответами на вопросы относительно веры в нечистые силы, дьявола, ангела и джинна.

Верят в существование нечистой силы от 60 % до 80 % испытуемых обеих групп. Верят в существование нечисти с религиозной точки зрения 82 % испытуемых юношей и 87 % испытуемых девушек. В существование дьявола испытуемые обеих групп верят практически в одинаковой степени: девушки – 78 %, юноши – 79 %. Верование в существование ангелов: испытуемые показывают 98 % утвердительных ответов в обеих группах. Испытуемые обеих групп практически в одинаковой степени, 96 % и 98 %, верят в существование джинна.

3. Третья шкала вопросов связана с выявлением уровня смысловых установок, связанных с фатальностью и катастрофизацией в понимании воздействия религии на управление психикой человека.

На вопрос, связанный с мнением испытуемых о реальности подверженности каждого человека вселению джиннов, мужская группа дала положительные ответы в количестве 82,8 %, женская группа на этот же вопрос положительно ответила в количестве 87,5 %.

На аналогичный вопрос, но уже адресного характера, относящегося непосредственно к их личности, испытуемые дали положительный ответ в значительно меньшей степени: в мужской группе показатель равен 51 %, в женской – 42,3 %. Однако в таком же вопросе, но уже с уточнением религиозного аспекта: «Вы допускаете возможность Вашей подверженности воздействию на Вас потусторонних сил с религиозной точки зрения?», мы получаем среди испытуемых женской группы более высокий процент положительных ответов, равный 58 %.

На вопрос связанный с испытыванием на себе симптомов вселения потусторонней силы, испытуемые обеих групп дали еще более низкий результат, равный от 19 % до 21 % в обеих группах.

Заключительным вопросом данной шкалы является вопрос, связанный с возможностью одержимости верующего человека, на который положительно ответили испытуемые мужской группы в количестве 66 %, и женской в количестве 72,2 %.

4. *Четвертая шкала анкеты*, предназначенная для выявления того, в какой степени люди реально сталкиваются с проблемами психологической угрозы со стороны религиозных феноменов и в какой степени эти проблемы затрагивают их реальный жизненный мир, показала следующие результаты.

В вопросе, кто виноват в причине одержимости человека, из представленных вариантов, 10 % испытуемых женской группы считают причиной одержимости проклятья; 20 % мужчин и 18 % женщин считают, что это слабость силы духа; 21 % мужчин и 19 % женщин считают, что причина в болезнях; и самый большой показатель, – 64 % среди мужчин и 62 % среди женщин считают, что главная причина в одержимости человека – это отсутствие веры.

5. И, наконец, *пятая, последняя шкала* анкеты, представляет вопрос о том, в какой степени человек осознает то, что общество предлагает определенные механизмы психологической защиты себя от психологических угроз со стороны демонического влияния посредством религии (религиозный деятель, врач, психолог).

На вопрос, стоит ли бояться джиннов, утвердительные ответы испытуемых распределились следующим образом: группа мужчин – 24 %, группа женщин – 45,4 %.

На вопрос, как и в чем могут проявляться симптомы подтверждающие вселение джиннов в человека, а также как определить, есть ли в человеке джинн, респонденты в основном объясняли это отсутствием религиозного поведения, неадекватной агрессией, замкнутостью, агрессивной реакцией на чтение священных писаний.

В результате проведенного анкетирования в выявлении наличия и степени переживания мифологических страхов у представителей Ислама в период юности на постконфликтной территории юга России, и анализа полученных данных, мы получили результаты, соответствующие следующим параметрам: 81 % юношей из 99 % испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов; 18 % юношей испытывают средний уровень мифологических страхов; 79 % девушек из 100 % испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов; 21 % девушек испытывают средний уровень мифологических страхов.

В исследовании были использованы следующие методики: методика Г. Айзенка по определению темперамента, тест выявления локуса контроля по Дж. Роттеру, опросник Г. Шмишека по оценке акцентуаций характера, анализ уровня тревожности Дж. Тейлора (адаптация Т. А. Немчинова).

При обработке результатов опросника Г. Шмишека, респонденты с разным уровнем переживания мифологических страхов показали различия акцентуаций в подгруппах, разделенных на испытывающих высокий и средний уровни мифологических страхов, условно обозначенных в группы М1 (мужчины

испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов), М2 (мужчины испытывают средний уровень переживания мифологических страхов), Ж1 (женщины испытывают высокий уровень переживания мифологических страхов), Ж2 (женщины испытывают средний уровень переживания мифологических страхов).

Таблица 1

**Данные акцентуаций по группам мужчин и женщин,
испытывающих высокий или средний уровень
мифологических страхов**

	<i>Мужчины</i>		<i>Женщины</i>	
	<i>М1</i>	<i>М2</i>	<i>Ж1</i>	<i>Ж2</i>
Гипертимность	14,78	10,33	18,14	17,6
Дистимичность	12,5	6,92	12,69	7,53
Циклотимность	11,3	9,02	14,52	15,59
Эмоциональность	13,31	7,85	14,47	11,6
Демонстративность	13,66	11,15	15,97	14,95
Застревание	15,23	10,35	15,19	13,87
Педантичность	13,58	10,76	15,17	14,4
Тревожность	18,05	6,94	12,14	9,91
Возбудимость	11,41	10,17	12,53	10,79
Экзальтированность	14,04	11	15,11	14,2
ЛОЖЬ	6,32	2,89	4,36	3

Из таблицы видны одинаково присущие обеим группам (М1 и Ж1) акцентуации характера, за исключением акцентуации тревожности, присущей группе М1, характеризующей их как личностей непостоянных в настроении, резкую смену настроения с хорошего в плохое, где плохое устойчивее и длительней хорошего. Это, при наличии депрессии, выражается в тревожном поведении, быстрой утомляемости, приходом в отчаяние от неприятностей.

Обработка данных тестирования на выявление уровня личностной тревоги респондентов (по Дж. Тейлору) с разным уровнем переживания мифологических страхов, показала следующие различия (рис. 1):

Сравнительные результаты в подгруппах мужчин и женщин показали четкое различие уровня личностной тревожности в большую степень у испытуемых, испытывающих высокий уровень переживания мифологических страхов. Такой показатель личностной тревожности групп свидетельствует о проявляющейся склонности к частым и сильным переживаниям, сильной тревоге по незначительному поводу, снижении способности концентрировать внимание, нарушении сна, в ситуациях повышенной тревожности может давать соматические реакции головокружения, дрожи, потливости и т. п.

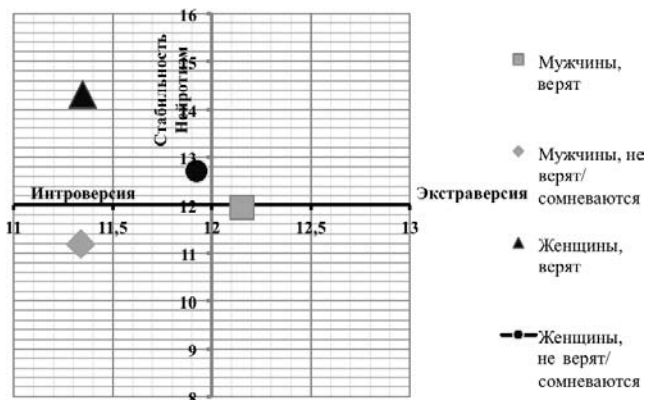

Условные обозначения: М1 – мужчины верят, М2 – мужчины не верят/сомневаются, Ж1 – женщины верят, Ж2 – женщины не верят/сомневаются

Рисунок 1. Уровни тревожности (по Дж. Тейлору) у мужчин и у женщин с разной степенью переживания мифологических страхов

Такие характеристики определяют данную категорию людей к личностям с большей подверженностью манипуляциям психики и поведения со стороны внешнего воздействия.

По результатам тестирования испытуемых на выявление показателей интроверсии/экстраверсии, эмоциональной устойчивости/неустойчивости и типа темперамента респондентов, нами были получены следующие результаты (рис. 2):

Условные обозначения: М1 – мужчины верят, М2 – мужчины не верят/сомневаются, Ж1 – женщины верят, Ж2 – женщины не верят/сомневаются

Рисунок 2. Тип темперамента у мужчин и у женщин разной степени переживания мифологических страхов

Результаты исследования *интроверсии/экстраверсии* группы мужчин, испытывающих высокий уровень переживания мифологических страхов, выявили их сангвинический тип темперамента; группы женщин, испытывающих высокий уровень переживания мифологических страхов, – выявили их принадлежность к меланхолическому типу темперамента.

Результаты, полученные в ходе анализа теста – опросника по выявлению локуса контроля испытуемых, определили следующие данные (рис. 3):

Условные обозначения: M1 – мужчины верят, M2 – мужчины не верят/сомневаются, Ж1 – женщины верят, Ж2 – женщины не верят/сомневаются

Рисунок 3. Локус контроля у мужчин и у женщин с разной степенью переживания мифологических страхов

Таким образом, по оценке разброса данных, стандартное отклонение всех четырех выборок примерно одинаковое (~ порядка 5, 6 единиц).

Для выявления рисков отрицательного религиозного воздействия проведен сравнительный анализ личностных особенностей, результаты которого показали независимость половой принадлежности в закономерности корреляционной связи между подгруппами, испытывающими высокий или средний уровень мифологических страхов.

С помощью анализа значимых корреляционных связей в подгруппах мужчин и женщин обнаружена прямая связь в степени переживания мифологических страхов, от наличия индивидуально-психологических зависимостей.

Таблица 2

Значимые корреляционные связи

Корреляционные связи	M1	Ж1
Циклотимность и тревожность	$\rho \leq 0.01$	$\rho \leq 0.01$
Эмоциональность и тревожность	$\rho \leq 0.01$	$\rho \leq 0.01$
Демонстративность и тревожность	$\rho \leq 0.05$	$\rho \leq 0.05$
Экстернальность и гипертимность	$\rho \leq 0.05$ (+Ж2)	-

Полученные в результате диагностики данные позволили сделать выводы, которые подтверждают ранее выдвинутые гипотезы.

Исходя из результатов всего исследования, возникает необходимость предотвращения возможности деструктивной трансформации ценностно-смысловой сферы молодежи. На этой основе были разработаны практические рекомендации, которые включают в себя программу психолого-педагогического сопровождения учащихся образовательных учреждений и студентов вузов, основанную на повышении критичности мышления, преодолении стереотипов восприятия реальности, повышении уровня уверенности в себе за счет формирования адекватной самооценки, предусматривающую в себе 4 основных модуля: диагностика; индивидуальное психологическое консультирование; тренинговая работа; просветительская деятельность.

Литература

1. *Абакумова И.В., Ермаков П.Н.* Технологии направленного воздействия по профилактике идеологии экстремизма и терроризма // Сборник материалов 6-й международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (11–13 ноября 2010 года, МГУ, Москва). – М., 2010. – С. 181–194.
2. *Гримсолтанова Р. Э., Гримсолтанова Т. Э.* Отношение студенческой молодежи в Чеченской Республике к феномену одержимости // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Проблемы подготовки специалистов в современных социокультурных условиях», Ставрополь, 2014. – С. 67–76.
3. *Гримсолтанова Р. Э.* Личностная тревожность и религиозность молодежи – инструмент манипуляции сознанием и поведением // Научный взгляд на современный этап развития общественных, технических, гуманитарных и естественных наук. Актуальные проблемы: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (2–3 сентября 2014). – СПб.: КультИнформПресс, 2014. – С. 31–34.
4. *Гримсолтанова Р. Э.* Место религии в специфике личностного развития. Психология религии // Ломоносов-2014: тезисы XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (7–11 апреля 2014). – М.: МАКС Пресс, 2014.
5. *Гримсолтанова Р. Э.* Методология восприятия вторичного образа // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 43–46.
6. *Гримсолтанова Р. Э.* Невроз и стрессоустойчивость личности в постконфликтном регионе // Молодежная инициатива–2011. Материалы

- II Ростовского молодежного научно-практического форума. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – С. 174–177.
7. *Гримсолтанова Р. Э.* Одержимость как предмет психологического исследования // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 55–62.
 8. *Гримсолтанова Р. Э.* Психология воздействия религиозных учений и тоталитарных культов на личностные особенности в контексте различных психологических подходов // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 19–23.
 9. *Гримсолтанова Р. Э.* Религиозная одержимость как предмет психологического анализа: постановка проблемы // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 62–69.
 10. *Гримсолтанова Р. Э.* Религиозность чеченской молодежи и ее критерии // Психология и педагогика: теоретические и практические аспекты современных наук. Материалы XXII Международной научно-практической конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых (31 мая 2014). – М.: Изд-во Моск-ого науч. центра психологии и педагогики, 2014. – С. 59–62.
 11. *Гримсолтанова Р. Э.* Социальные, психологические и психиатрические трансформации религиозных установок в регионах с повышенной социально-психологической напряженностью // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Религия, религиозность, философия и гуманитаристика в современном информационном пространстве: национальный и интернациональный аспекты», Украина, 26–27 декабря 2013. – С. 5–12.
 12. *Гримсолтанова Р. Э.* Страх перед одержимостью джиннами, как критерий религиозности в Чеченской республике // European Social Science Journal. – 2014. – Т. 3. – № 7. – С. 364–368.
 13. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник / Под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова. – М.: КРЕДО, 2013. – 352 с.
 14. *Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju.* Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013. – Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
 15. *Grimoltanova R. E., Grimoltanova T. E.* Value of myth and religious belief of young people in the conditions of post-conflict region [Ценности мифа и религиозной веры в юношеском возрасте в условиях постконфликтного региона] // European Science and Technology: materials of the VIII international research and practice conference, Munich, October 16th–17th, 2014. – pp. 291–296.

16. *Grimoltanova R. E.* Psychology of religion and role of the phenomenon of possession in the student's environment of the Chechen Republic [Психология религии и роль явления одержимости в студенческой среде Чеченской Республики] / *World & Science* (May 1th, 2014). Brno, Czech Republic, 2014. – pp. 152–157.
17. *Grimoltanova R. E.* Rilevanza esperienze mistiche nelle regioni post-conflitto [Актуальность мистических переживаний в постконфликтном регионе] // URL: <http://www.ias-journal.org/archive/2014/january/Grimoltanova.pdf>
18. *Haber J., Jacob R., Spangler J. D. C.* Dimensions of religion and their relationship to health // *The International Journal for the Psychology of Religion*. – 2007. – Vol. 17 (4). – pp. 265–288.
19. *Powell L. H., Shahabi L., Thoresen C.* Religion and spirituality linkages to physical health // *American Psychologist*. – 2003. – Vol. 58. – pp. 36–52.
20. *Wuthnow R.* How religious groups promote forgiving: a national study // *J. Sci. Stud. Relig.* – 2000. – Vol. 39. – pp. 125–139.

УДК 159.9.072.43

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Звездина Галина Павловна
Исмаилов Казбек Ваитович**

В статье обоснована актуальность изучения проблемы этноконфессиональной безопасности поликультурного региона в современном российском обществе. Проведена дифференциация понятий, относящихся к проблеме этноконфессиональной безопасности. Рассмотрены особенности презентации понятий: конфессиональная безопасность, религиозная безопасность, этнокультурная и этническая безопасность, этноконфессиональная безопасность. Обозначены угрозы этноконфессиональной безопасности в условиях ситуации неопределенности и нестабильности современного социума. Показана роль семьи как социального института общества, транслирующего ценности культуры и традиций своего этноса. Представлены результаты эмпирического изучения семейных ценностей супружеских пар разной этнической принадлежности, проживающих в условиях поликультурного региона (Чеченская Республика). Выделены и описаны особенности ценностей современной семьи, в зависимости от этнической принадлежности (русские, чеченцы, смешанные семьи), в контексте этноконфессиональной безопасности.

Выявлено, что для семей этнических русских значимыми являются ценности благополучия: иметь хорошую работу и хорошую семью, здоровье, быть любимыми. Большинство респондентов высказали необходимость поддерживать национальные традиции, прививать народные ценности и традиции своим детям. Установлено: в смешанных семьях большая часть респондентов обоего пола отметили, что поддерживать национальные традиции и развитие национальной культуры, прививать народные ценности и традиции своим детям, жить духовной жизнью для них важно; система оценок респондентов находится в диапазоне высоких и выше среднего. Выявлено, что в этнических чеченских семьях отмечается важность передачи своим детям народных традиций, формирующих и поддерживающих чувство единения на уровне этноса, общины, семьи, позволяющих отдельному индивиду осознать свою этническую принадлежность, сохраняющих вековые ценностные ориентации и установки.

Ключевые слова: поликультурный регион, конфессиональная безопасность, религиозная безопасность, этноконфессиональность, этническая безопасность, этноконфессиональная безопасность, ценности семьи, ценности безопасности.

Проблема безопасности поликультурного мира становится актуальной на фоне трансформационных и глобализационных процессов, происходящих в современном мире. Любой поликультурный регион полиэтничен и поликонфессионален по определению. И это, наряду с многоголосием и многоаспектностью культурной жизни страны, ее отдельных регионов создает целый ряд точек напряженности и рисков, актуализируя тем самым проблему безопасности. Этноконфессиональный фактор в современной социальной практике осознается в качестве важнейшего и необходимого слагаемого поддержания целостности и жизнеспособности общества, его безопасности.

Особый интерес вызывает исследование проблем безопасности тех регионов Российской Федерации, которые характеризуются нестабильностью ситуации, этноконфессиональным многообразием состава населения, находятся в зоне геополитических интересов ряда зарубежных государств. К таким регионам относится и Северный Кавказ, от стабильности и устойчивости развития которого в прямой зависимости находится уровень обеспечения безопасности всей Российской Федерации.

Россия – многонациональное государство, и характер складывающихся отношений между различными этническими и конфессиональными группами во многом определяет общественно-политическую стабильность в государстве. Этноконфессиональная безопасность является частью, прежде всего, национальной безопасности. Среди факторов и угроз, оказывающих негативное влияние на обеспечение национальных интересов России, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» не случайно выделяется развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма, в том числе под лозунгом религиозного радикализма [16].

Термин «этноконфессиональная безопасность» до сих пор еще недостаточно определен в современной науке. Остановимся на том, что выделяются разные виды безопасности в контексте этнических и конфессиональных отношений. В отечественной научной и публицистической литературе часто встречаются два на первый взгляд взаимозаменяемых, а в ряде случаев и подменяемых понятий – «конфессиональная безопасность» и «религиозная безопасность». Однако, как не тождественны сами понятия конфессии и религии, так и не тождественны понятия религиозной и конфессиональной безопасности.

Понятие религиозной безопасности чаще всего употребляется в отечественной литературе православного характера, в основном в контексте защиты традиционной православной религии от современных нетрадиционных культов, имеющих экстремистский характер. Современные теологи

создают механизмы защиты от вступления молодежи в подобные секты [9]. Система этих механизмов и является основой таким образом понимаемой религиозной безопасности. В светской отечественной научной литературе введение понятия религиозной безопасности подразумевает безопасность традиционных религий и их защиту, прежде всего от нетрадиционных религиозных культов [6].

Термин «конфессиональная безопасность» является относительно новым для отечественной науки, хотя уже достаточно используется в научном обороте (П. Н. Беспаленко, А. Т. Гилалов, Р. Кадыржанов, Ю. Г. Карпухин, А. Нысанбаев, А. И. Шустева).

Исследователи подчеркивают значение конфессионального фактора в системе общенациональной безопасности, отмечая, что «можно говорить об особом аспекте безопасности, который непосредственно связан с высоким уровнем конфессиональной напряженности» [8].

Понятие «конфессиональная безопасность» охватывает и межконфессиональные проблемы, и личную безопасность, и духовную безопасность, а также сохранение религиозной идентичности не только на национальном, но и на личностном уровне [17].

Помимо понятия «конфессиональная безопасность» в литературе встречается использование понятия «этническая безопасность». Под этнической безопасностью понимается «безопасность общественной жизни, в которой нет места национальной розни, национальной нетерпимости, в которой право не выделяет в качестве приоритета национальную принадлежность и применяется ко всем национальностям объективно и справедливо, согласно букве закона» [15].

В рамках социокультурного подхода отдельно выделяется этнокультурная безопасность. Отечественные исследователи Л. С. Перепелкин и В. Г. Стельмах в определении понятия «этнокультурная безопасность» обращают внимание на проблемы взаимодействия представителей разных этнокультурных групп, проживающих на территории Российской Федерации. Согласно пониманию авторов, «этнокультурная безопасность – это сфера устойчивого функционирования и воспроизводства культур всех национальных групп, проживающих в рамках того или иного государства, вкупе с возможностью их участия в свободном взаимообмене культурными ценностями и сохранения их членами своей этнической идентичности» [11].

Так как предметом нашего исследования является этноконфессиональная безопасность, остановимся более подробно на данной проблеме.

Исследователь К. Аллахвердиев отмечает, что «в отличие от этнической и конфессиональной сфер, этноконфессиональность не является самостоятельным субстратом жизни народа. Этноконфессиональность, обусловленная

исторически развивающейся сопряженностью этих сфер, представляет собой качественно новую социоантропогенную идентичность, создающую фоновую социально-психологическую среду, в которой происходит дальнейшее структурирование этноса путем этнонациональной имплементации религии, трансляции конфессионального содержания в этнические формы, конструирования новых системных компонентов социальной жизни этноса» [2].

Этноконфессиональная безопасность представляет собой основу национальной безопасности, она может быть представлена как система государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций. Этноконфессиональная безопасность понимается как «система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культурной оболочки, а также этнической идентичности, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной и этнической почве. Этноконфессиональная безопасность – это система условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с этноконфессиональной принадлежностью» [14].

Актуализация этноконфессиональной безопасности и возрастание роли этничности в современных условиях является естественной реакцией на так называемый эффект неопределенности современной реальности, ее высокую противоречивость.

Растущее осознание мировой общественностью обострения противоречия между повышением уровня полиэтничности социальной среды, в которой живет и трудится человек, и его неподготовленностью к изменяющимся условиям жизни выдвигает на первый план стратегических направлений развития образования поликультурное образование и воспитание подрастающих поколений [19].

Миропонимание человека, которое складывалось в результате воспитания в семье, традиционного образования и воздействия средств массовой информации, не соответствует тем условиям жизни, в которые погружается общество в новой, постиндустриальной эпохе [5]. Возникает некое противоречие между необходимостью постоянно изменяться и необходимостью сохранения этнической уникальности и устойчивости современного мира и тех ценностей, которые определяют жизненные выборы современного человека.

Нестабильность жизни, отсутствие социальных гарантий, расслоение общества, смена культурных ценностей повлекли за собой коренные изменения в личностных смыслах и ценностях человека, обострили явные и скрытые противоречия, имеющиеся в современном обществе. Нарастание деструктивных социокультурных изменений выступает в качестве угрозы

этноконфессиональной безопасности, находит реальное воплощение в актах терроризма и экстремизма, особенно в молодежной среде.

Этноконфессиональная безопасность базируется на воспитании, основанном на традиционных ценностях, таких как: любовь к человеку, дружба народов, трудолюбие, патриотизм, коллективизм, прочность семейных устоев, моральная чистота. Основу данного процесса составляет этика толерантности.

Семья является наиболее полноценной микросредой для формирования личности. Об этом свидетельствуют и широкие опросы, в том числе и в среде молодежи [12]. Семья – уникальный и пока единственный социальный институт воспитания, воспроизводящий людей как носителей социальной, культурной, этнонациональной по специфике содержания информации, транслируемой по поколениям [7].

Семья в сущности своей содержит все институты социального характера. Семья как институт не просто взаимодействует с ними, на основе законов всеобщей связи всех переменных, образующих общество, но и все они в неразвитой форме, в источнике, в потенции даны в сущности семьи. Поэтому семья не существует вне социальных институтов, как и они не существуют вне семьи. Общество у всех народов, наций, племен, во всех частях мира и во все времена состояло и состоит из семей, а не непосредственно из личностей. Семейные отношения, в которых переплетаются природные и социальные факторы, занимают в системе человеческих отношений особое место своим постоянством, многообразием и разнообразием субъектов, и передачей от поколения к поколению наследственных свойств, влияющих на формирование характера и психологии индивидов.

Взаимодействие семьи с другими социальными институтами происходит не иначе как через закон согласования. Семейные и родственные отношения свободно распространяются на людей с различным имущественным положением, социально-классовым, мировоззренческим, нравственно-культурным, даже этническим и конфессиональным миром. Этим свойством они смягчают социальные и другие противоречия в обществе, способствуют формированию толерантных отношений.

Современная семья, как и другие социальные институты общества, переживает трансформацию, в рамках которой происходит изменение семейных ценностей и установок населения (в первую очередь, молодежи), характера отношений и образа жизни современной российской семьи.

Предметом нашего исследования выступили особенности семейных ценностей современных семей разной этнической принадлежности, проживающих в условиях поликультурного региона (Чеченская Республика), в контексте этноконфессиональной безопасности.

В социально-психологическом исследовании приняли участие 60 респондентов, которые были представлены тремя группами: русские семьи – 10 семейных пар, 10 мужчин и 10 женщин, соответственно 10 семейных пар чеченцев и 10 смешанных семейных пар (муж – чеченец, жена – русская или другая национальность).

Изучение жизненных целей и ценностей в разных выборках респондентов показало свою специфику. В этнически русских семьях среди значимых целей и ценностей, выдвигаемых мужчинами и женщинами, находятся цели благополучия: иметь хорошую работу и хорошую семью, здоровье, быть любимым. Также среди значимых целей находятся: материальный достаток, желание овладеть определенной профессией и мастерством. В данной выборке наблюдаются определенные и гендерные различия: так 40 % мужчин в качестве значимой ценности высказали «не стать алкоголиком и наркоманом»; 60 % мужчин отметили ценность «не стареть» как незначимую, не имеющую для них ценности. Среди незначимых, как у мужчин, так и у женщин, находятся: «навсегда уехать за границу», «изменить свою жизнь». Однако женщины в большей степени ориентированы на саморазвитие и понимание смысла жизни, для них более важно «сделать себя таким, каким хочу».

При изучении религиозной идентичности было выявлено: большинство мужчин и женщин этнически русских отметили, что посвятить свою жизнь Богу скорее для них не важно, чем важно, 15 % высказали, что жить духовной жизнью, вести добропорядочную нравственную жизнь для них совсем не важно. Также к стагнирующим ценностям для некоторой части выборки (30 %) относится желание поддерживать национальные традиции, прививать народные ценности и традиции своим детям.

По мнению исследователя Л. П. Ипатовой, религиозная идентичность очень часто является маркером культурной идентичности. Социологические исследования показывают, что за «самоидентификацией себя в качестве православного в ряде случаев стоит не исповедание веры, не принятие православного образа жизни, а исключительно признание Православия в качестве исторически сложившейся в нашей стране культурной традиции», о чем свидетельствуют и результаты нашего исследования [5].

Ценности развития и творчества не относятся к значимым в данной выборке респондентов и в иерархии ценностей занимают более низкие позиции, что в большей степени говорит о традиционализме семейных ценностей, о необходимости сохранять традиции и нормы поведения в изменяющихся условиях общества.

Изучение ценностных приоритетов в смешанных семьях (чеченцы и русские) показало, что 70 % мужчин и 50 % женщин в качестве ведущей назвали ценность «посвятить свою жизнь Богу». Среди ведущих ценностей также названы

следующие: «достойно умереть», «иметь хорошую семью», «обеспечить счастье своих детей», «не служить в армии». Около 20 % респондентов мужского пола в качестве значимых отметили «не стать алкоголиком и наркоманом», тогда как в предыдущей выборке важным для себя отметили это 40 % мужчин.

Наименее важной ценностью для значительной части мужчин данной выборки (60 %) является «навсегда уехать за границу», они в большей степени предпочитают жить и работать на родине. Для 20 % мужчин не актуальна проблема старения и путешествия по всему миру.

У женщин данной выборки наблюдается большой разброс в ценностных приоритетах: «не голодать», «не стать жертвой преступлений», «добиться, чтобы тебя ценили и уважали», «быть любимой», «вести добропорядочную нравственную жизнь». Тогда как в качестве незначимых ценностей отмечены: «иметь хорошую работу», «быть смелым и решительным», «сделать карьеру», «делать все, что хотите», «не выделяться». Возможно, данный факт можно объяснить тем, что более 60 % женщин данной выборки – неработающие домохозяйки, поэтому для них не является ценной потребностью в профессиональной самореализации.

Интересным, на наш взгляд, является обращение к этнокультурным особенностям современной японской семьи. Сегодня воспитание детей является основной «работой» японских женщин. Для этого они получают соответствующее образование, чтобы передавать образцы воспитания своим детям [19]. Согласно результатам нашего исследования, данная тенденция, ориентированная на воспитание детей и отказ от карьеры, более свойственна женщинам из чеченских и смешанных семей.

Интересный факт был выявлен в данной выборке: определяя для себя значимой ценностью «добиться, чтобы вас понимали, ценили и уважали», одновременно возводится в ранг незначимых «быть честным и порядочным». Такие качества, как честность и порядочность, входят сегодня в разряд стагнирующих.

Более 70 % респондентов обоего пола отметили, что поддерживать национальные традиции, поддерживать развитие национальной культуры и традиций, прививать народные ценности и традиции своим детям, жить духовной жизнью для них важно; система оценок находится в диапазоне от «очень важно» до «скорее важно, чем не важно».

Отношение к изменению своей жизни примерно такое же, что и в предыдущей группе, однако многие отметили данную цель как важную для своих детей.

Таким образом, по данной выборке респондентов можно сделать следующие выводы: в большей степени представлены религиозные и традиционные ценности, достаточно выражена потребность в безопасности – «не голодать», «не стать жертвой преступлений» и др.

Ценностная картина в семьях этнических чеченцев демонстрирует, что 90 % супругов обоего пола высказывают желание посвятить свою жизнь Богу, 10 % респондентов отметили важными ценности «достойно умереть», «понять смысл жизни». Позиция «добиться, чтобы вас понимали, ценили и уважали» присутствует у мужчин и женщин, но эта ценность важна для большего количества женщин – 30 % против 10 % у мужчин. Среди приоритетов женщин достаточно четко просматриваются ценности самореализации: «заниматься своим делом», «ни от кого не зависеть», «стать очень богатой», «сделать себя таким, каким хочу быть», «добиться, чтобы родители не мешали», «быть любимой», «жить духовной жизнью».

У мужчин в качестве приоритетов выступают: «быть смелым и решительным», «быть честным и порядочным человеком», «иметь хороший характер», «иметь хорошую работу», «обеспечить счастье своих детей». В качестве защитных потребностей у них выделены: «не голодать» и «не стать алкоголиком и наркоманом». У мужчин по ценностям, вошедшим в ранг незначимых, наблюдается разброс, 20 % респондентов отметили для себя не важным «вести уединенную жизнь», и соответственно по 10 % набрали: «входить в элиту общества», «найти настоящую любовь», «не стать жертвой преступлений». В ранг незначимых у мужчин и женщин данной группы вошли следующие ценности: «никому не завидовать», «не стареть» (30 % женщин), «путешествовать по миру».

Что касается вопроса «поддержка национальных традиций и национальной культуры», то здесь наблюдается следующая картина: 65 % респондентов обоего пола считают это очень важным, по 10 % считают, что «скорее важно, чем не важно» и «не то, чтобы важно, не то чтобы нет», и 5 % считают – «совсем не важно». Несколько иная картина наблюдается по позиции: «прививать народные ценности и традиции своим детям». В формировании личности ребенка большое значение имеет практическое использование обрядов и ритуалов, регулирующих эмоциональное состояние людей, формирующих и поддерживающих чувство единения на уровне этноса, общины, семьи, позволяющей отдельному индивиду осознать свою этническую принадлежность, сохраняющих вековые ценностные ориентации и установки.

Из всей выборки респондентов чеченских семей 80 % мужчин и 60 % женщин однозначно считают, что это делать необходимо, 30 % женщин и 10 % мужчин придерживаются такой же точки зрения, но не в столь категоричной форме, и по 10 % мужчин и женщин считают данную позицию совсем не важной.

Проведенный анализ результатов эмпирического исследования показал, что этнические ценности связаны с этноконфессиональными и являются больше этическими ценностями, передаваемыми с помощью механизма традиции, которая обеспечивает существование культуры этноса.

В качестве одного из важных условий поддержания этноконфессиональной безопасности в поликультурных регионах является «создание эффективной системы просвещения граждан в части культурного и конфессионального многообразия, исторического единства жителей страны, истории религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом и терроризмом» [1, с. 18].

Подобная работа, с одной стороны, позволит понять уникальность каждой культуры и этноса, с другой – увидеть общее и объединяющее всех народов, живущих на одной территории. В последнее десятилетие в науке появилась перспектива более объективного и глубокого изучения традиционной культуры и, в частности, представителя конфессии как носителя культурных норм и ценностей.

На основе проведенного теоретического анализа изучаемой проблемы и ее эмпирического исследования, можно констатировать, что в современных российских семьях разной этноконфессиональной направленности, несмотря на имеющиеся различия, имеет место единая система традиционных семейных ценностей, где семейное благополучие, любовь, взаимопонимание, благополучие детей, здоровье являются основополагающими. Потребность в безопасности (личной, экономической, политической), находящая свое выражение в ценностях, условно обозначаемых нами как «ценности безопасности», или материалистические ценности, характерна для всех представителей семей, вне зависимости от возраста и конфессиональной принадлежности. Данное положение является крайне существенным, поскольку, с одной стороны, является индикатором существования в нашей стране глубинных кризисных явлений экономического и социально-политического характера, а с другой – определяет ценностный контент российского политико-культурного поля, о чем свидетельствуют данные проведенного социально-психологического исследования.

Литература

1. *Абакумова И. В., Богуславская В. Ф.* Методы противодействия экстремизму этноконфессиональной направленности: основные направления практической работы // *Российский психологический журнал*. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 17–22.
2. *Аллахвердиев К.* Этноконфессиональный фактор национальной безопасности государств Кавказа // URL: http://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-3/02.shtml
3. *Звездина Г. П., Елагина М. Ю.* Возможности современной школы в создании поликультурной образовательной среды // *Этнопедагогика в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической*

- конференции, посвященной Году учителя. 19–21 октября 2010 г. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. – С. 304–310.
4. *Звездина Г. П.* Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средства профилактики экстремизма в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 6. – С. 76–80.
 5. *Ипатов Л. П.* Православная идентичность как персональный портрет / Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006.
 6. *Карпунин Ю. Г.* Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность // Вестник РГГУ. Серия «Право». – 2008. – № 5.
 7. *Киселёва Е. В.* Современная российская семья в традиционном конфессиональном аспекте // Вестник славянских культур. – 2012. – Т. 1. – № XXIII. – С. 37–43.
 8. *Косов Г. В.* Политическая концепция Ислама: проблемы цивилизационного и политического анализа: монография. – Ставрополь, 2008. – С. 90.
 9. *Кураев А.* Техника религиозной безопасности // URL: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0003.html>
 10. *Магомедов А. А.* Социокультурная преемственность в сфере семейных отношений на Северном Кавказе // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 121–128.
 11. *Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г.* Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3.
 12. Подросток на перекрестке эпох: проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков / Под ред. С. В. Кривцовой. – Москва: Генезис, 1997. – 288 с.
 13. *Романова А. П., Мармилова О. В.* Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – № 2.
 14. *Романова А. П., Якушенков С. Н., Лебедева И. В., Топчиев М. С.* Феноменология чужого в контексте культурной (этноконфессиональной) безопасности // Человек. Сообщество. Управление. – 2011. – № 1. – С. 44–56.
 15. *Сарапулов В. Н., Якупова В. Н.* Безопасность человека и гуманитарные средства ее обеспечения (на примере космодрома Байконур) // URL: <http://www.zpu-journal.ru/ezpu/1/Sarapulov&lakupova>
 16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (действующая редакция), утверждена Указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537 // КонсультантПлюс: нормативно-правовая база. – 2013.

17. *Топчиев М. С.* Проблема конфессиональной безопасности: теоретико-понятийный анализ // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44). – С. 266–267.
18. *Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju.* Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person // V Congress of Russian Psychological Society, Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 35–41.
19. *Kidder L. H., Kosuge N.* Family-work in modern Japan: The reproduction of sons and mothers // Entitlements and the affectional bond. New York: Plenum. – 1992.

УДК 159.99

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ

Осипова Алла Анатольевна
Прокопенко Максим Владимирович

Статья посвящена рассмотрению проблемы стратегий преодоления психологических барьеров. Предметом исследования являются различные типологии стратегий преодоления психологических барьеров. Психологический барьер представляет собой определенную внутриличностную преграду, преодоление которой ведет к качественному преобразованию как деятельности личности, так и самой личности (К. Д. Ушинский, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев). Возникновение психологического барьера трактуется рядом авторов как некая критическая ситуация, из которой возможен как конструктивный выход, так и развитие всевозможных деструкций (Н. А. Подымов, Р. Х. Шакуров). Представлены различные подходы к способам преодоления кризисной ситуации в отечественной и зарубежной психологической литературе: метакогнитивные, когнитивные, социо-аффективные. Стратегии преодоления исследуются на двух уровнях: ситуативном и личностном. В качестве стратегий преодоления психологических барьеров рассматриваются: психологическая защита (З. Фрейд, А. Фрейд), самоактуализация (А. Маслоу), формирование жизненных целей (К. Роджерс) и др. Подробно изучены такие виды стратегий преодоления психологических барьеров, как: ситуативная, инициативная, защитная, пассивная, депрессивная, аффективно-агрессивная. Несмотря на то, что в психологической науке накоплен значительный материал, отражающий различные аспекты проблемы выбора различных стратегий преодоления психологических барьеров, процесс осмысления и интерпретации различных точек зрения еще далек от своего завершения.

Ключевые слова: психологический барьер, личность, деятельность, развитие, кризисная ситуация, совладание, субъект деятельности, жизненная стратегия, конструктивная стратегия, деструктивная стратегия, структура стратегии.

Развитие психологического знания – процесс непрерывный, отражающий основные этапы развития любого научного знания. Научное познание представляет собой не только фиксацию явлений и фактов объективной или субъективной реальности в форме научного понятия, термина, но и закрепление в поле научного знания через соотношение с уже имеющимися

понятиями, терминами, дефинициями. По мере накопления нового знания происходит его осмысление через обобщение, выделение соответствующих кластеров понятий, систематизацию, классификацию и типологизацию различных уровней. Такой путь научного осмысления реальности характерен для большинства гуманитарных наук и психологическая наука не является исключением.

Этиологический анализ понятия «психологический барьер» показывает, что традиционно в психологической науке данное понятие рассматривалось в контексте проблемы преодоления препятствий: как внешних (объективных), так и внутренних (субъективных) на пути развития и становления человека как социального субъекта. В данном контексте термин «барьер» использовал еще К. Д. Ушинский, который полагал, что «существование препятствий есть необходимое условие существования деятельности – такое условие, без которого сама деятельность невозможна...» [29].

Теоретические основы понимания психологических барьеров в отечественной психологической науке были заложены в работах С. Л. Рубинштейна, который, подчеркивая взаимосвязь деятельности и эмоции, отмечал: «В ходе деятельности есть обычно критические точки, в которых определяется благоприятный для субъекта или неблагоприятный для него результат, оборот или исход его деятельности. Человек как сознательное существо более или менее адекватно предвидит приближение таких критических точек. При приближении к ним в чувстве человека – положительном или отрицательном – наступает разрядка» [26].

В отечественной психологической науке (в рамках деятельностного подхода) психологический барьер рассматривается как фактор, стимулирующий либо разрушающий деятельность. В рамках данного научного направления человеческая деятельность может разворачиваться как во внешнем, предметном плане, так и во внутреннем (психическом); соответственно, те препятствия, которые возникают как во внутреннем, так и во внешнем плане, могут быть обозначены как внешние или внутренние психологические барьеры.

Многими авторами было доказано, что психологическим барьерам принадлежит ведущая роль в развитии личности. Так, в работах Г. А. Балла, А. М. Матюшкина, А. Я. Пономарева, О. К. Тихомирова, Л. М. Фридмана [3, 20, 24, 28, 30] было показано, что развитие мышления, а особенно творческого, происходит в процессе решения проблем, возникающих препятствий на пути к намеченной цели. Происходящая под влиянием психологического барьера внутренняя группировка сил переживается субъектом как состояние стресса, дискомфорта, напряжения, что является отклонением от нормального режима функционирования; психическое развитие ведет к восстановлению нарушенного равновесия, к снятию или снижению стресса; стремление

к равновесию является одной из генеральных тенденций в психологической устойчивости личности. Накопление и реализация внутренних ресурсов, их реструктурирование позволяет преодолевать сопротивление тех или иных препятствий, что приводит к развитию личности.

На необходимость исследования способов преодоления психологических барьеров указывали А. Я. Пономарев и Т. В. Кудрявцев, отмечая, что вместо поиска отдельных частных приемов и алгоритмов, ведущих к созданию нового, необходимо разрабатывать систему мер, предупреждающих об ошибке инерции, не допускающих ее возникновения и направляемых, если она уже появилась, на разрушение шаблонных принципов и рутинных приемов. Успех творческой деятельности и поиски новых творческих решений зависят во многом от того, насколько исследователю удалось освободиться от шаблона, преодолеть барьер стереотипов. Вместе с тем, одной из основных, центральных функций барьера является обеспечение устойчивости личности [24, 15].

«Психологическая сущность барьеров характеризуется глубокой внутренней работой по осознанию критической ситуации, зарождению переживания, оценки травмирующего воздействия и дальнейшего преодоления барьера или защите от него. Препятствием, останавливающим деятельность, является момент переживания и оценки критической ситуации. В зависимости от силы переживания и адекватности оценивания такой ситуации определяются дальнейшие стратегии и выходы из барьера: конструктивные или деструктивные. Процесс преодоления психологических барьеров сопровождается глубокой внутренней работой по преодолению сложившихся стереотипов деятельности, смысловому образованию ситуации, требующих адекватных умственных действий, волевых установок, что повышает активность и напряженность деятельности» [21, с. 83].

По мнению Н. В. Дроздовой, «преодоление психологического барьера – это внутренняя работа субъекта деятельности, связанная с мобилизацией внутренних ресурсов: нахождение личностного смысла деятельности, ценности личной позиции, самоактуализации, осознание мотивов деятельности, на которую оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Процесс преодоления психологических барьеров в учебной деятельности связан с переживанием. Под переживанием мы понимаем деятельность личности, направленную на преодоление возникшего препятствия. В процессе “переживание–деятельность” личность сама определяет способ преодоления психологического барьера. Это активный результативный внутренний процесс, позволяющий реально преобразовывать психологическую ситуацию» [12, с. 82].

Рассмотрение понятия «стратегия преодоления психологических барьеров» требует обращения к теории учения как деятельности личности.

Общепризнано, что учебная деятельность, как и всякая другая деятельность, имеет свой предмет, продукт и средства, а ее структура включает потребности, мотивы, действия, операции, цель, общую программу деятельности.

Зарубежными исследователями выделяется три типа стратегий: метакогнитивные, когнитивные, социо-аффективные.

Под метакогнитивными стратегиями понимается обдумывание процесса учения, его планирование, контроль правильности понимания воспринимаемой информации, самооценка, осуществление мониторинга в ходе выполнения разнообразных заданий.

Когнитивная стратегия выражается в активном манипулировании учебным материалом, предполагает его трансформацию и организацию.

Социо-аффективные стратегии отражают влияние социальных и аффективных факторов на процесс овладения деятельностью и выражаются, с одной стороны, в активном взаимодействии с другими обучающимися и преподавателем, кооперировании усилий для успешного решения учебных задач, и с другой стороны, в поддержании чувства уверенности в себе, поддержке мотивации к учению, уменьшении влияния негативных эмоциональных состояний.

В рамках динамического подхода к исследованию барьеров в профессиональной деятельности (педагога) психологические барьеры изучались с точки зрения процесса развития мастерства педагога или преодоления барьеров. Ряд авторов, представляющих данное направление (А. А. Вербицкий, А. К. Маркова, Н. А. Подымов, Р. Х. Шакуров и др.) [8, 16, 17, 23, 32] указывают на различные конкретные способы преодоления барьеров, которые могут быть условно разделены на две группы:

- деструктивные способы, основой которых являются:
 - психологическая защита;
 - отказ от продуктивного разрешения критических ситуаций;
 - сохранение иллюзорной целостности личностной структуры;
- конструктивные способы, связанные с трансформацией смысловых структур личности и ее профессиональной самоактуализацией.

В представленных работах факт наличия различных способов преодоления психологических барьеров только констатируется, но не определяется, чем обусловлен выбор стратегии и насколько зависит уровень профессионального мастерства от выбранного способа разрешения трудностей [33, с. 44–45].

Обращение к проблеме изучения особенностей стратегии преодоления психологических барьеров позволяет отметить, что в психолого-педагогических исследованиях обнаруживается широкое разнообразие трактовок термина «стратегия». Данный термин соотносится с программой, набором тактик и техник, совокупностью операций, действий, совокупностью процедур, планом действий и т. д.

В общеметодологическом аспекте стратегия означает «искусное руководство, план проведения или действия, сознательно составленный набор операций для решения некоторой проблемы или достижения некоторой цели» [12, с. 69].

С. Л. Рубинштейн выделяет две стратегии в жизненном пути личности: ситуативную и личностную. Ситуативная жизненная стратегия заключается в том, что человек в большинстве жизненных ситуаций полагается на случай, на везение, на друзей и т. д., не прилагая для преодоления тех или иных обстоятельств своей активности; личностная же жизненная стратегия предполагает проявление активности в процессе жизнедеятельности, определенное самостроительство своей судьбы. Только личностная стратегия способствует самореализации личности, ее самоосуществлению. Если в первом случае человек чаще всего подстраивает свою мотивационную сферу под свершившиеся поступки, то при личностной стратегии мотивы являются первичными по отношению к тому или иному выбору [26].

В зарубежной психологии для обозначения специфики способа поведения в нестандартной ситуации используются термины «coping» – как способность справляться с чем-либо, например, с проблемной ситуацией, и «defense» – как защита от чего-либо, например, от неприятных переживаний.

Х. Ремшмидт под термином «coping» понимает «процесс конструктивного приспособления, в результате которого данное лицо оказывается в состоянии справиться с предъявленными требованиями таким образом, что трудности преодолеваются и возникает чувство роста собственных возможностей, а это, в свою очередь, ведет к положительной самооценке» [25, с. 154].

Психологическая защита рассматривается как стратегия преодоления психологического барьера, характеризующаяся отказом от решения проблемы и связанными с этим конкретными действиями ради сохранения комфортного состояния [21, с. 56].

П. Торнтоп выделяет три стратегии «поведения преодоления»: две активные (овладение ситуацией путем ее преобразования и преодоление эмоционального дистресса путем изменения собственного отношения к ситуации) и одну пассивную (эскапизм как отказ от каких-либо попыток устранить обусловленные ситуацией трудности).

Д. Брунер утверждал, что выработанная и правильно примененная стратегия обеспечивает субъективную уверенность в достижении результата [6].

Р. Лазарус выделил определенные стили реагирования, характеризующие способы поведения в ситуациях барьера:

1) проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы: связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как

самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации;

2) субъективно-ориентированный стиль является следствием эмоционального реагирования на ситуацию, не сопровождающегося конкретными действиями и проявляется в виде попыток не думать о проблеме вообще, вовлечения других в свои переживания, желания забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе или компенсировать отрицательные эмоции едой. Эти формы поведения характеризуются наивной, инфантильной оценкой происходящего [39].

Л. И. Анциферовой была предложена следующая классификация стратегий совладания:

1) конструктивная или активная стратегия, если человек считает ситуацию подконтрольной себе;

2) неконструктивная или пассивная, если ситуация неустраима с точки зрения человека и он не может ее изменить;

3) самопоражающие стратегии – человек прибегает к ним, если в безвыходной ситуации он не может или не хочет воспользоваться психологическими приемами самосохранения [2].

Т. Н. Денисовская указывает на то, что в общем понимании стратегия поведения личности в затруднительной ситуации может быть либо активной, либо пассивной: динамическая направленность личности – это не просто потенция, не нашедшая сейчас еще реализации: это основа прогноза, предсказание завтрашнего поведения личности, перспектива ее деятельности [9].

Л. Ф. Бурлачук и Е. Ю. Коржова отмечают, что «стратегии поведения в значимых ситуациях – это особые поведенческие синдромы, характеризующиеся актуализацией адаптивных механизмов психической саморегуляции. По мнению авторов, наиболее общими стратегиями являются формы тотального ориентирования человека – продуктивные и непродуктивные, появляющиеся, например, в тенденциях “инстинкта жизни” по З. Фрейду, а также “обладания” и “бытия” по Э. Фромму» [7].

Б. Г. Ананьев, описывая особенности зрелой личности, отмечал единство внутренних ситуаций, тактик и стратегий поведения с общими идеями и мировоззрениями [1].

Стратегия всегда направлена на достижение определенной цели: из этого следует, что преодоление психологического барьера – это внутренняя работа субъекта деятельности, связанная с мобилизацией внутренних ресурсов; нахождение личностного смысла деятельности, ценности личной позиции, самоактуализации, осознания мотивов деятельности, на которую оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Процесс преодоления

психологических барьеров в учебной деятельности студентов неразрывно связан с переживанием.

Стратегия преодоления психологических барьеров – множество приемов, иерархически организованных, объединенных целью и составляющих способ реализации учебной деятельности, обеспечивающий преодоление психологических барьеров [4].

В результате проведенного исследования, Н. В. Дроздовой было выделено три ключевых параметра, характеризующих стратегию преодоления психологического барьера: осознание, принятие, действие. На основании этих параметров Н. В. Дроздова выделила ряд стратегий преодоления студентами психологических барьеров.

Первая стратегия – осознание, принятие ситуации, но бездействие.

Вторая стратегия – осознание, принятие и понимание особенностей ситуации, конструктивные действия исходя из сложностей их возникновения.

Третья стратегия – отрицание ситуации, отвержение ее и бездействие.

Четвертая стратегия – осознание ситуации, принятие ее и понимание, но совершение неконструктивных действий [11, с. 670].

Изучив степень выраженности психологических барьеров и индивидуально-психологические характеристики студентов-психологов, Н. В. Дроздова пришла к следующему выводу: при возникновении психологических барьеров актуализируются и задействуются три важных уровня психического состояния: эмоциональный, когнитивно-аналитический, операционно-поведенческий.

Встречаясь с психологическими барьерами, студенты–психологи испытывают сложности не только в эмоциональной сфере, когда проявляется эмоциональный компонент, но и в когнитивно-поведенческой, т. к. психологический барьер представляет собой триединую структуру, которая проявляется в комплексе и в различных сочетаниях данных структур.

Одновременно с эмоциональным компонентом психологических барьеров действует когнитивно-аналитический, студенты–психологи проводят анализ и оценку учебно-профессиональной деятельности на основании своих собственных, субъективных критериев.

В дальнейшем сочетание эмоционального и когнитивно-аналитического компонентов приводит либо к отказу от деятельности, либо к реализации своих возможностей в ней, т. е. психологические барьеры начинают проявляться в поведении человека.

Закрепление психологического барьера и выбор стратегии преодоления психологического барьера связаны с когнитивно-аналитическим компонентом. В зависимости от того, какова оценка студентами процесса учебно-профессиональной деятельности и осознание своих мотивов поведения,

студенты–психологи выбирают ту или иную стратегию поведения: конструктивную или деструктивную.

На выбор стратегии оказывают влияние внешние и внутренние факторы, поэтому вектор эмоций будет направляться либо на самого себя, либо на других, в зависимости от этого будут выражены либо эмоциональные барьеры, либо смысловые барьеры, либо барьеры социальные, кризиса и творчества [10, с. 43].

Проведенный теоретический анализ показал, что проблема преодоления психологических барьеров довольно глубоко рассматривается во многих контекстах научных исследований: психоаналитических, психиатрических, общепсихологических, социально-психологических.

Анализ ряда теорий позволяет выделить два типа преодоления психологических барьеров: приспособление или психологическая защита (З. Фрейд, Р. Плутчик, Н. А. Подымов и др.) [37, 23] и преобразование и самоактуализация (А. Маслоу, К. Роджерс, А. Ф. Бондаренко и др.) [5, 18, 19, 40].

«В зависимости от значимости переживания, его силы, количества приложенных усилий для преодоления психологического барьера, то или иное событие преодолевается разными способами. Выделяются различные варианты преодоления психологических барьеров: искажение или отрицание самой трудной ситуации, “избирательное внимание” к раздражителям, сотрудничество, борьба или изоляция от людей, активное взаимодействие с проблемой, самоактуализация, формирование жизненных целей, которое можно разделить на два типа преодоления психологических барьеров: приспособление и преобразование. К первому типу относится психологическая защита, различные аспекты которой обсуждались в трудах З. Фрейда, А. Фрейда, К. Хорни, А. Адлера, Э. Фромма, Э. Эриксона. Главной целью защиты считается достижение непротиворечивости и целостности внутреннего мира, устранение тревоги и напряженности. Второй тип – преобразование – осуществляется при выборе стратегии самоактуализации; этот тип стратегии представлен в работах А. Маслоу, К. Роджерса. Самоактуализация рассматривается как процесс переживания и восстановления нарушений ценностно-смысловой и мотивационной сфер личности, который способствует оптимальному преодолению психологических барьеров» [21, с. 42].

О. Е. Ельникова отмечает, что «изучение стратегии преодоления психологических барьеров характеризуется положительной и отрицательной модальностью. Модальность определяется способами эмоционального реагирования. Переживание критических событий приводит к принятию жизненно важных решений. В зависимости от значимости переживания, его силы, количества приложенных усилий для преодоления психологического барьера, то или иное событие преодолевается разными способами.

В процессе преодоления психологических барьеров происходит перестройка психологической структуры личности, осуществляется глубокая внутренняя работа по преобразованию сопротивления среды, процессу удовлетворения потребностей личности. Важнейший фактор, определяющий успешность преодоления психологических барьеров – творческая активность субъекта по осмыслению социального статуса. Основное направление активности субъекта по линии самоопределения стратегии преодоления барьеров состоит в интеграции, внутреннем согласовании смысловой сферы, устранении в ней противоречий, а также проверке возможностей формирующихся способов преодоления.

Следует подчеркнуть, что психологические барьеры представляют собой своеобразную психологическую реакцию человека на возникшее затруднение. Реагирование на препятствие характеризуется прежде всего остановкой деятельности, в ходе которой осуществляется особого рода внутренняя работа, направленная как на переживание различных эмоциональных состояний, так и на устранение смыслового рассогласования сознания и бытия, восстановление их соответствия и обеспечение психологической устойчивости» [13, с. 110].

Согласно исследованиям Н. А. Подымова, преодоление психологического барьера может быть осуществлено с использованием двух принципиально различных стратегий: конструктивной и деструктивной.

Конструктивная стратегия выражается в трансформации смысловых структур личности и ее самоактуализации; деструктивная стратегия обнаруживается в психологической защите, в отказе от продуктивного разрешения критических ситуаций, снятии эмоционального напряжения и сохранении иллюзорной целостности личностной структуры.

По мнению Н. А. Подымова, выбор определенного типа стратегии преодоления психологических барьеров личностно специфичен и формы стратегии обусловлены конструктивностью или неконструктивностью поведения. Критериями конструктивности стратегии преодоления психологических барьеров могут выступать: степень осознанности критической ситуации, использование механизмов произвольного саморегулирования поведения и деятельности в кризисных условиях, обеспечивающих оптимально продуктивный уровень выполнения той или иной деятельности. Происходящая под действием психологического барьера мобилизация внутренних сил личности приводит к ее развитию, к восполнению недостающего внутреннего потенциала, и такое развитие возможно при использовании стратегии преодоления. Н. А. Подымов выделяет два типа преодоления – приспособление и преобразование [23].

По мнению Н. В. Дроздовой, «на выбор стратегии оказывают влияние внешние и внутренние факторы, поэтому вектор эмоций, в том числе

и агрессивность, ригидность, тревожность, импульсивность будут направляться либо на самого себя, либо на других, в зависимости от этого будут выражены либо эмоциональные барьеры, либо смысловые барьеры, либо барьеры социальные, кризиса и творчества. Конструктивная стратегия будет выбираться в случае осознания эмоциональных переживаний, принятия ситуации и рационального действия в ней.

Деструктивная стратегия будет использоваться студентами при условии, что будут выражены негативные эмоциональные переживания, завышена сложность учебной деятельности, выражены мотивы избегания неудачи. Вследствие этого начинает снижаться удовлетворенность жизнью, что приводит к отказу или отклонению от учебной деятельности, т. е. к деструкции.

Для конструктивного преодоления психологических барьеров студентам необходим ряд психологических условий, к которым мы относим: формирование у студентов эмоционально-ценностного отношения к себе как к субъекту учебной деятельности посредством осознания собственных эмоциональных переживаний и понижения значимости ситуации неудачи в учебной деятельности; принятие Я-образа как субъекта учебной деятельности; формирование адекватного представления студента об учебной деятельности посредством снижения субъективно завышенной сложности учебной деятельности, развитие адекватной оценки своих возможностей, рациональной интерпретации мотивов учения; овладение способами учебной деятельности посредством активного взаимодействия с субъектами учебной деятельности, развитие саморегуляции и самоконтроля» [12, с. 90–91].

Второй тип преодоления – преобразование – осуществляется при выборе стратегии самоактуализации. Самоактуализация рассматривается как процесс переживания и восстановления нарушений ценностно-смысловой и мотивационной сферы личности, который способствует оптимальному преодолению психологических барьеров и обеспечивает психологическую устойчивость деятельности. Процесс самоактуализации может быть рассмотрен в контексте различных отношений личности, в том числе отношений к деятельности. По мнению ряда исследователей, потребность в самоактуализации, состоящая в стремлении человека «быть тем, чем он может стать», потенциально существует у всех людей, но не у всех проявляется в профессиональной деятельности, а тем более осознанно (Н. А. Подымов, Д. Б. Богоявленская и др.) [22, с. 196–197].

Э. Э. Сыманюк выделила две стратегии преодоления трудностей, возникающих в деятельности: инициативную и ситуативную.

Инициативная стратегия характеризуется проявлением активности, целенаправленностью действий, ответственностью за принятие решений и поступков. Инициативная стратегия обусловлена представленностью

в структуре субъекта деятельности сопряженности и связанности между собой отдельных его единиц во внутреннем пространстве и времени, способностью к самосозиданию и самостроительству, устойчивостью личности, ценностными ориентациями, динамической направленностью личности, оптимистическим прогнозированием, личностной ответственностью, ориентацией на успех и достижение. Инициативная стратегия предполагает деятельностное преодоление психологических барьеров. Выбор инициативной стратегии свидетельствует о зрелой личности.

Ситуативная стратегия характеризуется низким уровнем интегрированности личности, слабостью и неустойчивостью внутренних познавательных, эмоциональных и волевых установок. Ситуативные способы преодоления психологических барьеров обусловлены отсутствием надорганической структурированности и сопряженности отдельных моментов жизни, экстремальной направленностью личности, низким уровнем оптимизма, преобладанием в планируемой деятельности мрачных прогнозов. В ситуативной стратегии преобладают механизмы психологической защиты и приспособления к окружающей действительности [27, с. 76].

Е. В. Есликова выделяет дополнительно к основным стратегиям (инициативной и ситуативной) еще четыре стратегии: защитную, пассивную, депрессивную, аффективно-агрессивную.

Для защитной стратегии характерна настойчивая самореализация во внеучебной деятельности. Человек добивается определенного самоутверждения, но внутренне переживает собственную несостоятельность в преодолении психологических барьеров в учебной деятельности. Уход или бегство от трудной ситуации могут осуществляться не только в практической, но и в психологической форме посредством внутреннего отчуждения от ситуации или подавления мыслей о ней.

Пассивная стратегия свойственна личностям, которые подчиняются внешним обстоятельствам в виде выполнения социальных требований, ожиданий, норм. Это процессы самоприспособления, подчинения личности интересам и требованиям среды.

Депрессивная стратегия характерна для личностей, которые уже пережили неудачи в учебной деятельности, им присуще состояние подавленности, прогнозы на будущее у них пессимистичны, они не удовлетворены собой, своей учебной деятельностью в целом. Депрессия и апатия приводят к дезорганизации учебной деятельности, личность оказывается не в состоянии выполнять учебные задачи, полностью утрачивает интерес к деятельности.

Аффективно-агрессивная стратегия свойственна людям, которые отличаются амбициозностью, агрессивностью, склонны противопоставлять себя окружающим. Низкий уровень личностного самосознания не позволяет им

выйти за пределы непрерывного потока повседневной учебной деятельности, освободиться от собственных эгоцентричных установок. Это приводит к тому, что человек начинает принимать агрессию как естественное проявление человеческой природы [14].

По результатам проведенного исследования Е. И. Чаплина выделила следующие способы преодоления психологических барьеров в учебной деятельности студентов: нейтральный, деструктивный, пассивный, аффективно-агрессивный, развивающий, защитный и депрессивный.

Выбор способа преодолений психологических барьеров в учебной деятельности во многом определяется способностью студентов осознавать те изменения, которые происходят в их учебной деятельности в процессе овладения системы знаний. Развитая рефлексия позволяет студентам искать конструктивные способы преодоления кризиса. Личность, у которой данная способность отсутствует, прибегает к нейтральным или деструктивным способам преодоления психологических барьеров.

Пассивная стратегия характерна для студентов, чьи действия основаны на отсутствии у них стремления к независимости, неспособности принимать ответственность и преодолевать возникшие в учебной деятельности трудности. Такие студенты не испытывают потребности в личностном развитии, в учебной деятельности они используют привычные способы поведения и решения учебных задач. Нередко в основе пассивности лежит конфликт, обусловленный противоречием между самооценкой студента и оценкой его деятельности преподавателем и одногруппниками. Данная стратегия относится к нейтральному способу преодоления психологических барьеров, т. к. деструктивный характер выражен неярко, а при определенных условиях существует потенциал конструктивного разрешения.

Аффективно-агрессивная стратегия свойственна студентам, чье поведение характеризуется ярко выраженной агрессивной направленностью. События воспринимаются такими людьми однобоко, гибкость отсутствует, что приводит к выработке деструктивного способа преодоления психологических барьеров, а это затрудняет поиск положительных вариантов разрешения возникших в учебной деятельности трудностей. Агрессивность повышается за счет накопления отрицательных эмоций и становится средством борьбы против неопределенности, в которой может встретиться опасность.

Развивающая стратегия (как и рассмотренная выше инициативная) обусловлена представленностью в структуре субъекта учебной деятельности связанности и сопряженности отдельных его единиц во внутреннем пространстве и времени, способностью к самостроительству, самосозиданию, устойчивостью личности, ее ценностными ориентациями, динамической направленностью, оптимистическим прогнозированием, личной ответственностью,

ориентацией на достижения и успех. Развивающая стратегия предполагает деятельностное преодоление психологических барьеров и характерна для студентов с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистичным подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения. Эти люди предпочитают конструктивный способ преодоления психологических барьеров.

Защитная стратегия свойственна тем студентам, которые могут выполнять определенную учебную деятельность по овладению иностранным языком и достигать положительных результатов за счет включения защитных механизмов при столкновениях с трудностями. Предпосылки к конструктивному разрешению кризисной ситуации будут развиваться за счет переключения на другую деятельность. Способ преодоления носит нейтральный характер, т. к. личностное развитие данной группы студентов нельзя считать полностью благополучным.

Депрессивную стратегию выбирают студенты, которые не могут самостоятельно преодолевать собственные психологические проблемы. Накопление отрицательного результата своих действий вызывает у них огорчение, неуверенность, а в конечном счете – отказ от учебной деятельности. Данная стратегия относится к деструктивному способу преодоления психологических барьеров [31].

В исследовании О. И. Белохвостовой были выделены основные характеристики стратегии преодоления психологических барьеров:

1. Целостность, представляющая собой внутреннее единство метаплана (выдвижение гипотез, постановка целей, формирование образа учебной деятельности, выработка ее программы, включающей представление о специфике необходимых приемов, действий и операций, обеспечивающих достижение цели – преодоление психологических барьеров) и плана реализации (приемы, действия, операции, направленные на проверку правильности выдвинутой гипотезы, сформированного образа осуществления учебной деятельности), воспринимающихся как единое целое.

2. Последовательность, проявляющаяся в определенной иерархической организации основных конститuentов стратегии преодоления психологических барьеров, обусловленной рациональностью их активизации в соответствии с целью.

3. Полнота и завершенность. Полнота стратегии преодоления психологических барьеров выражается в необходимом, не лимитированном наборе психологических приемов, обеспечивающих завершенность стратегии. Завершенность стратегии, в свою очередь, связана с целенаправленностью, т. е. с решением задачи преодоления психологических барьеров, и выражается в исчерпанности содержательного плана результата учебной деятельности.

По мнению О. И. Белохвостовой, могут быть выделены три основные функции стратегии преодоления психологических барьеров: мотивирующая функция, организующая и регулирующая.

1. Мотивирующая функция. Предполагается, что знание стратегий и знание о том, где, когда и как могут быть применены различные их типы, ведет к осознанию субъектом собственных позитивных возможностей для преодоления возникших психологических трудностей. Это способствует снижению уровня тревожности на занятиях, предотвращению чувства боязни допустить ошибку, созданию готовности и положительного настроя к работе. Следствием развития чувства уверенности в своих силах и при условии его подкрепления положительными результатами учебной деятельности может явиться развитие мотивации достижения успеха в учении, а не избегания неудач.

2. Организующая функция. Стратегия преодоления психологических барьеров (при условии существования в полноценной форме, т. е. удовлетворяющей всем названным качественным характеристикам) представлена субъекту в виде образа осуществления учебной деятельности, ее программы, еще до начала непосредственного выполнения заданий на занятии. Сформированный после осознания необходимости преодоления психологических барьеров образ осуществления учебной деятельности является своего рода опорой, на основе которой осуществляется организация учебной деятельности.

3. Регулирующая функция стратегий преодоления психологических барьеров выражается в возможности отслеживания и корректировки, в соответствии с выдвинутой гипотезой о способе реализации учебной деятельности, применения необходимых психологических приемов, действий и операций, направленных на снижение негативного влияния психологических барьеров у студентов [4].

4. Изучение стратегий преодоления психологических барьеров характеризуется положительной и отрицательной модальностью. Модальность определяется способами эмоционального реагирования на изменение учебных ситуаций и трудностей. Переживание критических событий приводит к принятию важных решений. В зависимости от значимости переживания, его силы, количества приложенных усилий для преодоления психологического барьера, то или иное событие преодолевается разными способами.

Интегральной характеристикой, объединяющей особенности всех стратегий преодоления психологических барьеров профессионально-педагогической деятельности, выступает психологическая устойчивость личности, которая включает в себя: устойчивость индивидуального сознания личности, проявляющуюся в резистентности психики и связанную с ее стабильностью и изменчивостью; динамические процессы, являющиеся

неотъемлемой чертой устойчивости и лежащие в основе частных проявлений эмоциональной устойчивости, стрессоустойчивости, саморегуляции психических процессов, устойчивости мотивационной сферы.

Анализ научной литературы показывает, что накоплен значительный материал, отражающий различные аспекты проблемы выбора различных стратегий преодоления психологических барьеров, однако процесс осмысления и интерпретации различных точек зрения еще далек от своего завершения.

Литература

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
2. *Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 3–19.
3. *Балл Г. А.* Теория учебных задач. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
4. *Белохвостова О. И.* Динамика стилей учебной деятельности студентов при преодолении психологических барьеров: автореф. дисс.... канд. психол. наук. – СПб., 2003. – 22 с.
5. *Бондаренко А. Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. – К.: Укртехпрес, 1997. – 216 с.
6. *Брунер Д. С.* Исследование развития познавательной деятельности. – М.: Педагогика, 1971. – 391 с.
7. *Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
8. *Вербицкий А. А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 1991. – 204 с.
9. *Денисовская Т. Н.* К проблеме развития личности // Психологический журнал. – 1981. – Т. 12. – № 6. – С. 37–43.
10. *Дроздова Н. В.* Психологические барьеры студентов: как преодолеть? Рекомендации для психологов // Социосфера. – 2011. – № 2. – С. 41–46.
11. *Дроздова Н. В.* Формирование конструктивной стратегии преодоления психологических барьеров в образовательном процессе у студентов–психологов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11 (3). – С. 669–673.
12. *Дроздова Н. В.* Формирование конструктивной стратегии преодоления студентом психологических барьеров в учебной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. – Самара, 2009. – 208 с.
13. *Ельникова О. Е.* Психологические барьеры социализации в подростковом возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – Елец, 2004. – 185 с.

14. *Есликова Е. В.* Психологические особенности конфликтов профессионального самоопределения личности (в период взрослости): дисс. ... канд. психол. наук. – Тобольск, 2000. – 158 с.
15. *Кудрявцев Т. В.* Психология технического мышления: процесс и способы решения технических задач. – М.: Педагогика, 1977. – 303 с.
16. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996. – 308 с.
17. *Маркова А. К.* Психология труда учителя. – М.: Просвещение, 1993. – 190 с.
18. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
19. *Маслоу А. Г.* Психология бытия. – М.: Рефлбук, 1997. – 304 с.
20. *Матюшкин А. М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М.: Педагогика, 1972. – 206 с.
21. *Назметдинова С. С.* Психологические барьеры и барьероустойчивость в профессиональной деятельности учителя: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 229 с.
22. *Нуртдинов С. М.* Акмеологические основания преодоления профессионально-индивидуальных барьеров у учителей физической культуры: дисс. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2004. – 261 с.
23. *Подымов Н. А.* Психологические барьеры в педагогической деятельности. – М.: Прометей, 1998. – 239 с.
24. *Пономарев Я. А.* Психология творчества и педагогика. – М.: Педагогика, 1976. – 280 с.
25. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
26. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
27. *Сыманюк Э. Э.* Психология профессионально-обусловленных кризисов. – М.: Модэк, 2004. – 320 с.
28. *Тихомиров О. К.* Психология мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 270 с.
29. *Ушинский К. Д.* Педагогическая антропология: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Ч. 2. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – С. 421.
30. *Фридман Л. М.* Наглядность и моделирование в обучении. – М.: Знание, 1984. – 80 с.
31. *Чаплина Е. И.* Стратегии преодоления психологических барьеров у студентов при изучении иностранного языка: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Курск, 2006. – 21 с.
32. *Шакуров Р. Х.* Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопро-

- сы психологии. – 2001. – № 1. – С. 3–18.
33. *Швацкий А. Ю.* Психологические механизмы профессионального творчества преподавателя иностранного языка: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 195 с.
 34. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
 35. *Erikson E. H.* Identity: Youth and crisis. – New York: Norton, 1968. – pp. 286–292.
 36. *Freud A.* Defense Mechanisms: Encyclopedia Britanika. – V. 7. – pp. 172–173.
 37. *Freud S.* New introductory lectures on psychoanalysis. In standard edition. – London: Hogarth, 1955.
 38. *Horney K.* Our Inner Conflicts. – New York: Norton, 1945.
 39. *Lazarus R. S.* Psychological stress and coping process. – New York, 1966. – 194 p.
 40. *Rogers C. R.* The theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework. – Boston, 1951. – P. 517.

УДК 159.99

АСЕРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОЦЕНКИ И СВОЙСТВА

Шейнов Виктор Павлович

Проанализированы результаты зарубежных исследований асертивного поведения, касающихся его связей с привлекательностью субъекта, локусом контроля, самоопределением и принятием им решений.

Установлено, что люди, обладающие высокой асертивностью, чаще заявляют о себе в положительном ключе, нежели люди с низкой асертивностью, выше оценивают уровень своего комфорта, пользу для общества и важность асертивного поведения. Собственная оценка своей внешности статистически значимо влияет на асертивность индивидов: высокая ее повышает, низкая – понижает.

Восприятие асертивного поведения женщин может отличаться от восприятия асертивного поведения мужчин. Женщины с высокой асертивностью оцениваются как менее привлекательные, в сравнении с женщинами средней асертивности; наиболее низкие оценки они получают от испытуемых женского пола. Оценки асертивности женщин мужчинами – потенциальными партнерами для свиданий – оказались положительными в противоположность неудобствам, которые женщины могут испытывать из-за своего асертивного поведения в деловых и профессиональных ситуациях. Интерналы ведут себя более асертивно, чем экстерналы, причем для мужчин эта взаимосвязь высокозначима.

Подтверждена связь между самоопределением учащихся и асертивностью в целом и с ее компонентами: настойчивостью и большей инициативой. Выявлены статистически значимые корреляции между асертивностью и качеством жизни, самоопределением, самоофективностью.

Индивиды с высокой асертивностью успешнее справляются с распознаванием ситуации и ориентацией в проблеме, с нахождением оптимальных решений, и уверены в том, что умеют лучше других находить их. Асертивные индивиды показали более высокую мотивацию к критике, чем индивиды неасертивные, а высокоасертивные более уверенно заявили о своих способностях к критике и о ее полезности.

Автором предложена надежная и валидная методика измерения асертивности.

Ключевые слова: асертивность, асертивное поведение, оценка, привлекательность, локус контроля, самоопределение, гендерная

идентификация, принятие решений, зарубежные исследования, измерение ассертивности.

Ассертивность и ассертивное поведение

«Ассертивность – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав других. Ассертивным называется прямое, открытое поведение, не имеющее целью причинить вред другим людям» [1, с. 40].

За 60 лет изучения ассертивности зарубежными психологами получено множество интересных результатов по различным ее аспектам. Мы проанализируем те из них, в которых исследовались привлекательность и локус контроля субъекта, его самоопределение и принятие им решений.

В этих исследованиях, в частности, установлено, что люди, обладающие высокой степенью ассертивности, чаще заявляют о себе в положительном ключе, нежели люди с низкой ассертивностью [11, 28], выше оценивают уровень своего комфорта и пользу для общества [6], важность ассертивного поведения [23].

Ассертивность является одним из компонентов социальной компетентности. Ассертивное поведение относится к способности выражать свои собственные права, а также положительные и негативные чувства, отклонять нежелательные просьбы, просить других о помощи, давать людям возможность действительно справиться с социальной тревожностью, а также адаптации в социальной жизни [21].

Физическая привлекательность и ассертивность

Были проведены исследования с целью проверки гипотезы, заключающейся в том, что физически привлекательные женщины являются более ассертивными, нежели физически непривлекательные. Физически привлекательные и физически непривлекательные женщины сравнивались путем анализа их реакции на невежливое поведение со стороны экспериментатора. В проведенном Д. Джексоном и Т. Хьюстоном [32] исследовании было установлено, что *физически привлекательные женщины быстрее пытаются скорректировать невежливое поведение экспериментатора.*

Полученные данные согласуются с предполагаемой взаимосвязью между физической привлекательностью и ассертивностью. Однако в их исследовании прослеживалась лишь незначительная тенденция к тому, что физически привлекательные женщины набрали более высокие показатели при измерении ассертивности.

В статье Д. Кэмпбелла с соавторами [13] изучалась связь ассертивности и физической привлекательности женщин и мужчин. В методике Д. Джексона

и Т. Хьюстона [32] присутствовала переменная фрустрации, которая оказывала негативное влияние на испытуемых, поэтому исследование Д. Кэмпбелла с соавторами было нацелено на устранение этого влияния.

Испытуемых студентов снимали на видеокамеру в то время, когда они отвечали на двусмысленный вопрос. Их комментарии позволили оценить ход разговора, продолжительность ответов, интенсивность речи и общую ассертивность. Студенты заполнили опросник, выявляющий их самооценку ассертивности. Четверо экспертов – две женщины и двое мужчин – оценивали физическую привлекательность каждого испытуемого путем просмотра видеозаписи каждого из них и выставляли оценки по шкале от «очень привлекательного» до «очень непривлекательного».

Средний показатель надежности данных общей ассертивности составил $r = 0.71$ ($df = 60$) и привлекательности $r = 0.83$ ($df = 61$). Коэффициенты корреляции Пирсона были использованы для того, чтобы определить взаимосвязь между соответствующими переменными величинами, проанализировав мужчин и женщин по отдельности.

Более привлекательные женщины разговаривали не так долго, чем менее привлекательные женщины ($r = -0.43$, $df = 39$, $p < 0.02$), поскольку чувствовали себя более уверенными и не видели причины доказывать свою точку зрения. К тому же, физически привлекательные женщины говорили быстрее, чем те, которых оценили как менее привлекательных ($r = -0.37$, $df = 39$, $p < 0.002$). Для испытуемых женского пола не было статистически значимой зависимости между физической привлекательностью и интенсивностью речи, общей ассертивностью и собственной оценкой ассертивности. Лишь одно соотношение, которое заслуживает особого внимания, было выявлено у мужчин, принявших участие в эксперименте: обнаружилась тенденция к тому, что физически привлекательные мужчины отвечали более кратко, чем менее привлекательные мужчины ($r = -0.40$, $df = 19$, $p < 0.08$). Для субъектов мужского пола между физической привлекательностью и какими-либо другими показателями ассертивности не было выявлено значительной разницы.

Два вывода данного исследования являются схожими с теми, которые сделали Д. Джексон и Т. Хьюстон [32]: а) заслуживающее внимания соотношение между физической привлекательностью и некоторыми показателями поведенческих реакций ассертивности для субъектов женского пола; б) незначительная тенденция физически привлекательных женщин демонстрировать более высокий показатель ассертивности.

Наконец, в исследовании Ф. Икиз [31] установлено, что *собственная оценка своей внешности статистически значимо влияет на ассертивность индивидов: высокая ее повышает, низкая – понижает.*

Ассертивность и привлекательность

Положительное влияние физической привлекательности на возникновение ассертивного поведения вызывает вопрос: взаимно ли это влияние, т. е. способствует ли ассертивность привлекательности?

Рядом авторов [21, 29, 46] было установлено, что ситуационные переменные являются важными детерминантами ассертивного поведения и его восприятия. При изучении полоролевых стереотипов следует учитывать, что восприятие ассертивного поведения женщин может отличаться от восприятия ассертивного поведения мужчин, т. к. ассертивность считается для женщин не столь желательной, как для мужчин [10, 47].

В проведенных экспериментах изучалось значение ассертивности для женщин в межличностных отношениях, при этом большинство исследований посвящено ассертивности в деловых операциях и на рабочем месте. Оценка привлекательности и психологической адаптации ассертивных женщин была меньшей по сравнению с оценкой пассивно-зависимых женщин [18]. В другом исследовании женщины с высокой ассертивностью (члены совета факультета) также были расценены как менее привлекательные (и менее образованные!), нежели женщины средней ассертивности. Важно отметить, что женщины с высокой ассертивностью получили более низкие оценки лишь от испытуемых женского пола [33].

Д. Халл и Х. Шредер [30] описали случаи негативного восприятия женщин, которые вели себя ассертивно в деловом общении (например, возвращали покупки или отказывались от них, несмотря на уговоры продавцов): их считали агрессивными, доминирующими и неприятными.

Для девушек свидания и установление отношений с противоположным полом являются важными вопросами и представляют собой ту сферу, где женщины традиционно играют более пассивную роль. В своем исследовании Д. Липтон и Р. Нельсон [34] пришли к выводу, что сегодня при знакомствах и встречах более ассертивная роль может приносить больше пользы: мужчины и женщины, которые часто ходят на свидания, отличаются от тех, кто редко встречается с противоположным полом лучшими навыками завязывать знакомство.

Оценки ассертивности женщин в процессе их взаимодействия с мужчинами – потенциальными партнерами для свиданий – оказались положительными в противоположность неудобствам, которые женщины могут испытывать из-за своего ассертивного поведения в деловых и профессиональных ситуациях [18, 30, 33].

В работе Линды Пендлетон [36] при исследовании аттракции и реакций на ассертивность у женщин в процессе их социального взаимодействия с мужчинами были сформулированы пять отдельных предположений.

Заключение Р. Лао с соавторами [33] о том, что женщины со средней степенью ассертивности вызвали большую симпатию в профессиональной среде, легло в основу *первого* предположения, согласно которому женщина с умеренной степенью ассертивности и в других случаях вызовет большую аттракцию, чем другие женщины. *Второе* предположение, основанное на мнении, что наибольшее отклонение от традиционных гендерных ролей приводит к максимальным неудобствам, состояло в том, что агрессивная женщина вызовет наименьшую степень аттракции. Исследования предвзятого отношения женщин в отношении других женщин [24, 40] и точка зрения П. Чеслера [14], считающего, что женщины больше мужчин подвержены угрозам со стороны женщин с нетрадиционной моделью поведения, привели к *третьему* предположению, согласно которому испытуемые мужского пола отреагируют более положительно на ассертивную женщину, чем испытуемые женского пола. *Четвертое* предположение состояло в том, что андрогинные испытуемые продемонстрируют лучшую реакцию на ассертивную женщину, нежели испытуемые с четко выраженной гендерной идентификацией; *пятое* предположение сводилось к тому, что испытуемые с четко выраженной гендерной идентификацией продемонстрируют лучшую реакцию на не-ассертивную женщину, чем андрогинные испытуемые.

В приводимом исследовании Линды Пендлтон [38] студентам мужского ($n = 178$) и женского ($n = 239$) пола были показаны видеозаписи с участием женщины, выполняющей функцию психологического стимула и демонстрирующей пассивное, слабо ассертивное, ассертивное и агрессивное поведение в отношении мужчины в процессе их непродолжительного взаимодействия. Испытуемые, которые ранее прошли диагностику на гендерную идентичность (полоролевой опросник Сандры Бем), сразу же после просмотра записи оценили свою аттракцию в отношении женщины, выполняющей функцию стимула. В конечный анализ данных были включены лишь те испытуемые ($n = 278$), баллы которых, согласно опроснику С. Бем, позволили отнести их либо к андрогинному типу, либо к какому-либо гендерному типу. Результаты показали, что значительно большую степень аттракции вызывают женщины с ассертивным и слабо ассертивным поведением, нежели женщины с другим типом поведения. При этом испытуемые как мужского, так и женского пола в качестве наименее привлекательных выделили пассивных и агрессивных участников. Полоролевая идентификация испытуемых (их принадлежность к андрогинному типу или к какому-либо гендерному типу в своих личных характеристиках) не оказала существенного влияния на результаты аттракции в отношении помощников, выполнявших функцию стимула.

Таким образом, *по крайней мере, среди американских студентов*, женщины, которые придерживаются во взаимодействии с мужчинами традиционной

пассивной роли, могут получить как от мужчин, так и от женщин более негативные оценки, нежели менее традиционные ассертивные женщины.

Неожиданным результатом оказалось отсутствие существенных различий в степени аттракции для андрогинных испытуемых и испытуемых с четкой гендерной идентификацией. В соответствии с предыдущим результатом, согласно которому люди с менее выраженной гендерной идентичностью склонны поддерживать более либеральные определения гендерных ролей [20, 50], исследователь ожидала, что андрогинные испытуемые покажут в большей степени положительную реакцию на ассертивную женщину, нежели испытуемые с четкой гендерной идентификацией. Для реакции субъектов на неассертивную женщину также предполагалось взаимодействие полоролевой идентификации и типа ассертивной роли и ожидалось, что испытуемые с четкой гендерной идентификацией продемонстрируют большую аттракцию, нежели андрогинные испытуемые.

Данное предположение не подтвердилось в ходе исследования. Это может отражать тот факт, что современные (американские) студенты демонстрируют общее одобрение ассертивного поведения у женщин в их взаимодействиях с мужчинами, независимо от того, описывают ли студенты себя при помощи понятий, характерных для стереотипных гендерных ролей.

Таким образом, отсутствие существенных различий между оценками испытуемых мужского и женского полов подтверждает, что студенты, в целом, допускают ассертивное поведение женщин в общении с мужчинами. Вполне возможно, что некоторые иные характеристики испытуемых могут повлиять на расположенность к данному аспекту межличностного поведения женщин, но переменные, изученные в данном исследовании, т. е. *гендерная идентификация и пол, не показали существенного влияния.*

Ассертивность и локус контроля

М. Симан и Дж. Эванс [49] изучали связь между локусом контроля и ассертивным поведением. Предполагалось, что интерналы будут действовать согласно своим ожиданиям и проявлять ассертивность. В отличие от них, экстерналы, которые не ожидают, что их действия принесут им пользу, могут показать меньшую склонность к ассертивному поведению. Авторы изучили процесс поиска информации пациентами тубдиспансера. Их результаты показали, что интерналы находили больше весьма интересующей их информации о здоровье, нежели экстерналы.

У. Дэвис и Дж. Фарес [19] пришли к схожим выводам, отметив, что интерналы извлекали больший объем информации и в неоднозначной ситуации. В другом исследовании Дж. Фарес [37] установил, что интерналы с большей эффективностью используют полученную информацию. Вместе взятые, *данные*

исследования легли в основу суждения о том, что интерналы ведут себя более ассертивно, чем экстерналы.

В последующих исследованиях было показано, что интернальность связана с высокой ассертивностью – у студентов [8, 27] и учащихся медицинских учебных заведений [45].

Указанные исследования уделяли мало внимания потенциальным различиям между мужчинами и женщинами относительно связи между локусом контроля и ассертивностью. Поскольку ассертивное поведение женщин традиционно не поощрялось [9], вполне вероятно, что связь между убеждениями и поведением может проявляться у женщин не так последовательно, как у мужчин. Вследствие этого, целью исследования Е. Кули и Ж. Новицкого [17] было сравнение представителей мужского и женского пола касательно связи между представлениями о локусе контроля и ассертивным поведением.

В отличие от испытуемых женского пола, в этом исследовании для представителей мужского пола была обнаружена высокосignифицирующая взаимосвязь между интернальностью и ассертивностью.

В ряде исследований оценена связь между уровнями ассертивности и локусом контроля учащихся начальных и средних классов и их успеваемостью.

Некоторые исследователи установили, что ассертивность оказывает положительное влияние на успеваемость. Однако другие обнаружили, что ассертивность не оказывает никакого влияния на успеваемость [5, 12, 50, 53].

Ассертивность и самоопределение

Р. Альберти и М. Эммонс [5] обратили внимание на связь между самоопределением и ассертивностью в качестве факторов, которые позволяют людям справляться с ежедневными жизненными трудностями и проблемными ситуациями.

И ассертивность, и самоопределение развиваются в человеке с молодости, потому обратимся к результатам исследований их связи, начиная с подростковой стадии социализации личности.

Исследования подтвердили связь между самоопределением учащихся и ассертивностью в целом [36] и с ее компонентами: настойчивостью в преодолении трудностей, связанных со школой [26]; большей инициативой и настойчивостью в поиске более подробной информации, касающейся их будущего [25].

Кроме того, более высокие уровни самоопределения и автономии связаны с позитивным самоощущением, в то время как более низкие уровни самоопределения и автономии связаны с чувством депрессии, связанной с промедлениями в разрешении важных жизненных ситуаций, таких, как поиск работы [48, 51].

Целью исследования Лауры Нота с соавторами [36] было изучение отношения между ассертивностью, самоопределением, эффективностью убеждения и качеством жизни с особым акцентом [20] на удовлетворенность жизнью. Авторы выбрали этот набор показателей, основываясь на предыдущих исследованиях о том, что эти факторы важны для успеха в жизни и что среди подростков (14–16 лет) девочки подвергаются большему управлению со стороны взрослых, чем мальчики и более старшие подростки (17–19 лет) [35]. Поэтому в их анализе учитывался пол и возраст как потенциально влияющие переменные.

В указанном исследовании выявлены статистически значимые корреляции между ассертивностью и качеством жизни, самоопределением, самооффективностью. Оценки самоопределения статистически значимо положительно коррелировали с самооффективностью, убеждением в правильности выбора при принятии решения, умением справиться с трудной ситуацией, завершением начатых мероприятий, а также с ассертивностью и удовлетворением собственной жизнью и школой.

Важно, что корреляция между самоопределением и самооффективностью, а также между самоопределением и ассертивностью была сильно выраженной, а более высокие уровни самоопределения среди старших подростков связаны с их более высоким уровнем ассертивности.

Приведенные здесь исследования над итальянскими подростками [36, 37] показали также, что ассертивность и эффективность убеждения развиваются с возрастом и достигают своего наивысшего уровня среди подростков старшего возраста – вероятно, в связи с их опытом и появлением возможности укоренить данные убеждения и способности.

Ассертивность, принятие решений и критика

Было проведено исследование [15] по определению эффективности ассертивного поведения в ситуациях, требующих отказа индивида от чьей-либо просьбы. Целью данного исследования было сравнение когнитивных (моментов осознания и принятия решения), применяемых в подобной ситуации людьми с низкой и высокой ассертивностью. Результаты показали, что индивиды с высокой ассертивностью успешнее справляются с распознаванием подобной ситуации и ориентацией в проблеме.

На последнем этапе эксперимента участникам предложили список выходов из ситуации, одни из которых были эффективными, другие – нет. Результаты показали, что *высокоассертивные индивиды лучше распознавали те решения, которые приводили к положительному результату.*

При этом высокоассертивные индивиды были уверены в том, что они умеют лучше других находить эффективные решения.

В исследовании С. Пиккинин с коллегами [41] ассертивные индивиды показали более высокую мотивацию к критике, чем индивиды неассертивные. *Высокоассертивные испытуемые заявили более уверенно, как о своих способностях к критике, так и о положительных результатах, вытекающих из критики.*

Однако эти мотивационные различия не сказываются на качестве критики. Оба типа людей (ассертивные и неассертивные) с одинаковой эффективностью высказывают критику.

Предыдущие исследования [42, 43] также показали схожие результаты.

Ассертивная критика – это комплексный внутриличностный навык, который вырабатывается на опыте. Тем не менее, ему можно научить [40, 41]. Более того, это навык, которому учащиеся хотят обучиться. Исследования Е. Кули [17] показали, что это один из основных навыков, которые люди хотят развить в себе.

О методике измерения ассертивности

Подавляющее большинство приведенных в данной статье экспериментальных результатов получено зарубежными исследователями с помощью теста ассертивности С. Ратуса [44], надежность и валидность которого установлена в англоязычном социуме. Нами показано [4], что имевшиеся аналогичные русскоязычные тесты ассертивности ненадежны и невалидны, поэтому предложена авторская методика измерения ассертивности, доказана ее надежность и валидность, и с ее помощью получен (и представлен) ряд новых результатов [4]. По мнению автора, использование этой методики создает дополнительные возможности для экспериментальных исследований ассертивности в русскоязычном социуме [2, 3].

Выводы

1. Положительная оценка субъектом своей внешности повышает ассертивность его поведения.
2. Интерналы ведут себя более ассертивно, чем экстерналы.
3. Женщины с высокой ассертивностью поведения могут получать более низкие оценки привлекательности преимущественно от других женщин.
4. При знакомствах и встречах ассертивное поведение женщин может принести им больше пользы.
5. Женщины могут испытывать трудности из-за своего ассертивного поведения в деловых и профессиональных ситуациях.
6. Гендерная идентификация и пол не влияют на отношение к ассертивному поведению женщин при их общении с мужчинами.

7. Существует связь между ассертивностью и самоопределением, оценкой качества жизни и самооэффективности.
8. Высокоассертивные индивиды имеют преимущество в нахождении оптимальных решений.

Литература

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
2. *Шейнов В. П.* Ассертивность и психологическое здоровье // Материалы научной конференции «Ананьевские чтения – 2013». – СПб., 2013. – С. 371–373.
3. *Шейнов В. П.* Возрастные и гендерные факторы ассертивности // Системная психология и социология. – 2014. – № 10.
4. *Шейнов В. П.* Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности // Вопросы психологии. – 2014. – № 2. – С. 107–116.
5. *Alberti R. E., Emmons M. L.* Your perfect right. – California: Impact, 2001.
6. *Alden L., Cappe R.* Nonassertiveness: Skill deficit or selection evaluation? // Behavior Therapy. – 1981. – no. 12. – pp. 107–114.
7. *Alisinoğlu F.* Çocukların denetim odağı ile algıladıkları anne tutumları arasındaki ilişkinin incelenmesi. [A study on the relationship between childrens' locus of control and the perception of mother attitudes] // Türk Eğitim Bilimleri Dergisi. – 2003. – no. 1. – pp. 97–107.
8. *Appelbaum A. S., Tuma J. M., Johnson J. H.* Internal-external control and assertiveness of subjects high and low in social desirability // Psychol. Report. – 1975. – 37. – pp. 319–322.
9. *Bloom L. Z., Coburn K., Pearlman J.* The New Assertive Woman. – N. Y.: Dell, 1976.
10. *Broverman I. K., Broverman D. M., Clarkson F. E.* Sex-role stereotypes and clinical judgments of mental health // J. Consult. and Clin. Psychol. – 1970. – no. 30. – pp. 1–7.
11. *Bruch M. A.* A task analysis of assertive behavior revisited: Replication and extension // Behavior Therapy. – 1981. – no. 12. – pp. 217–230.
12. *Buluş M.* Ergen öğrencilerde denetim odağı ve yalnızlık düzeyi ilişkisi [The relationship between locus of control and loneliness level in adolescents]. İzmir: Dokuz Eylül University, 1996.
13. *Campbell L., Simpson J. A., Boldry J. G.* Perceptions of conflict and support in romantic relationships: The role of attachment anxiety // Journal of Personality and Social Psychology. – 2005. – no. 88. – pp. 510–531.
14. *Chesler P.* Women and Madness. – N. Y.: Doubleday, 1972.

15. *Chiauszi E., Heimberg R. G.* Legitimacy of request and social problem solving: A study of assertive and nonassertive subjects // *Behavior Modification.* – 1986. – no. 10. – pp. 3–18.
16. *Cooley E. L., Nowicki J. S.* Locus of control and assertiveness in male and female college students // *The Journal of Psychology.* – 1984. – no. 117. – pp. 85–87.
17. *Cooley M. L.* Interests of assertiveness trainees // *Journal of Counseling Psychology.* – 1979. – no. 26. – pp. 173–175.
18. *Costrich N., Feinstein J., Kidder L.* When stereotypes hurt: Three studies of penalties for sex-role reversals // *J. Exper. Soc. Psychol.* – 1975. – no. 11. – pp. 520–530.
19. *Davis W. L., Phares E. J.* Internal-external control as a determinant of information-seeking in a social influence situation // *J. Personal.* – 1967. – no. 35. – pp. 547–561.
20. *Diener E., Suh E. M., Lucas R. E.* Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin.* – 1999. – 125. – pp. 276–302.
21. *Eisler A. M., Hersen M., Miller P. M.* Situational determinants of assertive behaviours // *J. Consult. and Clin. Psychol.* – 1975. – no. 43. – pp. 330–340.
22. *Ellis L. J., Bentler P. M.* Traditional sex-determined role standards and sex stereotypes // *J. Personal and Soc. Psychology.* – 1973. – 25. – pp. 28–34.
23. *Fiedler D., Beach I. R.* On the decision to be assertive // *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* – 1978. – no. 46. – pp. 537–546.
24. *Goldberg P.* Are women prejudiced against women? // *Transaction.* – 1968. – no. 5. – pp. 28–30.
25. *Guay F., Sene´cal C., Gauthier L.* Predicting career indecision: A self-determination theory perspective // *Journal of Counseling Psychology.* – 2003. – no. 50. – pp. 165–177.
26. *Hardre P. L., Reeve J.* A motivational model of rural students' intentions to persist in, versus drop out of, high school // *Journal of Educational Psychology.* – 2003. – no. 95. – pp. 347–356.
27. *Hartwig W. H., Dickson A. L., Anderson H. N.* Locus of control and assertion // *Psychol. Report.* – 1980. – no. 46. – pp. 1345–1346.
28. *Heimberg R. G., Chiauszi E., Becker R. E.* Cognitive mediation of assertive behavior: An analysis of the self-statement patterns of college students, psychiatric patients, and normal adults // *Cognitive Therapy and Research.* – 1983. – no. 7. – pp. 455–463.
29. *Hess E. P., Bridgwater C. A., Bornstein P. H.* Situational determinants in the perception of assertiveness: Gender-related influences // *Behav. Ther.* – 1980. – no. 11. – pp. 49–58.
30. *Hull D. B., Schroeder H. E.* Some interpersonal effects of assertion, non-assertion, and aggression // *Behav. Ther.* – 1979. – no. 1. – pp. 20–28.

31. *Ikiz F. E.* Self-perceptions about properties affecting assertiveness of trainee counselors // *Social Behavior and Personality*. – 2011. – no. 39 (2). – pp. 199–206.
32. *Jackson D. J., Huston T. L.* Physical attractiveness and assertiveness // *The Journal of Social Psychology*. – 1975. – no. 96. – pp. 79–84.
33. *Lao R. C., Upchurch W. H., Corwin B. J.* Biased attitudes toward females as indicated by ratings of intelligence and likability // *Psychol. Report*. – 1975. – no. 37. – pp. 1315–1320.
34. *Lipton D. N., Nelson R. O.* The contribution of initiation behaviors to dating frequency // *Behav. Therapy*. – 1980. – no. 11. – pp. 59–67.
35. *Mortesen C. D.* Optimal human relations: The search for a good life. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2008.
36. *Nota L., Soresi S., Ferrari L.* A Multivariate Analysis of the Self-Determination of Adolescents // *Journal of Happiness Studies*. – 2011. – Vol. 12. – no. 2. – pp. 245–266.
37. *Nota L., Soresi S., Ferrari L.* “Quanta fiducia ho in me?” Validazione di uno strumento per l’analisi delle credenze di efficacia a proposito della gestione delle decisioni scolastico-professionali [“How much confidence do I have in myself?” An instrument for the analysis of school-career self-efficacy] // *Testing Psicometria Metodologia*. – 2005. – no. 12. – pp. 35–54.
38. *Pendleton L.* Attraction responses to female assertiveness in heterosexual social interactions // *The Journal of Psychology*. – 1982. – no. 111. – pp. 57–65.
39. *Phares E. J.* Differential utilization of information as a function of internal-external control // *J. Personal*. – 1968. – no. 36. – pp. 649–662.
40. *Pheterson G., Kiesler S., Goldberg P.* Evaluation of the performance of women as a function of their sex, achievement, and personal history // *J. Personal. and Soc. Psychol*. – 1971. – no. 19. – pp. 114–118.
41. *Piccinin S., McCarrey M., Fairweather D.* Impact of Situational Legitimacy and Assertiveness-related Anxiety Discomfort on Motivation and Ability to Generate Effective Criticism Responses // *Current Psychology: Developmental 9. Learning Personality. Social Spring*. – 1998. – Vol. 17. – no. 1. – pp. 75–92.
42. *Piccinin S., McCarrey M., Weiburn K.* Impact of treatment adherence intervention on a social skills program targeting criticism behaviors // *Canadian Journal of Counselling*. – 1992. – no. 26. – pp. 107–121.
43. *Piccinin S., McCarrey M., Welburn K. J.* Short versus long term gains of a cognitive-behavioral social skills program targeting the giving and receiving of criticism // *Current Psychology: Research & Reviews*. – 1990. – no. 9. – pp. 385–395.

44. *Rathus S. A.* A 30-item schedule for assessing behavior // *Behavior Therapy*. – 1973. – 4. – pp. 298–406.
45. *Replogle W. H., O'Bannon R. M., McCullough P. W.* Locus of control and assertive behavior // *Psychol. Report*. – 1980. – no. 47. – pp. 769–770.
46. *Rich A. R., Schroeder H. E.* Research issues in assertiveness training // *Psychol. Bull.* – 1976. – 83. – pp. 1081–1096.
47. *Rosenkrantz P., Vogel S., Bee H.* Sex-role stereotypes and self-concepts in college students // *J. Consult. Clin. and Psychol.* – 1968. – no. 32. – pp. 1081–1096.
48. *Ryan R. M., Deci E. L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. – 2000. – no. 55. – pp. 68–78.
49. *Seeman M., Evans J. W.* Alienation and learning in a hospital setting // *Amer. Sociolog. Rev.* – 1962. – 27. – pp. 772–783.
50. *Serin N. B., ve Derin R.* İlköğretim öğrencilerinin kişilere-rası problem çözme becerisi algıları ve denetim odağı düzeylerini etkileyen faktörler [The factors affecting primary school students' perceptions of interpersonal problem solving skills and the levels of locus of control] // *Uluslararası İnsan Bilimleri Dergisi*. – 2008. – no. 8. – pp. 1–18.
51. *Soenens B., Vansteenkiste M.* Antecedents and outcomes of self-determination in three life domains: The role of parents' and teachers' autonomy support // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2005. – no. 34. – pp. 589–604.
52. *Spence J. T., Helmreich R., Strapp J.* Ratings of self and peers on sex-role attributes and their relation to self-esteem and conceptions of masculinity and femininity // *J. Personal. & Soc. Psychol.* – 1975. – 32. – pp. 29–39.
53. *Tegin B.* Üniversite öğrencilerinin atılganlık davranış ve eğilimlerinin cinsiyet ve fakülte değişkenleri açısından incelenmesi [Analyzing assertiveness level of university students through gender and other variables] // *Psikoloji Dergisi*. – 1990. – no. 7. – pp. 21–31.
54. *Uzun D.* Resmi ve özel okulöncesi eğitim kurumlarında görev yapan öğretmenlerin özsaygı ve denetim odağı arasındaki ilişkilerin karşılaştırılması [Comparison of relations between self-esteem and locus of control for teachers in public and private preschool education]. – Ankara: Hacettepe University, 2002.

ПЕДАГОГИКА, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9.072.43

ВЫЯВЛЕНИЕ УРОВНЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ СО СЛОЖНЫМ ДЕФЕКТОМ

Подзорова Любовь Вячеславовна

В данной статье при помощи 5 методик («Оценка уровня притязаний Ф. Хоппе», «Самооценка уровня притязаний по методике Й. Шварцландера», «Self-Assessment Test для конгруэнтности», «Тест простых поручений», «Методика Дембо–Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан») был выявлен ряд нарушений в саморегуляции у детей, имеющих сложный дефект. Задачей исследования является уточнение принципов саморегуляции у детей со сложным дефектом. Цели саморегуляции могут рассматриваться в качестве норм, которые регулируют отдельные действия. Исследования на самооценку и обратную связь интерпретированы по-новому, чтобы показать, как эти процессы могут помочь учащимся взять под контроль собственное Я. В эксперименте участвовали дети 7–11 лет. Проанализированы характерные особенности компонентов личности в процессе становления и развития Я-концепции. В ходе проведения тестов было обнаружено, что в отличие от детей без отклонений, у детей со сложным дефектом наблюдаются повышенная тревожность, низкие самообладание и саморегуляция, низкая рефлексия, инконгруэнтность, неадекватная самооценка и т. д. В ходе выполнения мониторинга, учащиеся постоянно оценивали значимость учебной задачи. Социальная поддержка со стороны учителей и сверстников может играть важную роль для учащихся со сложным дефектом.

Выявлены взаимосвязи между конгруэнтностью, уровнем развития и стилевыми особенностями осознанной саморегуляции. Данные симптомы являются следствием диагноза испытуемых. Это исследование показало пробелы обратной связи для поддержки саморегуляции у детей со сложным дефектом.

Ключевые слова: саморегуляция, сложный дефект, младший школьный возраст, самооценка, уровень притязаний, компоненты личности, конгруэнтность, самоконтроль, личностное развитие, внутриличностный конфликт.

Введение

Для тестирования были выбраны базы двух комплексов: ГБОУ СОШ № 1133 и ГБОУ СОШ № 542, в подразделениях которых учатся дети-инвалиды со сложным дефектом; некоторые из них обучаются по индивидуальной программе на дому. Для контрольной группы были выбраны учащиеся 2–4 классов двух школ (212 человек), а также тестировались 62 инвалида, имеющие сложный дефект (из них 29 учащихся обучаются индивидуально). Всего испытуемых – 276 человек.

Для исследования уровня саморегуляции у учащихся 7–11 лет были выбраны методики: «Оценка уровня притязаний Ф. Хоппе», «Самооценка уровня притязаний по методике Й. Шварцландера», «Self-Assessment Test для конгруэнтности», «Тест простых поручений», «Методика Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан». Эти методики позволяют установить степень саморегуляции и ее составляющих (конгруэнтность, притязания, самооценку и т. д.) у учащихся начальных классов.

Трое детей со сложным дефектом 7-летнего возраста, один ребенок 8 лет и один ребенок 10 лет – не имели возможности читать и писать самостоятельно, поэтому тесты с заданием, где нужно читать и писать ответ, им были зачитаны, а их ответы записаны.

Саморегуляция и самооценка учащихся исследуются как один из критериев уровня их притязаний, а также конгруэнтности.

Дети со сложным дефектом школьного возраста часто имеют отклонения в развитии интеллектуальной либо двигательной сферы. Это вызывает трудности в усвоении учебного материала, социализации, развитии, воспитании и т. д. У таких детей отмечаются: неразвитость саморегуляции, неумение управлять собой, нарушения в эмоциональной сфере. Обнаруживаются специфические отклонения в развитии мотивационно-потребностной сферы психики. Они выражаются в задержке развития образного мышления, требующего внутреннего плана действия, что приводит к последующим трудностям в усвоении учебного материала. Дети-инвалиды младшего школьного возраста, имеющие сложный дефект, характеризуются недоразвитием произвольности в поведении, саморегуляции, планировании действий.

Чтобы выявить ряд нарушений, которыми страдают дети-инвалиды со сложным дефектом, были подобраны методики, которые с одной стороны будут лабильны для детей начальной общеобразовательной школы, и в то же время будут сильны для детей, имеющих сложный дефект. Тестирование проводилось в кабинете психолога группами из 8–12 человек. Дети, имеющие сложный дефект, тестировались группой из 3–5 человек.

Оценка уровня притязаний Ф. Хоппе

Первой проводилась методика «Оценка уровня притязаний Ф. Хоппе» [12], чтобы выявить уровень саморегуляции и одновременно понаблюдать, как учащиеся будут вести себя в ходе тестирования. Этот тест предназначен для изучения таких личностных особенностей, как: самолюбие, самооценка, уровень притязаний, а также адекватности или неадекватности его формирования в зависимости от успеха или неуспеха.

Учащимся предлагается ряд заданий по уровню осведомленности. В одной колонке (от 1 до 12) простые задания, в другой – повышенной сложности (от 1а до 12а). Тест не выявляет уровень осведомленности учащихся. Оцениваются особенности поведения учащихся во время проведения теста, в зависимости от успеха или неуспеха, а также наличие или отсутствие тенденций к усложнению задания (формирование уровня притязаний). Учащимся 7–8 лет на задание отводилось от 1,5 до 2,5 минут. Ученикам 9–11 лет на первое задание давалось 0,5 минут, далее – на нечетные – 2 минуты, на четные – 1,5 минуты.

81 учащийся контрольной группы показал в ходе проведения теста в своем поведении, в зависимости от успеха/неуспеха, удовлетворительный уровень притязаний. У этих учеников прослеживалась тенденция к усложнению задания при многократном успехе и отсутствие выбора более сложных задач при многократных неудачах.

49 учащихся в начале теста при повторном успехе не выбирали сложные задания, но к концу теста (при успехе) стремились выбрать повышенный уровень сложности; испытывая неудачу, возвращались к более простым заданиям.

У 43 учеников колебания в выборе (переход к легким задачам после неудач и более сложным после успеха) носили не плавный характер, а скачкообразный: в начале теста они при успехе выбирали более сложные задачи, но с усложнением задания и сокращением времени на его выполнение стали сомневаться в своем выборе и даже при многократном успехе выбирали более легкое задание.

27 ученика показали эмоциональную неустойчивость личности – колебания в выборе задания у них были более резкими, чем у остальных. В ходе проведения всего тестирования, учащиеся с самого начала после небольшого успеха выбирали самую трудную задачу, а после однократной неудачи – самую легкую.

11 учащихся выполняли задание последовательно, не выбирая более сложные при многократном успехе/неуспехе.

1 ученик выбирал всегда сложные задания вне зависимости от успеха или неуспеха и ограниченности по времени.

Выполняя тест, учащиеся не испытывали особых трудностей и волнений в первых шести (7–8 лет) – восьми пунктах (9–11 лет). Как только задание стало усложняться, и оказалось ощутимым ограничение по времени, учащиеся начали более усердно думать над ответами. У учащихся стали появляться вопросы («Если я не знаю ответа, что мне делать?»), некоторые ученики попытались списать ответы, – это действие не пресекалось, т. к. было важно, каким способом ученик поведет себя в случае успеха или неудачи. У 73 % учеников (154 человека) тест не вызвал затруднений; они сообщили, что довольны своими успехами. 26 % учащихся (56 человек) заявили, что испытали трудности только в конце теста, но задания им понравились, и они с радостью выполняют аналогичные. 1 % учащихся (2 человека) сказали, что не хотят еще раз проходить подобный тест, т. к. им не нравятся сложные задания.

По данному тесту 38 % опрошенных имеют нарушения в формировании адекватной самооценки и саморегуляции.

Дети со сложном дефектом, проходившие этот тест, показали в 74 % случаев (46 учеников) колебания в выборе заданий; единичный неуспех в ходе теста приводил учеников в замешательство, и в дальнейшем они выбирали лишь легкие задания, а неоднократный успех не стимулировал их выбирать сложные задания – низкий уровень притязаний. 21 % детей (13 учеников) со сложным дефектом, не обращая внимания на успех/неудачу, методично выполняли задания по порядку – неудовлетворительный уровень притязаний. Лишь у 5 % (3 ученика) уровень притязаний был в норме – при успехе в выполнении задания ученики стремились выбрать более сложное задание, а при неудаче – легкое.

Выполняя тест, большинство учащихся работали заинтересованно. У 58 % учеников (36 человек) тест не вызвал особых затруднений, только задания №№ 10, 11, 12 у них вызвали замешательство. 42 % (26 человек) назвали тест сложным и не хотели больше получать подобные задания. Из 26 детей 22 учащихся имеют диагноз ДЦП и 8 из них обучаются на дому.

У 82 % детей со сложным дефектом выявлены нарушения в формировании адекватной самооценки и саморегуляции.

Тест самооценки для конгруэнтности

«Тест самооценки для конгруэнтности» [14] – это тест–демонстрация версии «Q-сортировки», самооценки процедуры измерения конгруэнтности, состояния внутренней согласованности, которую Карл Роджерс рассматривал как здоровый рост личности. В контрольной группе у 1 ученика тест показал 100 % конгруэнтности (выбирая прилагательные для того, чтобы охарактеризовать себя, и прилагательные для того, чтобы охарактеризовать идеального человека, ученик руководствовался желанием побыстрее выполнить задание,

а не пройти тестирование); 39 учащихся показали 83 % конгруэнтности, 65 учащихся – 67 %, 85 учащихся – 50 %, 22 учащихся – 33 %.

50 % учащихся (107 человек) имеют низкую конгруэнтность, из них у 22 человек она критична.

Дети, имеющие сложный дефект, показали худшие результаты. У 12 учащихся – 83 % конгруэнтности, у 19 учащихся – 67 %, у 16 учащихся – 50 %, у 11 – 33 % и у 4 учащихся совпало только одно прилагательное, характеризующее их и идеального человека – это 17 % (что не наблюдалось у учащихся контрольной группы).

31 ребенок со сложным дефектом имеет высокую инконгруэнтность, что составляет 50 % всех опрошенных, из них у 15 человек конгруэнтность очень низка.

Тест простых поручений

Этот тест [8] диагностирует уровень развития саморегуляции, организации деятельности. Тест проводится групповым способом, детям предъявляется бланк с заданиями (в таблице). Временные затраты на выполнение теста 5–7 минут.

Большинство учащихся начальной общеобразовательной школы полностью справились с заданием (191 человек), показав высокий уровень саморегуляции. 18 учеников допускали в заданиях неточности, что соответствует среднему уровню саморегуляции; 3 ученика имеют низкий уровень саморегуляции, что составляет 1 %.

Дети, имеющие сложный дефект, показали следующие результаты: высокий уровень саморегуляции у 8 учеников, средний уровень саморегуляции у 33 учеников, низкий уровень саморегуляции у 21 – это 34 % опрошенных.

Самооценка уровня притязаний по методике Й. Шварцландера

Данная методика [3] оценивает уровень притязаний, характеризующий степень трудности целей, к которым стремятся учащиеся, и достижение которых представляется им возможным. Чем адекватнее самооценка личности, тем адекватнее уровень притязаний.

В тесте нужно ставить «+» за 10 секунд в специальный бланк. Для начала число «+» испытуемый предполагает и указывает в бланке 1; затем, по сигналу экспериментатора «Пуск», начинает рисовать «+» в каждом квадрате бланка, а по сигналу «Стоп» – прекращает. Число реально нарисованных «+» подсчитывается и сравнивается по формуле с первоначально предполагаемыми «+». Процедура повторяется 4 раза.

В контрольной группе 97 учащихся имеют умеренный уровень притязаний, 60 ученик – высокий, 49 – низкий, 2 – нереалистично низкий, 4 – нереалистично высокий.

Судя по двум уровням, «нереалистично низкий» и «нереалистично высокий», у 2 % опрошенных имеются серьезные нарушения в уровне притязаний.

На уровень притязаний оказывает влияние динамика удач и неудач на жизненном пути, динамика успеха в конкретной деятельности детей со сложным дефектом. У 24 учащихся умеренный уровень притязаний, у 19 – высокий, у 14 – низкий, 5 – нереалистично низкий. Нереалистично высокого уровня притязаний в этой группе не выявлено, что соответствует показателям по заниженной самооценке. 8 % учащихся имеют серьезные нарушения.

Исследование самооценки младших школьников с помощью методики Дембо–Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан

Данная методика [9] основана на непосредственном оценивании (шкалировании) школьниками ряда личностных качеств, таких как: здоровье, способности, характер и т. д. Обследуемым предлагается на вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития у них этих качеств (показатель самооценки) и уровень притязаний, т. е. уровень развития этих же качеств, который бы удовлетворял их. Каждому испытуемому предлагается бланк методики, содержащий инструкцию и задание.

В контрольной группе реалистичный уровень притязаний выявлен у 48 %; оптимальный – 36 %; нереалистичный – 12 %; заниженный уровень – 4 %.

У 16 % детей со сложным дефектом выявлен реалистичный уровень притязаний; оптимальный – 30 %; нереалистичный – 18 %; заниженный уровень – 36 %.

Высота самооценки у контрольной группы определилась: завышенная у 95 учеников, заниженная – у 51 учеников, норма – у 66 учеников, что составляет 31 %.

Самооценка у детей со сложным дефектом: завышенная у 33 человек, заниженная у 20, норма у 9 учеников, что составляет 14 %.

Чтобы сравнить контрольную группу и учащихся, имеющих сложный дефект, выведем среднестатистический процент нарушений по 5 тестам. В контрольной группе у 29 % имеются нарушения в саморегуляции. 52 % детей со сложным дефектом имеют нарушения в саморегуляции.

Самые низкие результаты по саморегуляции в ходе тестирования показали 27 детей, имеющие диагноз ДЦП, осложненный задержкой в развитии, а также имеющие ряд индивидуальных особенностей. Из них 18 учеников обучаются по индивидуальной форме.

Необходимо учитывать, что «дети со сложным дефектом – это дети, которые имеют различные отклонения психического и физического плана,

обусловливающие нарушения общего развития, не позволяющие вести полноценную жизнь» [2, с. 255].

Психическая саморегуляция рассматривается как один из уровней регуляции активности систем, выражающий специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексии. «Она реализуется в единстве своих энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектов. Общие закономерности саморегуляции реализуются в индивидуальной форме, зависящей от конкретных условий и от характеристик нервной деятельности, от личностных качеств субъекта и его привычек в организации своих действий» [1, с. 91].

Саморегуляция у детей со сложным дефектом выявляется в поддержании устойчивости психики как целостной системы по отношению к деструктивным воздействиям, включающим дефект. Также она может рассматриваться в основе подчинения содержания и структуры деятельности.

«Саморегуляция имеет сложную иерархическую структуру, включающую сознательно-волевым уровень регуляции и в разной степени автоматизированные ситуативные уровни. В зависимости от вида осуществляемой активности, ведущими параметрами саморегуляции могут быть как психодинамические (эмоциональная устойчивость, противодействие стрессовым воздействиям), так и содержательно-смысловые (противодействие ситуативным средовым влияниям или импульсивным влечениям, способность отстаивать свои убеждения и т. д.), волевые и др. Структура саморегуляции характеризуется также наличием регуляционного контура, включающего в себя установки целевого типа, ключевые критерии, параметры, показатели эффективности реализации программы саморегуляции с психическими механизмами обратной связи и информации, носителями которой могут быть различные формы, как чувственные, так и понятийные. Возможности саморегуляции ограничиваются, с одной стороны, сверхзначимыми для данной личности воздействиями социальной и предметной действительности, приводящими к отказу от ранее принятой цели и программы, а с другой – возможностями деятельностной мобилизации при реализации принятой цели и программы. В связи с этим общий потенциал саморегуляции складывается из содержательно-смысловой устойчивости личности и ее деятельностных возможностей» [7, с. 433].

Произвольная саморегуляция реализует устремление личностных качеств, а также особых способностей на решение возникающих перед личностью проблем, реформирует качество психических новообразований, микропроцессов в составе различных данных, характеризующих человека; при этом применяет каждую психическую возможность в работе всех орудий обеспечения лучшей реализации учебно-познавательной деятельности.

Произвольность в саморегуляции собирает базу интеллектуального и личностного развития учащихся со сложным дефектом. Это центральная линия развития. Произвольность в поведении должна основываться на поэтапном обращении от внешней регуляции к саморегуляции. Исследование показало: подобные личностные особенности у детей со сложным дефектом имеют ряд нарушений в 27 случаях из 62.

В личностно-интеллектуальном ракурсе, формирование ученика со сложным дефектом идет как непроизвольность, импульсивность, ситуативность реакций в поведении, по процентному соотношению в большей степени, чем у среднестатистического школьника. И поведение в целом по уровню его произвольности и регулируемости находится ниже нормы. Подобные тенденции проявляются в том, насколько глубоко ученик способен распоряжаться своим поведением, владеть ситуацией, осознанно ставить цели, выискивать и находить средства их реализации, преодолевать проблемы и т. д. По низким показателям исследования, в аналогичных личностно-ориентированных референциях, в особую группу выделены дети с диагнозом ДЦП, осложненным ЗПР в эмоционально-волевой сфере.

Так как особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в становлении самоконтроля, являющегося производным от внешнего контроля и оценивания, у детей с ДЦП были самые низкие показатели в ходе тестирования. Как от внешнего к внутреннему, от деятельности, организуемой психологом, родителями, учителем и ее самоорганизации учеником зависит, насколько будут скорректированы показатели по выявлению психических отклонений.

В. А. Петровский и Е. М. Черепанова обнаружили, что саморегуляция содержания сознания легче протекает у экстравертов с низким нейротизмом (стабильные экстраверты), чем у интровертов с тем же уровнем нейротизма. Легкость или трудность саморегуляции определялась авторами по двум параметрам: временем подготовки к выполнению задания (не думать о чем-то обусловленном) и временем выполнения задания «недуманья» [4, с. 65].

Выводы

Проведенные тесты показали, что в младшем школьном возрасте (у тестируемых детей 7–11 лет) самооценка, уровень притязаний, саморефлексия, конгруэнтность, при становлении и развитии саморегуляции, с каждым годом приобретают более четкие формы, – чаще всего это обосновывается собственным мнением ребенка.

У детей-инвалидов со сложным дефектом становление и развитие саморегуляции затруднено и часто приобретает формы аномального развития.

Саморефлексия учеников с ДЦП, имеющих сложный дефект, формируется с отклонениями, т. к. на ее формирование влияют ограниченные возможности ребенка, стиль воспитания родителя и его положение в социальной среде.

К концу детства (10–11 лет) величина притязаний изменяется, одновременно с этим более проявленной оказывается тенденция понижения ее высоты и приближение к норме развития. В отношении ученика к себе, к своему Я (в возрасте от 7 до 11 лет) проявляется элемент рефлексии. В концепциях учебно-познавательной деятельности по полученным данным саморефлексию можно рассматривать как психическое новообразование у учеников.

В период с первого по четвертый класс у контрольной группы обнаружен рост рефлексивности при самооценке во всех видах деятельности; у детей со сложным дефектом рефлексивность низкая. У 78 % тестируемых детей контрольной группы в самооценке отражаются представления как о достигнутом, так и о том, к чему они стремятся. Прогностическая самооценка находится в норме у 42 учеников (оценка учащимися своих возможностей при решении различных задач) и ретроспективная оценка в норме у 29 учащихся (оценка особенностей своего решения после выполнения деятельности).

Лишь 4 ребенка с ДЦП имеют прогностическую самооценку в пределах нормы и у 2 детей с ДЦП в норме ретроспективная самооценка. Высота прогностической самооценки определялась по уровню трудности выбираемых ребенком задач. Тестируемые дети контрольной группы чаще выбирали задачи среднего или высокого уровня трудности. Дети, имеющие сложный дефект, в 48 случаях из 62 выбирали наиболее легкие задачи, из них 19 детей имели диагноз ДЦП. Адекватность прогностической самооценки выявлялась путем соотнесения уровня трудности выбранного ребенком задания с результатами его выполнения по тестам «Оценка уровня притязаний Ф. Хоппе», «Самооценка уровня притязаний по методике Й. Шварцландера».

А. И. Липкина утверждает, что с возрастом у младших школьников увеличивается число заниженных и уменьшается количество завышенных самооценок; у детей, имеющих сложный дефект, в младшем школьном возрасте число заниженных и завышенных самооценок изменяется на протяжении более длительного времени [5].

У детей контрольной группы (от 7 до 11 лет) умение обосновывать рефлексию своей деятельности проявлялось в росте обоснований содержательного типа и увеличении числа адекватных ретроспективных самооценок, что связано с развитием у старших детей более высокого уровня самокритичности. У детей–инвалидов (7–11 лет) устойчивость функционирования самооценки в младшем школьном возрасте в значительной степени определяется предметным содержанием и мерой освоенности той деятельности, по отношению к которой они оценивают себя. Обоснованность прогностической

самооценки двух групп тесно связана с видом деятельности, а ретроспективная самооценка в большей степени обусловлена деятельностью учащегося. В данном случае дети с ДЦП по ряду своих индивидуальных особенностей получили специфический опыт, которым они руководствуются в решении жизненных задач.

Выявлено, что для школьников 6–10 лет типичны возрастные модификации в саморегуляции:

- от 2 к 4 классу снижается высота прогностической самооценки;
- устойчивее выражается адекватность в самооценивании;
- повышается рефлексия прогностической самооценки.

Много детей контрольной группы возвращаются к уже приобретенному опыту как к верным обоснованиям ретроспективной самооценки, а дети, имеющие сложный дефект, стараются опираться на прошлый опыт, но по причине заболевания часто рефлексивность их деятельности отклоняется от нормы. Прогностическая самооценка у них, как правило, обосновывается аргументами, непосредственно «вытекающими» из условия оценки.

Для детей–инвалидов младшего школьного возраста (7–11 лет) на первый план выходит сформированность ведущей деятельности. Учебно-познавательная деятельность строится по учебно-познавательным мотивам.

У детей со сложным дефектом в ходе исследования отмечалось эмоциональное безразличие, инертность к своим действиям и действиям сверстника. Дети со сложным дефектом мало заинтересованы в своей деятельности, обычно они просто выполняют указания взрослого, ждут от него помощи, даже если задача им посильна. Тестируемые дети с диагнозом ДЦП, не соотнося смысла действия, используют указания не по назначению (в тесте «Простых поручений» при конкретной задаче учащиеся выполняли действия, которые психолог их не просил делать. Например, в задании «обведите в кружок все согласные в слове «салют» и зачеркните гласные буквы в слове «дождь», учащиеся могли обвести в кружок два слова целиком). Учащиеся со сложным дефектом имеют высокую утомляемость, очень низкую трудоспособность, они рассеянны и легко отвлекаются. Значительно больше их привлекает возможность общения со сверстниками: стремятся подойти к ним, прикоснуться, часто посматривают в их сторону. Тестируемые дети со сложным дефектом очень слабо реагируют на оценку своих действий как таковую.

Заключение

Проведенное тестирование показало, что в отличие от детей, которые обучаются в общеобразовательной школе, дети со сложным дефектом, а в большинстве случаев – дети с диагнозом ДЦП, имеют нарушения в саморегуляции, самооценке, у них низкий уровень притязаний, высокая инконгруэнтность

и ряд личностных особенностей, которые вносят диссонанс в их учебно-познавательную деятельность. Дети, которые находятся на индивидуальном обучении, не имеют большого опыта общения со сверстниками, часто их круг общения ограничивается родственниками и учителем. Из 29 подобных детей у 18 был выявлен ряд нарушений по каждому проводимому тесту. 9 учеников, которые показали хорошие результаты по тестам, посещают центры развития, дополнительно занимаются с логопедом и психологом, активно участвуют в социальной работе в школе (утренники, экскурсии, школьные концерты), часто выезжают на лечение в санатории, посещают кружки Дома культуры. Остальные 18 учащихся очень мало проявляют активность в социальной среде или ограничиваются каким-то одним пунктом взаимодействия вне дома. Также причиной низких показателей саморегуляции, как один из возможных вариантов, может быть причина в позиции воспитания, которой придерживаются родители детей, обучающихся на дому, или замещающие их лица.

У 21 учащегося со сложным дефектом с сохранным интеллектом (обучающихся по обычной программе в малых группах школы) также был выявлен ряд нарушений по саморегуляции. У 11 учащихся из данной группы есть диагноз – ДЦП, осложненный ЗПР. На результаты тестирования влиял жизненный опыт детей: несмотря на их школьную социализацию и работу психолога с классом, по причине физической и психической неполноценности учащиеся показали низкий уровень саморегуляции, но он был на несколько процентов выше, чем у учеников надомной формы обучения.

Улучшить показатели по тестированию у детей со сложным дефектом можно рядом тренингов, на которых можно не только повысить самооценку учащихся, но и улучшить показатели по саморегуляции, уровню притязаний, конгруэнтности и т. д. Работу нужно проводить комплексно, задействовав при этом не только учащихся (в группах или индивидуально), но и учителей, а также родителей.

Литература

1. Акмеологический словарь / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2004. – 161 с.
2. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 1998. – 300 с.
3. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. – СПб.: Питер, 2013. – 386 с.
4. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2011. – 700 с.
5. Липкина А. И. Самооценка школьника. – М.: Знание, 1976. – 64 с.

6. Научное психологическое общество им. С. Л. Рубинштейна // URL: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/osnovnie-ponyatiya-sostavleno-k.html>
7. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 2009. – 527 с.
8. ППМС-центр «Доверие». Тест со всех сторон // Школьный психолог. – 2000. – № 05 (53).
9. Практикум по возрастной психологии / Под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб., 2002. – С. 559.
10. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
11. Чебучева Е. В. Саморегуляция, когнитивно-стилевые характеристики и проблема успешности учебной деятельности в младшем школьном возрасте // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2010. – Т. 1. – С. 63–67.
12. Чумаков И. В. Психологическая карта учащегося группы риска: диагностика и сопровождение. Коррекционная психология. – М.: Учитель, 2008. – 462 с.
13. Шапиро Д. Динамика характера: саморегуляция при психопатологии. – М.: Класс, 2009. – 216 с.
14. Glassman W. E. Approaches to Teaching and Learning Psychology. In a Self-assessment of Congruence // URL: <http://www.ryerson.ca/~glassman/Qsort.html>
15. Morse S. J., Gergen K. J. Social comparison, self-consistency and the concept of self // Journal of Personality and Social Psychology. – 1970. – № 16. – pp. 148–156.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.91

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ НА ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОБРАЗНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Дикая Людмила Александровна
Карпова Виктория Викторовна***

Публикация подготовлена в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (№ 25.2141.2014/к).

В статье приведен анализ современных представлений о мозговых механизмах творчества. Авторами отмечается разнообразие и противоречивость результатов современных исследований мозговых коррелятов творческой активности человека. Обоснована актуальность исследования динамики функциональной мозговой организации на разных этапах художественного творческого процесса у людей в зависимости от профессиональной подготовки и уровня продуктивности образной творческой деятельности.

Описаны методика и процедура проведения эмпирического исследования. В исследовании приняли участие 60 студентов в возрасте 18–23 лет. Для моделирования творческой деятельности была использована художественная техника монотипии. Особенности функциональных связей коры головного мозга во время выполнения образной творческой деятельности исследованы с помощью метода ЭЭГ. Статистический сравнительный post hoc-анализ проведен для представителей четырех групп участников исследования: не художники с низким уровнем продуктивности (10 человек); не художники со средним уровнем продуктивности (20 человек); художники со средним уровнем продуктивности (12 человек) и художники с высоким уровнем продуктивности (18 человек).

На основе результатов сравнительного анализа достоверно показано, что высокий уровень профессиональной подготовки художников связан с активным формированием коротких внутри- и межполушарных функциональных

связей коры мозга в высокочастотных диапазонах (альфа2, бета), которые обеспечивают максимальную эффективность решения творческой задачи, а также способствуют быстрой, легкости и продуктивности создания образа. Сделан вывод о влиянии уровня продуктивности образной творческой деятельности художников на оптимальность процесса обработки образной информации. У участников исследования с высоким уровнем продуктивности выявлены сильные длинные внутрислобковые функциональные связи в низкочастотных диапазонах (дельта диапазон).

Ключевые слова: художники, профессиональная подготовка, творческий процесс, монотипия, кора мозга, полушария мозга, ЭЭГ, инсайт, функциональные связи, частотные диапазоны.

Одной из наиболее сложно организованных деятельностей человека является творческая. При характеристике творчества исследователями отмечается: невозможность алгоритмизировать его процесс, неразделимое сосуществование и тесное переплетение в нем осознаваемых и неосознаваемых компонентов, внезапное нахождение решения [1, 3, 5].

В последние годы заметно повысился интерес ученых к изучению мозговой организации творческой активности человека. Современные подходы к исследованию мозговых механизмов творчества проводятся с применением преимущественно методов томографии (структурной магнитно-резонансной, функциональной магнитно-резонансной, позитронно-эмиссионной) и электроэнцефалографии (ЭЭГ). Исследования обычно организуются по принципу контрастного анализа, что позволяет выделить мозговые корреляты собственно творческих компонентов при сравнении нейрофизиологических коррелятов творческой и других видов сложной когнитивной деятельности [2, 11].

Моделью при изучении мозговых коррелятов творческой активности человека выступают так называемые творческие задачи, способов решения которых нет в опыте участника исследования, или дивергентные задачи, имеющие не единственное решение. Решение таких задач предполагает актуализацию творческого мышления, т. е. установление новых связей между элементами задачи, отсутствующих в опыте испытуемого.

На основе проведенного нами анализа современных работ, направленных на поиск мозговых коррелятов творческого мышления, дивергентного мышления, креативности [2, 4, 6, 10, 12, 13, 14, 15] можно выделить теории, согласно которым творческая активность связана с:

- 1) доминированием активности правого полушария головного мозга;
- 2) высокой нейронной взаимосвязью;
- 3) низкой корковой активацией;
- 4) функциями префронтальной и фронтальной коры.

Однако полученные исследователями данные противоречивы:

1. Так, результаты одних исследований показывают, что творческую активность характеризует правополушарное доминирование. И, наоборот, на данный момент существуют доказательства ее левостороннего расположения [9, 13, 16].

2. Высокая нейронная взаимосвязь также была как доказана, так и опровергнута. Результаты ряда исследователей показывают тесную межполушарную интеграцию, и в то же время есть данные о независимом функционировании обоих полушарий при творческом мышлении [2, 5, 7, 8, 13, 14].

3. Согласно одним данным, корковая активация у высококреативных испытуемых при выполнении творческих заданий по сравнению со спокойным состоянием повышается, согласно другим – снижается [2, 7, 16]. Более того, если ранее теории низкой активации получали свое объяснение «торможением в корковых зонах», то сейчас это определение заменено на нисходящий процесс торможения, который защищает внутренний процесс обработки информации от влияния внешних новых стимулов [13].

4. Также в теориях «префронтального творческого мышления» признается важная функциональная роль и задних отделов коры мозга, которая показана в ряде исследований при решении испытуемыми и невербальных и вербальных творческих задач [2, 7, 13, 14, 15, 16].

Можно заключить, что существует значительная неоднородность результатов изучения мозговых коррелятов творческой активности человека, поэтому достаточно трудно прийти к точным заключениям. Проведенные исследования основаны на разных методологических подходах. Противоречие получаемых исследователями данных может объясняться, прежде всего, сложностью самого феномена творческой активности, ее высокой внутренней детерминацией, что влечет за собой трудности методического характера. Противоречие получаемых данных может объясняться также и тем, что изучение мозговой организации творческого процесса осуществляется безотносительно к его основным этапам – подготовки, инкубации, инсайта и верификации.

Исследования динамики мозговой активности на разных этапах творческого процесса пока немногочисленны и выполнены на модели решения преимущественно вербальных задач [7, 12, 13, 14].

На сегодняшний день неизученными остаются вопросы о функциональной организации коры головного мозга человека при инсайтных решениях, т. е. именно при творческих решениях, невербальных и, прежде всего, образных задач; вопросы о динамике функциональных связей коры мозга на разных этапах решения творческих задач у людей с разной профессиональной подготовкой, с разным уровнем креативности. В то же время, такие

виды деятельности, как художественная, конструкторская, музыкальная отличаются высоким творческим компонентом. Профессия художника включает в себя владение художественными методами, создание художественного образа, выполнение композиционных решений. Такая работа требует высокой эрудиции, оригинальности мышления, художественной интуиции и воображения, высокоразвитого эстетического вкуса. Понимание мозговых механизмов художественного творчества может иметь большое значение для широкого круга проблем. Их знание позволит управлять творческим процессом, развивать его, может способствовать развитию креативности у обычных людей, может быть использовано при подборе методов и технологий обучения художников, направленных на активизацию областей мозга, ответственных за реализацию творческой деятельности, а также с целью профориентации, чтобы оценить психофизиологическую предрасположенность к художественной деятельности.

Целью проведенного эмпирического исследования стало изучение влияния профессиональной художественной подготовки на особенности формирования функциональных связей коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности.

В исследовании приняли участие студенты г. Ростова-на-Дону (60 человек), 18–23 лет, разделенные на две группы: художники (30 человек), не художники (30 человек).

Для моделирования образной творческой деятельности применяли художественную технику монотипии. Техника заключается в случайном отпечатывании красок на бумаге. Впоследствии из случайного отпечатка формируется композиция. Работа с монотипиями позволяет находить решение задачи путем инсайта.

Во время эксперимента испытуемым предъявлялись 8 монотипий. Предлагалось в одной из монотипий создать в своем воображении художественный образ, а затем продумать детали будущей композиции, найти выразительные средства для ее изображения.

При выполнении творческого задания у каждого из испытуемых регистрировали ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (г. Таганрог) в 21 отведениях, расположенных по стандартной системе 10–20. Была использована монополярная схема с ушными референтными электродами.

Показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии с открытыми глазами и на разных этапах решения невербальной творческой задачи:

- 1) на этапе подготовки, при попытке решить задачу сразу после предъявления монотипий («Без идеи»);

- 2) на этапе невозможности решить задачу («Фрустрация»);
- 3) на этапе решения задачи, непосредственно перед осознанием решения («До идеи»);
- 4) на этапе проверки найденного решения («После идеи»).

После окончания регистрации ЭЭГ испытуемым предлагалось нарисовать придуманную композицию на соответствующей монотипии.

Продуктивность выполнения творческого задания затем подвергалась анализу экспертов, в результате чего все участники исследования были разделены на четыре группы:

- не художники с низким уровнем продуктивности (10 человек);
- не художники со средним уровнем продуктивности (20 человек);
- художники со средним уровнем продуктивности (12 человек);
- художники с высоким уровнем продуктивности (18 человек).

Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались когерентные связи биопотенциалов коры мозга между отведениями в диапазонах частот: дельта (0,5–4 Гц), тета1 (4,0–6,0 Гц), тета2 (6,0–8,0 Гц), альфа1 (8,0–10,5 Гц), альфа2 (10,5–13,0 Гц), бета (13,0–35,0 Гц).

На основе анализа работ, посвященных изучению особенностей когерентных связей у испытуемых при выполнении когнитивной деятельности [4, 5, 7, 12], в нашем исследовании все когерентные связи между отведениями для каждого частотного диапазона были сгруппированы следующим образом:

- внутриполушарные коротко-дистантные;
- внутриполушарные длинно-дистантные;
- межполушарные между гомологичными отведениями;
- межполушарные диагональные;
- межполушарные между симметричными отведениями.

Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA и сравнительный *post hoc*-анализ по критерию Фишера. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 6.0.

На основе обобщения полученных данных и сопоставления их с данными других авторов в нашем исследовании получены следующие результаты:

У не художников с низким уровнем продуктивности во время выполнения творческой задачи выявлен высокий уровень когерентности коротких внутриполушарных и низкий уровень – длинных внутриполушарных связей в дельта диапазоне. Это может означать, что процесс осмысления содержания монотипии и подбор зрительных образов из долговременной памяти протекают у них независимо друг от друга.

На этапе подготовки в альфа2 частотном диапазоне увеличивается сила функциональных внутрислошарных связей правого полушария и снижается – левого ($p \leq 0,05$), что, вероятно, способствует решению задачи с помощью случайного формирования образов. На этом же этапе отмечается активация внимания (сильные внутри- и межполушарные связи в тета2 диапазоне). Наиболее высокая активация коры (усиление внутрислошарных и межполушарных когерентных связей в альфа1 диапазоне) и высокий уровень эмоционального напряжения (усиление межполушарных передних и симметричных когерентных связей в тета1 диапазоне) наблюдается на этапе фрустрации и сохраняется на остальных этапах творческого процесса (рис. 1).

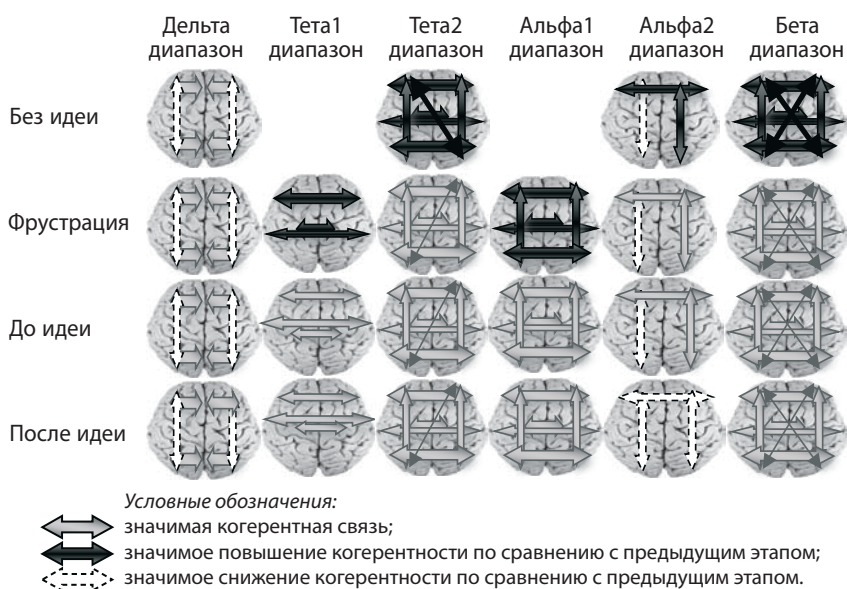

Рисунок 1. Функциональные связи коры мозга у не художников с низким уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

У не художников со средним уровнем продуктивности высокий уровень когерентности выражен в передних отделах левого полушария в альфа2 диапазоне на всех этапах творческого процесса, что, по всей видимости, связано с оценкой, анализом материала монотипий, из которого необходимо создать собственную композицию. На этапе фрустрации выявленные сильные длинные внутрислошарные связи в дельта1 диапазоне отражают

усиление процесса обработки и манипулирования информацией. Наивысший уровень эмоциональной реакции (усиление внутри- и межполушарных функциональных связей в тета1 диапазоне) связан с этапом нахождения решения ($p \leq 0,05$) (рис. 2).

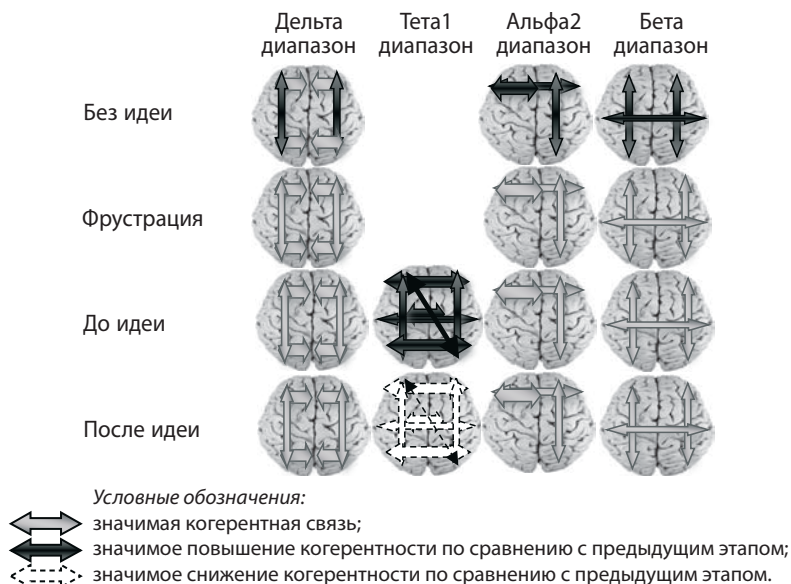

Рисунок 2. Функциональные связи коры мозга у не художников со средним уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

У художников со средним уровнем продуктивности этап подготовки связан с переносом внимания во внутренний план, проявлением чего на нейрофизиологическом уровне является снижение когерентности в передних отделах коры мозга в тета2 диапазоне ($p \leq 0,05$). Процессы обработки и манипулирования информацией, связанной с решением творческой задачи, реализуются на этапах подготовки и нахождения решения, отражением чего является усиление длинных внутриполушарных связей в дельта1 диапазоне ($p \leq 0,05$). На этапе фрустрации наблюдается снижение силы когерентности в передних отделах правого полушария в альфа2 диапазоне. На этапе проверки найденного решения усиливаются короткие связи в передних отделах левого полушария в альфа2 диапазоне ($p \leq 0,05$), что может отражать процессы анализа и оценки найденного образа (рис. 3).

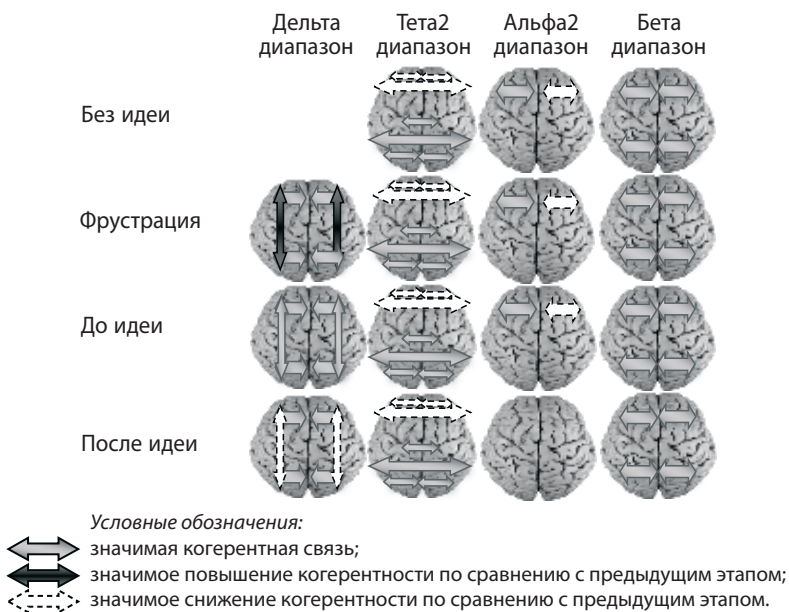

Рисунок 3. Функциональные связи коры мозга у художников со средним уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

Группа художников с высокими показателями продуктивности характеризуется постоянным высоким уровнем эмоциональной вовлеченности в выполнение задания, о чем можно судить по высокому количеству сильных межполушарных симметричных функциональных связей в тета 1 диапазоне. Уровень активационного состояния коры одинаково высок на всех этапах творческого процесса, о чем можно заключить по сильным длинным межполушарным симметричным связям в альфа1 диапазоне. Однако он ниже, чем у представителей других групп, у которых решение задачи связано с большими энергозатратами ($p \leq 0,05$). На этапе подготовки у художников с высокими показателями продуктивности выражены длинные внутрислошарные связи в дельта1 диапазоне, реализующие процессы манипулирования и обработки информации. На этапе нахождения решения усиливаются значения когерентности в коротких внутрислошарных и межполушарных связях (альфа2 диапазон) ($p \leq 0,05$), что скорее всего способствует интеграции спонтанной продукции образов и мысленному конструированию из них изображений. Выраженные короткие симметричные межполушарные связи на данном этапе свидетельствуют

о возможности решения творческой задачи одновременно с помощью образного восприятия и дополнительного анализа, что может способствовать скорости, легкости и продуктивности выполнения творческой образной задачи художниками. Этап проверки найденного решения характеризуется снижением когерентных связей во всех исследуемых диапазонах (рис. 4).

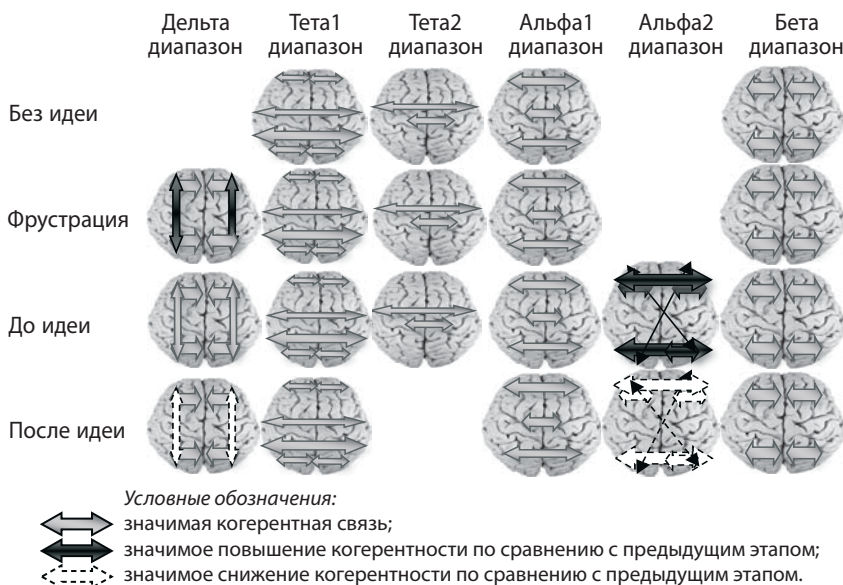

Рисунок 4. Функциональные связи коры мозга у художников с высоким уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

На основе полученных результатов проведенного исследования сделаны следующие **выводы**:

1. Изучена роль профессиональной подготовки участников исследования на эффективность результата решения образной творческой задачи, в результате которой на этапе решения задачи в коре мозга у художников формируются короткие внутри- и межполушарные функциональные связи в высокочастотных диапазонах, тогда как у не художников доминируют длинные внутрислошарные.

2. Показано влияние уровня креативности участников исследования на оптимальность процессов обработки информации, что при выполнении художественной творческой деятельности на нейрофизиологическом уровне

отражается в активном функционировании длинных внутрислошарных когерентных связей в низкочастотных диапазонах, создающем предпосылки для эффективной обработки образной информации.

Литература

1. *Абакумова И. В., Тельнова О. В., Фоменко В. Т.* Развитие учащихся в междисциплинарных контекстах // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 41–53.
2. *Бехтерева Н. П., Нагорнова Ж. В.* Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невербальную (образную) креативность // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 5. – С. 5–13.
3. *Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е.* Одаренность: природа и диагностика. – М: АНО «НЦПРО», 2013.
4. *Дикая Л. А.* Развитие креативности у специалистов по противодействию терроризму и ликвидации последствий террористических актов // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 5. – С. 32–38.
5. *Карпова В. В., Дикая Л. А.* Динамика функциональной организации коры мозга в процессе творческой деятельности у учащихся с художественной одаренностью // Материалы XVI Международной конференции по нейрокибернетике. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. – Том 1. – С. 370–372.
6. *Карпова В. В., Дикая Л. А.* Особенности функциональных связей коры мозга у испытуемых с разным уровнем продуктивности образной творческой деятельности // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – Т. 12. – № 2. – С. 42–46.
7. *Разумникова О. М., Яшанина А. А.* Соотношение креативности, интеллекта и полушарной специализации в селекции информации // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 5. – С. 71–81.
8. *Свидерская Н. Е., Антонов А. Г., Бутнева Л. С.* Сравнительный анализ пространственной организации ЭЭГ на моделях дивергентного и конвергентного невербального творчества // Журнал высшей нервной деятельности. – 2007. – Т. 57. – № 2. – С. 144–154.
9. *Яшанина А. А., Разумникова О. М.* Полушарные особенности высокочастотной и низкочастотной активации коры при конвергентном и дивергентном мышлении // XXII съезд Физиологического общества имени И. П. Павлова: Тезисы докладов. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2013. – С. 619–620.
10. *Arden R., Chavez R. S., Grazioplene R., Jung R. E.* Neuroimaging creativity: A psychometric view // Behavioural Brain Research. – 2010. – V. 214. – pp. 143–156.

11. *Dikaya L. A., Dikiy I. S.* Brain correlates of composing major and minor music // International Journal of Psychology. Special Issue: XXX International Congress of Psychology. – 2012. – V. 47. – Supp. 1. – P. 113.
12. *Dikaya L. A., Ermakov P. N., Dikiy I. S.* EEG correlates of professional creative problem solving with insight // International journal of psychophysiology. – 2012. – V. 85. – Issue 3. – P. 379.
13. *Fink A., Graif B., Neubauer A. C.* Brain correlates underlying creative thinking: EEG alpha activity in professional vs. novice dancers // Neuroimage. – 2009. – V. 46 (3). – pp. 854–862.
14. *Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R. et al.* Neural activity when people solve verbal problems with insight // PLoS Biology. – 2004. – V. 2 (4). – pp. 500–510.
15. *Sheth B. R., Sandkuhler S., Bhattacharya J.* Posterior beta and anterior gamma oscillations predict cognitive insight // Journal of Cognitive Neuroscience. – 2009. – V. 21 (7). – pp. 1269–1279.
16. *Starchenko M. G., Bekhtereva N. P., Pakhomov S. V., Medvedev S. V.* Study of the brain organization of creative thinking // Human Physiology. – 2003. – V. 29 (5). – P. 652–653.

УДК 159.91

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОГЕНЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

**Ковш Екатерина Михайловна
Воробьева Елена Викторовна
Ермаков Павел Николаевич**

Обзор посвящен актуальным отечественным и зарубежным исследованиям психогенетических факторов агрессивного поведения. Рассмотрены цитогенетические механизмы, обеспечивающие психическую деятельность и поведенческую активность человека, представлена концепция управляющей системы кодирования информации, указаны особенности генотип-средового взаимодействия в формировании агрессивного поведения. Дана классификация видов агрессии, рассмотрены подходы к трактовке данного понятия. Проведен анализ теорий, объясняющих природу агрессивности (фрустрационная теория Дж. Долларда, Л. Берковиц, теория социального научения А. Бандуры, теория инстинктивных влечений К. Лоренца, З. Фрейда, биологическая теория). Описаны мозговые механизмы, лежащие в основе различных видов агрессивного поведения.

Проанализировано большое количество отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблеме генетического детерминирования психических процессов и поведения. Представлен обзор исследований генных оснований агрессивного поведения: описаны подходы, признанные на сегодняшний день несостоятельными (теория лишней Y-хромосомы, система «ген-признак», концепция «генов-генералистов»), а также приведены подтвержденные на сегодняшний день представления: описана роль нейромодуляторов-моноаминов (показана взаимосвязь различных форм агрессивного поведения с деятельностью медиаторных систем мозга), тестостерона; рассмотрено влияние социально-экономического статуса и факторов среды. Имеющиеся психогенетические данные описаны с точки зрения аддитивной модели развития. В целом, отмечается полигенный характер наследования агрессивности (гены, кодирующие информацию об устройстве обонятельной, гормональной, медиаторных систем являются биологическими факторами агрессии).

Представлены перспективы развития данного направления исследований – биоинформационный анализ молекулярных механизмов деятельности центральной нервной системы посредством исследования экспрессии генов в клетках мозга; приведен обзор первых результатов, полученных при помощи данного метода.

Ключевые слова: *психогенетика агрессивности, нейромедиаторные системы, моноамины, генетика поведения, молекулярная генетика, агрессивное поведение, агрессия, биологический субстрат, мозговые механизмы, хромосомные аномалии, генотип-средовое взаимодействие.*

На сегодняшний день наука сделала еще один шаг вперед, продвинувшись в развитии представлений о природе психики и поведения. Стремясь к пониманию механизмов, лежащих в основе и оказывающих влияние на поведенческие реакции и психику в целом, ученые исследуют социокультурные условия жизни индивида, его этнические особенности, специфику индивидуальной среды, особенности онтогенетического развития организма, свойства и функции отделов и структур нервной системы, а также биохимические процессы, протекающие в нервной ткани.

Изучением такого сложного феномена, как психика человека и факторы, оказывающие на нее воздействие, занимаются многие науки. Особенно интересным научным направлением в данном контексте, на наш взгляд, является генетика поведения (психогенетика) – междисциплинарная наука, предметом которой выступают наследственные и средовые детерминанты вариативности психологических и психофизиологических характеристик человека [21]. В русле данной дисциплины существует следующее предположение о цитогенетических механизмах, обеспечивающих психическую деятельность и поведенческую активность: скорость и качество протекания биохимических процессов в нервной клетке и межклеточном пространстве определяется участием нейромедиаторов и нейромодуляторов, концентрация которых задается последовательностью аминокислот в кодирующих белках. Следовательно, экспрессия генов, т. е. проявление их функции в клетках мозга, является основой работы нейрона [13]. Нейроны же, образуя колонки, структурные и функциональные ансамбли, обеспечивают протекание разных видов поведенческих реакций, характер которых определяется локализацией задействованных клеток и электрическими, биохимическими процессами, протекающими в них.

В настоящее время существует предположение о наличии **управляющей системы кодирования информации**. В качестве таковой выступают генные сети – ансамбли координированно функционирующих генов, обеспечивающих биосинтез молекулярных, биохимических, метаболических, энергетических и структурных элементов нейрона. В 2007 г. ученые M. J. Hawrylycz, E. S. Lein и др. создали геномный атлас экспрессии генов и показали возможную связь между функциями нейронов и генными сетями [37]. Данные исследования положили начало масштабному изучению генных сетей, проводимому учеными Новосибирского университета. Предварительные выводы по результатам

исследований таковы: «Так же как существует иерархия сетей нейронов, вплоть до глобальной нейронной сети, соответствующей мозгу и нервной системе, существует и соответствующая иерархия генных сетей. При этом генные сети отдельных нейронов, объединяясь в генные сети более крупных клеточных образований, формируют иерархию вплоть до единой генной сети мозга и нервной системы» [13, с. 3]. Участвующие в регуляции синаптической передачи гены рассматриваются как гены-кандидаты, обуславливающие наследственные особенности поведения [17].

Наибольшее распространение в психогенетике получили исследования генотип-средового взаимодействия в формировании интеллекта, темперамента, психических болезней и типов мозговых ритмов [1, 5, 6, 21, 27]. В последние годы, ввиду высокой актуальности проблемы деструктивного и неконтролируемого проявления агрессии в современном обществе, отечественными и зарубежными учеными все чаще исследуются генетические предпосылки разных форм агрессивного и враждебного поведения [2, 12, 14, 17, 25, 26, 28, 29, 36, 41, 45, 48, 49]. Агрессивность как свойство личности обуславливает асоциальное и криминальное поведение. В связи с этим, исследования агрессивного поведения получили распространение также в рамках генетики девиантного поведения [31, 34, 45].

Под агрессивностью сегодня принято понимать особенность индивидуальности [24], склонность личности действовать враждебно или агрессивно [19, 20]. При этом агрессия понимается как форма поведения, целью которого является оскорбление или причинение вреда живому существу, не желающему такого обращения [4, 7, 19]. В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков дают такое определение агрессии: мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности) [10].

Нужно отметить тот факт, что на сегодняшний день агрессия рассматривается не только как форма поведения, но и как состояние (Л. Берковиц, Н. Д. Левитов, Л. Б. Шнейдер), как инстинкт (Ю. Л. Орлов), а агрессивные действия могут быть направлены на достижение значимой цели или психической разрядки, на удовлетворение или замещение блокированной потребности, на переключение деятельности (А. А. Реан). Агрессивность же может выступать как мотив (Х. Хекхаузен), черта личности или характера (К. К. Платонов) и свойство темперамента (В. С. Мерлин), определяющее при этом как ситуативные, так и устойчивые формы поведения.

По данным отечественных авторов, уровень агрессии обусловлен социальными моделями поведения, которые человек усваивает в качестве

социокультурных норм, важнейшими из которых выступают нормы социальной ответственности [16]. При этом не всегда за агрессивным поведением скрывается высокая агрессивность личности (необходимо учитывать мотивы и обстоятельства), и не всегда агрессивность проявляется в открытом действии. Агрессивные импульсы могут подавляться волевым усилием, что часто приводит к развитию психосоматических заболеваний, или трансформироваться посредством механизмов психологической защиты, сублимироваться в творческую и спортивную деятельность и пр.

Наряду с агрессивностью, исследователи рассматривают такие взаимосвязанные понятия, как экстрапунитивность (готовность к нападению в фрустрирующих условиях), враждебность (негативная установка по отношению к окружающим), жестокость (стремление причинять боль, страдания живым существам), гнев (отрицательно окрашенный аффект, направленный против испытываемой несправедливости и сопровождающийся желанием устранить ее) [24].

Агрессию принято разделять на защитную или реактивную (ответ на угрозу), проактивную (нападение) или инструментальную (агрессивное поведение как средство для достижения иной поставленной цели), в т. ч. обученную (армия, спорт, конкурентный бизнес), мотивационную (агрессия как самоцель) и патологическую (при психических заболеваниях) [4, 7, 18, 24, 49].

Существуют такие подходы к трактовке природы агрессии, как: фрустрационная теория (Л. Берковиц, Дж. Доллард), теория социального научения (А. Бандура), теория инстинктивных влечений (К. Лоренц; агрессия как антитеза сексу и либидо – З. Фрейд). Таким образом, агрессия – сложный механизм, многоаспектность которого проявляется в зависимости от мотива. Агрессивное поведение, направленное на удовлетворение витальных функций, способствующее социальной адаптации (Э. Фромм) и эволюционному развитию вида (К. Лоренц), считается «доброкачественной» агрессией. Деструктивное, разрушительное, жестокое поведение является примером «злокачественной» агрессии и проявляется в условиях недостаточного контроля агрессивных импульсов (Э. Фромм).

Наиболее интересной в контексте заявленной темы выступает **биологическая теория агрессивного поведения**. Ее предпосылки мы находим в работах древнегреческих врачей и мыслителей (Гиппократ, Аристотель), философов позднего Средневековья. Впоследствии теорию, объясняющую природу агрессии биологическими факторами, развивали Чарльз Дарвин, Чезаре Ломброзо и др.

На сегодняшний день данная теория постулирует наличие мозгового субстрата или функций, лежащих в основе агрессивного поведения. Благодаря исследованиям нейробиологов, проводившимся в прошлом веке, удалось

обозначить роль структур лимбической системы, а именно: миндалины, гиппокампа, гипоталамуса, поясной извилины, а также таких структур, как островковая и преоптическая области коры, стриатум и пр. в формировании агрессивных реакций человека и животных. Согласно имеющимся данным, функциональные или морфологические аномалии в одной или нескольких из этих структур, повреждение связей между ними способствуют увеличению восприимчивости к чрезмерной стимуляции, что приводит к патологической импульсивной агрессии и проявлению насилия [31, 34].

Alan Siegel выделяет два основных вида агрессии, каждый из которых имеет свои мозговые механизмы. Так, хищническая агрессия, включающая в себя построение сложной программы поведения (охота), регулируется корой головного мозга и обеспечивается активностью нейронов гипоталамуса, покрышки, серого вещества околородопроводной области и тегментальной мезенцефальной областью, продуцирующей дофамин. Эмоциональная агрессия обеспечивается работой медиальной области гипоталамуса, являющейся субстратом глутаматергической системы. Данная система запускает целый спектр вегетативных проявлений, сопровождающих реакцию оборонительной ярости [43]. Таким образом, комплекс гипоталамо-кортико-лимбической нейронной цепи, стимуляция которого приводит к патологической агрессии, запускает работу многих медиаторов, гормонов, цитокинов, ферментов и нейтрофинов [26].

В современных исследованиях изучаются различные биологические предпосылки агрессивности. Так, выраженность данной особенности личности связывают с высоким уровнем содержания гормонов (тестостерона и кортизола) и холестерина в крови, гипогликемией, гиповитаминозом А и С, органическими повреждениями головного мозга (ЧМТ, инсульты, родовые травмы и пр.) и, как их следствие, с нарушениями нервной регуляции, расстройствами вегетативной нервной системы, хромосомными мутациями и пр. [2, 9, 14, 27, 30, 35, 38, 41, 44, 47]. Однако многие из перечисленных корреляций, возможно, отражают не первичную, а вторичную детерминацию агрессивного поведения [18].

Некоторые исследовательские подходы к изучению генетических факторов поведения на сегодняшний день признаны несостоятельными:

- прямые причинно-следственные связи между «простым» геном и «сложным» поведением признаны маловероятными [2]. Следовательно, не существует «гена агрессии»: агрессивность, как и другие изучаемые свойства психики и особенности поведения, имеет полигенный характер наследования. Выделяют около 17 генов, оказывающих влияние на формирование агрессивного поведения [2, 23, 27];
- появившаяся в 2006 г. концепция «генов-генералистов», согласно которой большая часть генов, экспрессирующихся в ЦНС, участвует в модуляции

каждого из когнитивных процессов (Y. Kovas, R. Plomin et al.), также не нашла своего подтверждения: отечественные исследователи (И. З. Плюснина, Н. К. Попова и др.) отвергают данную точку зрения, выделяя особенности влияния различных участков генов на поведение;

- среди несостоятельных теорий, призванных объяснить генетическую природу агрессивного поведения, важно упомянуть и следующую: долгое время считалось, что наличие **Y-хромосомы** (в особенности – лишней) существенно повышает склонность человека к тяжелым агрессивным поступкам (насилию, убийствам). В связи с этим, проводились многочисленные исследования (П. А. Джейкобс, У. Пирс и др.) по изучению уровня агрессивности у здоровых испытуемых и лиц с хромосомными аномалиями, совершивших противоправные действия. Вопреки ожиданиям, гипотеза о наличии достоверно значимых различий в уровне агрессивности и частоте совершения противоправных действий участниками двух групп не подтвердилась (С. Чавкин, С. Шэн, Э. Хук). У лиц, имеющих лишнюю Y-хромосому, был диагностирован достоверно более высокий уровень импульсивности и низкий уровень интеллекта, что, предположительно, и толкало их на совершение преступлений, основными из которых являлись жульничество и воровство [38].

Среди подтвержденных на сегодняшний день представлений отечественных и зарубежных авторов о психогенетической природе агрессивного поведения можно выделить следующие:

1. Ученые выделяют около шести **медиаторных систем головного мозга** (в их числе серотонинергическая, катехоламинергическая, опиоидергическая и др.), участвующих в регуляции и контроле агрессивного поведения. Несомненной считается роль нейромодуляторов–моноаминов (серотонина, дофамина, норадреналина) в формировании индивидуальных особенностей агрессивности. Данные, полученные из многочисленных исследований, проводившихся, главным образом, на животных, свидетельствуют о том, что различные формы агрессии независимы друг от друга и находятся под относительно автономным генетическим контролем [21]. Имеется определенная нейрохимическая специфика для разных форм агрессивно-оборонительных реакций: В. Eichelman и N. B. Thoa связывают «хищническую» агрессию с деятельностью серотонинергической системы, «раздражительную» (вызванную болью) агрессию – с влиянием норадренергической системы, а «спонтанную» агрессию – с дофаминергическими воздействиями. Интересна роль опиоидергической системы: она обеспечивает контроль над проявлением агрессии, участвуя в процессах положительного и отрицательного подкрепления поведения [8]. Похожие результаты были получены благодаря серии исследований, проведенных в Новосибирском институте цитологии и генетики РАН

под руководством академика Д. К. Беляева (2001). Ученые подтвердили тот факт, что формы агрессивного поведения у животных – агрессия хищника, межсамцовые конфликты, материнская агрессия, агрессивное поведение в ситуации страха и по отношению к человеку – находятся под контролем различных генетических механизмов [12].

В целом, функции моноаминов распределяются следующим образом:

Дофамин, химический фактор внутреннего подкрепления, активирующий компонент «центра удовольствия» головного мозга, вещество, являющееся биохимическим предшественником адреналина и норадреналина, является в достаточной мере изученным нейромедиатором. С нарушением дофаминергической системы связывают такие расстройства, как: ангедония, депрессия, деменция, патологическая агрессивность, фиксация патологических влечений, синдром персистирующей лактореи–аменореи, импотенция, акромегалия, синдром беспокойных ног и периодических движений в конечностях, паркинсонизм [9]. Агрессивность при болезни Альцгеймера связывают с геном рецептора дофамина первого типа [41], при посттравматическом стрессовом расстройстве – с геном рецептора дофамина второго типа [29].

Серотонин является медиатором мозга, регулирующим различные виды поведения и физиологические процессы (Н. К. Попова и др., 1978; С. А. Fornal, В. L. Jacobs, 1995; I. Lucki, 1998). Нейроны, продуцирующие серотонин, расположены в гипоталамусе, гиппокампе, базальных ядрах, лобных долях коры больших полушарий, миндалине и, в соответствии со своей локализацией, выполняют функции регуляции сна, чувства голода, температуры тела, полового и агрессивного поведения, общего фона настроения и беспокойства [48].

Роль серотонина в регуляции поведения сложно переоценить. Дефицит данного нейромедиатора приводит к значительным расстройствам поведения: от незначительных заострений определенных личностных черт, таких как импульсивность, враждебность, раздражительность, склонность к насилию, – до более явных расстройств личности, таких как: заострение антисоциальных и пограничных черт личности, нарциссизм и истерические расстройства, суицидальное поведение, открытая агрессия, пароксизмы ярости, патологический гемблинг, булимия, пиромания, алкоголизм и некоторые виды токсикомании [45].

Масштабное исследование роли серотонинергической системы в регуляции поведения было проведено В. С. Наumenko и коллегами на зимоспящих сусликах. Ученые подтвердили факт участия гена ключевого фермента биосинтеза 5-НТ – триптофангидроксилазы-2 в регуляции агрессивного поведения [36], а также продемонстрировали роль 5-НТ1А рецепторов в подавлении агрессии, вызванной страхом, и агрессии нападения; в механизмах зимней спячки и ассоциированной с ней глубокой гипотермии [17, 40]. Была выявлена

активность 5-HT_{2A} рецепторов в подавлении пассивно-оборонительного защитного поведения – каталепсии [40].

Показана роль генов, контролирующих синтез серотонина (SLC6A4) и дофамина (COMT), в предрасположенности к крайней форме аутоагрессивного поведения – самоубийству [21]. Другие исследования показывают взаимосвяз агрессивного поведения у людей, совершивших попытку самоубийства, с полиморфизмом промоторного участка гена, кодирующего рецептор серотонина типа 2A [46].

Особую роль в совершении тяжких преступлений, проявлении насилия у лиц с алкогольной зависимостью и психическими заболеваниями отводят S-промотору гена SLC6A4 (структурные изменения промоторного участка гена обычно влекут за собой изменения активности гена и тем самым – изменение количества кодируемого геном белка) [21].

Роль генов, контролирующих синтез нейромедиаторов–моноаминов, в предрасположенности к несуицидной агрессии можно проиллюстрировать следующим образом:

- с проявлением склонности к жестокости связывают гены ADRB2, HTR2A, DRD4;
- к раздражительности – TPH2;
- к жестокости и раздражительности – TPH1, MAOA, SLC6A4, COMT;
- к вербальной агрессии – HTR3, ADRA2A;
- к физической агрессии – MAOA, SLC6A4, COMT;
- к общему негативизму – TPH1, SLC6A4, COMT [21, 32].

2. Гены, кодирующие информацию об организации обонятельной, гормональной, серотониновой (медиаторных) систем, являются кандидатами, обуславливающими наследственные особенности агрессивного поведения [13, 35, 39, 42, 47].

3. Взаимосвязь агрессивности с высоким содержанием **тестостерона** в крови исследовалась многими учеными. Было доказано, что мужчины, в крови которых содержится большое количество андрогенов (половых гормонов), демонстрируют высокую склонность к преступности, аддитивному, экстремальному и активному сексуальному (большое количество половых партнеров) поведению [30]. Исследования показывают, что высокий уровень тестостерона связан с антисоциальными и криминальными формами поведения, а также с II типом алкоголизма, склонностью к психопатизации личности [44].

4. Исследование влияния социально-экономического статуса на активность серотониновой системы продемонстрировало наличие высокого уровня агрессивности при низком социально-экономическом статусе у людей с генотипами SS и LS [21, 25].

5. Безусловно, важную роль в развитии изучаемых признаков играет среда, но на сегодняшний день существует мнение о том, что она лишь «накладывается» на генетические различия, способствуя или препятствуя их развитию [6, 21].

Неадекватно высокий уровень агрессивности, как правило, связывают с хронически низкой активностью серотониновой системы. Однако в основе ее дефектности лежит взаимодействие биологических и социальных факторов на уровне молекулярных механизмов. Были проведены исследования генотип-средового взаимодействия у макак-резусов, воспитывавшихся матерями и в изоляции. Отсутствие материнской заботы усиливает агрессивность особей, гомозиготных по S-промотору гена SLC6A4, но не влияет на гомозигот LL и гетерозигот [21].

Использование методов психогенетики, в частности, близнецового метода, позволяет оценить вклад наследственных и средовых факторов в фенотипическую вариативность признака [3]. М. Т. Yeh, E. F. Coccaro и К. С. Jacobson [49] провели масштабное исследование влияния роли наследственности и среды, а также половой принадлежности на предпочитаемые виды и формы агрессии (косвенная, вербальная, физическая агрессия, нападение и борьба, приступы гнева и истерики) с участием почти 3000 близнецов. Исследователи пришли к выводу о существовании двух больших факторов – общей и физической агрессии. Участие наследственности и среды в формировании перечисленных признаков, согласно полученным данным, примерно одинаковое и их распределение у мужчин и женщин достоверных различий не продемонстрировало. Эти данные подтверждают результаты, полученные ранее [28] о преобладании у мужчин наследственного компонента – предиктора косвенной, вербальной, физической агрессии и раздражительности (классификация А. Басса и А. Дарки), а также данные, полученные D. S. Cates в изучении наследственного компонента в проявлении вербальной, косвенной агрессии и раздражительности у женщин [27].

Результаты близнецовых и семейных исследований позволяют заключить, что индивидуальные различия агрессивности почти на 50 % обусловлены наследственными факторами. Часть генов, оказывающих влияние на различия в проявлении данного параметра, является общей для разных типов агрессивного поведения и некоторых высоко наследственно детерминированных черт темперамента (эмоциональности и импульсивности) [1, 2, 5, 6]. Семейная среда не представляет собой важной предпосылки агрессивности у взрослых, а индивидуальная, напротив, объясняет не менее 50 % ее дисперсии. В целом эти результаты сходны с данными о соотносительном вкладе генотипа и среды, полученными для других психологических свойств [1, 2].

О перспективах: на сегодняшний день применяется новый метод в исследовании генома человека – биоинформационный анализ молекулярных механизмов деятельности центральной нервной системы посредством исследования экспрессии генов в клетках мозга. С его помощью открыты многие молекулярные компоненты, включенные во внутриклеточные пути передачи информации от рецепторных к эффекторным структурам нейрона, исследовано химическое строение многих белков, вовлеченных в процессы межклеточной и внутриклеточной сигнализации, выявляются гены, экспрессия которых повышена в тканях мозга. Одним из крупнейших достижений последнего времени в области нейронаук является создание трехмерных атласов экспрессии генов в мозге [13, 37]. Наиболее перспективной моделью в психогенетике является, на наш взгляд, аддитивная модель развития, согласно которой фенотип представляет собой кумулятивный продукт генотип-средового взаимодействия [23].

Роль наследственности и среды – тема, которая будет изучаться, по-видимому, еще не одно столетие, т. к. перспективы научных открытий имеют большой масштаб. Изучение генетических предпосылок агрессивного поведения актуально ввиду возможностей, которые нам способны предоставить данные исследования. Уменьшение вспышек агрессии от семейных ссор до террористических актов и военных конфликтов, нивелирование деструктивных последствий проявления «злокачественной» агрессии посредством ее профилактики – вот основные цели проводимых исследований, достижение которых, возможно, существенно повысит уровень и качество жизни современного человека, сделает более безопасной среду его существования [33].

Литература

1. Алфимова М. В., Трубников В. И. Генные основы темперамента и личности // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 115–118.
2. Алфимова М. В., Трубников В. И. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. – 2000. – № 6. – С. 112–123.
3. Бондаренко В. В., Воробьева Е. В. История формирования близнецового метода в психологии // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2006. – № 4. – С. 151–153.
4. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
5. Воробьева Е. В. Интеллект и мотивация достижения: психофизиологические и психогенетические предикторы. – М.: КРЕДО, 2006. – 288 с.
6. Воробьева Е. В. Психогенетическое исследование взаимосвязи темперамента и мотивации достижения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 3. – С. 110–111.

7. *Коннор Д.* Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков. Исследования и терапевтические стратегии. – М.: Олма-медиа групп, 2005. – 286 с.
8. *Кудрявцева Н. Н.* Агрессия: от концепции К. Лоранца к современным представлениям // *Природа*. – 2008. – № 9. – С. 60–63.
9. *Левин Я. И.* Нейрохимическая медицина. Часть 1. Церебральные дофаминергические системы // *Современная терапия психических расстройств*. – 2008. – № 1.
10. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм Еврознак, 2006. – 672 с.
11. *Михайлова О. Ю.* Психологические механизмы криминальной сексуальной агрессии: дисс. ... докт. психол. наук. – Ростов н/Д., 2001.
12. *Михайлова Т. И.* Психогенетические предпосылки агрессивности // *Вестник СумДУ. Серия «Медицина»*. – 2012. – № 1.
13. *Орлов Ю. Л., Вишневский О. В., Витяев Е. Е. и др.* Биоинформационный анализ экспрессии генов в клетках мозга // *Материалы XV Всероссийской научно-технической конференции «Нейроинформатика-2013»*. – Москва, 2013.
14. *Павленко В. Б., Калашник О. А.* Нейроэтология и нейрофизиологические корреляты агрессивности // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. – 2005. – Т. 18 (57). – № 2. – С. 88–96.
15. *Петренко Р. А.* Многоаспектность понятий «агрессия» и «агрессивность» // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2010. – № 5.
16. *Петренко Р. А., Гетманов И. П., Кимстач В. Н.* Биологические и социокультурные факторы агрессии: учебное пособие. – Новочеркасск, 2008. – С. 8–9.
17. *Попова Н. К., Плюснина И. З., Науменко В. С.* Участие серотониновых 5-НТ1А-рецепторов мозга в генетической предрасположенности к агрессивному поведению // *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*. – 2006. – № 4. – С. 537–542.
18. *Реан А. А.* Агрессия и агрессивность личности // *Психологический журнал*. – 1996. – № 5.
19. *Реан А. А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 407 с.
20. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь. – М.: 2001. – Т. 1.
21. *Тиходеев О. Н.* Основы психогенетики: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 320 с.
22. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: АСТ, 2006. – 640 с.

23. Чистякова Н. В., Сергиенко Е. А. Генотип-средовое взаимодействие: молекулярно-генетический подход к изучению волевого контроля в период беременности // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 22–33.
24. Шабалин О. М. Агрессивность как комплексная характеристика индивидуальности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 2 (33). – С. 33–35.
25. Шустикова М. В. Генетические и средовые детерминанты агрессивного поведения // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Серия: Биология. – 2005. – Вып. 1–2. – № 709. – С. 111–115.
26. Birger M., Swartz M., Cohen D. et al. Aggression: the testosterone–serotonin link // *Isr. Med. Assoc. J.* – 2003. – no. 5. – pp. 653–658.
27. Cates D. S., Houston B. K., Vavak C. R. et al. Heritability of hostility-related emotions, attitudes, and behaviors // *JBehavMed*, 1993. – no. 16. – pp. 237–256.
28. Coccaro E. F., Bergerman C., Kavoussi R. J., Seroczynski A. Heritability of aggression and irritability: a twin study of the Buss–Durkee Aggression Scales in adult male subjects // *Biol Psychiatry*. – 1997 b. – V. 41. – no. 3. – pp. 273–284.
29. Comings D. E., Muhleman D. V., Gysin R. Dopamine D2 receptor (DRD2) gene and susceptibility to posttraumatic stress disorder: A study and replication // *Biol. Psychiatry*. – 1996. – V. 40. – no. 5. – pp. 368–372.
30. Dabbs J. M., Morris R. Testosterone, social class, and antisocial behavior in a sample of 4,462 men // *Psychol. Sci.* – 1990. – no. 1. – pp. 209–211.
31. Davidson R. J., Putnam K. M., Larson C. L. Dysfunction in the neural circuitry of emotion regulation – a possible prelude to violence // *Science*. – 2000. – no. 289. – pp. 591–594.
32. Ermakov P. Hemispheric asymmetry of aggressive behavior and hereditary factors // *International Journal of Psychophysiology*. – 2014. – no. 2. – P. 143.
33. Ermakov P. N., Abakumova I. V. Youth against terrorism (on the work of the anti-terrorist youth festival) // *Russian Psychological Journal*. – 2012. – V. 9. – no. 4. – pp. 11–15.
34. Ermakov P. N., Michailova O. U. The study of the disorders of hemispheric balance in multiepisode criminals // *Int. J. Psychophysiology. Absrt. of the 9th World Congress of the IOP, Italy, Sept.* – 1998. – V. 30. – № 1–2. – pp. 220–221.
35. Kriks S., Shim J. W., Piao J. Dopamine neurons derived from human ES cells efficiently engraft in animal models of Parkinson’s disease // *Nature*. – 2011. – V. 480 (7378). – pp. 547–551.

36. Kulikov A. V., Osipova D. V., Naumenko V. S. et al. A pharmacological evidence of positive association between mouse intermale aggression and brain serotonin metabolism // *Behav. Brain Res.* – 2012. – V. 233. – no. 1. – pp. 113–119.
37. Lein E. S., Hawrylycz M. J., Ao N. Et al. Genome-wide atlas of gene expression in the adult mouse brain // *Nature.* – 2007. – V. 445 (7124). – pp. 168–176.
38. Mayer Bahlburg H. F. L. Sex chromosomes and aggression in humans / by ed. Brain P. P., Benton D. // *The biology of aggression.* – Rockville: MD, 1981. – pp. 109–123.
39. Middeldorp C. M., de Geus E. J., Willemsen G. et al. The serotonin transporter gene length polymorphism (5-HTTLPR) and life events: no evidence for an interaction effect on neuroticism and anxious depressive symptoms // *Twin Res Hum Genet.* – 2010. – V. 13. – no. 6. – pp. 544–549.
40. Naumenko V. S., Kondaurova E. M., Popova N. K. On the role of brain 5-HT7 receptor in the mechanism of hypothermia mediated via 5-HT1A and 5-HT3 receptor // *Neuropharmacology.* – 2011. – V. 61. – no. 8. – pp. 1360–1365.
41. Nimgaonkav V. L. et al. Psychosis and aggression associated with dopamine receptor gene polymorphisms in Alzheimer's disease // *Am. J. Med. Genet.* – 1997. – V. 74. – no. 6. – P. 627.
42. Popova N. K., Voitenko N. N. Brain serotonin metabolism in hibernation // *Pharmacol Biochem Behav.* – 1981. – V. 14. – no. 6. – pp. 773–777.
43. Siegel A., Victoroff J. Understanding human aggression: New insights from neuroscience // *Int. J. Law Psychiatry.* – 2009. – no. 32. – pp. 209–225.
44. Stalenheim E. G., Eriksson E., Knorrning L von, Wide L. Testosterone as a biological marker in psychopathy and alcoholism // *Psychiatr. Res.* – 1998. – no. 77. – pp. 79–88.
45. Staner L., Mendlewicz J. Heredity and role of serotonin in aggressive impulsive behavior // *Encephale.* – 1998. – no. 24. – pp. 355–364.
46. Tsai S. J. et al. Association study of serotonin-6 receptor variant (C 267 T) with schizophrenia and aggressive behavior // *Neurosci. Lett.* – 1999. – V. 271. – pp. 135–137.
47. Vasiliev G. V., Merkulov V. M., Kobzev V. F. Point mutations within 663–666 bp of intron 6 of the human TDO2 gene, associated with a number of psychiatric disorders, damage the YY-1 transcription factor binding site // *FEBS Lett.* – 1999. – V. 462. – no. 1–2. – pp. 85–88.
48. Vetulani J. Neurochemistry of impulsiveness and aggression // *Psychiatria Polska.* – 2013. – V. XLVII. – no. 1. – pp. 103–113.
49. Yeh M. T., Coccaro K., Jacobson C. Multivariate behavior genetic analyses of aggressive behavior subtypes // *Behav. Genet.* – 2010. – V. 40. – pp. 603–617.

УДК 159.97

КОГНИТИВНО-СТИЛЕВЫЕ ФАКТОРЫ ЗАЩИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Куликова Ольга Сергеевна

Настоящая статья посвящена проблеме социальной адаптации больных с инициальным этапом параноидной шизофрении; в качестве важных форм адаптационного поведения при параноидной шизофрении рассматриваются механизмы психологической защиты, направленные на снижение тревоги; в основе функционирования психологической защиты лежат определенные особенности когнитивной сферы. Автором проведен краткий литературный обзор взглядов на природу этих когнитивных особенностей. На основании этого в статье экспериментально проверяется предположение о том, что в основе выбора и активизации тех или иных форм психологической защиты при параноидной шизофрении лежат особенности когнитивно-стилевой сферы. Этот аспект рассмотрения взаимосвязи когнитивного стиля и психологической защиты не отражен в доступных нам отечественных и зарубежных источниках.

В рамках проведенного исследования было обследовано 80 пациентов с параноидной формой шизофрении (со сроком заболевания – не более 1 года); все пациенты на момент обследования находились в состоянии медикаментозной ремиссии. Для реализации целей исследования использовались психодиагностические методики, направленные на изучение особенностей защитного поведения и характеристик когнитивно-стилевой сферы. В результате проведенного исследования определены механизмы психологической защиты, обладающие в структуре защитного поведения при параноидной шизофрении: интеллектуализация, замещение, регрессия, компенсация. По результатам проведенного исследования, в основе защитного поведения больных с диагнозом «шизофрения, параноидная форма» лежат: большая дифференцированность и структурированность процесса обработки информации при чрезмерном подчинении ситуативным факторам и субъективной трудности преодоления их влияния; низкая точность перцептивного сканирования с трудностями выделения из контекста значимых признаков в ситуации множественного выбора, недостаточностью предварительного анализа воспринимаемой информации; низкий уровень категориального контроля.

Ключевые слова: социальная адаптация, обработка информации, когнитивный стиль, психологическая защита, параноидная шизофрения, когнитивные нарушения, полезависимость, импульсивность, перцептивное сканирование, категориальный контроль.

Введение

Актуальность проблемы социальной адаптации больных параноидной шизофренией на инициальном этапе заболевания определяется пространственностью данного заболевания среди лиц молодого возраста, а также недостаточностью при шизофрении простого нивелирования психотической симптоматики. Такая недостаточность обусловлена тем, что специфические для шизофрении изменения личности не только не могут быть предотвращены или уменьшены путем медикаментозного лечения, но и оказывают неблагоприятное влияние на социальную адаптацию больных [11, 19].

Ю. А. Александровский считает, что социальная дезадаптация при шизофрении определяется извращенным функционированием системы психической адаптации в целом, и социально-психологической ее составляющей в частности [2].

Общепринятым в научной литературе является положение о механизмах психологической защиты и совладания (копинг-поведения) как о важнейших формах адаптационного поведения индивида [4, с. 41; 9, с. 10; 15, с. 33]. Это положение в полной мере распространяется и на проблему социальной адаптации больных шизофренией.

Согласно принятым в психологической науке представлениям, психологическая защита является формой бессознательной психической активности и обеспечивает психическую регуляцию, направленную на снижение тревоги и эмоционального напряжения [4, с. 41; 5].

При этом общепринятым является положение о преобладании при шизофрении (в том числе, параноидной ее форме) инфантильных, примитивных, дезадаптирующих вариантов психологической защиты [7; 9, с. 42].

В литературе указывается, что в основе различных психологических защит лежат те или иные особенности когнитивного функционирования: дефекты переработки информации [1, с. 50; 7, с. 165; 26, с. 277; 28, с. 160], неспособность структурировать ситуацию [4, с. 12; 22, с. 1814], когнитивный контроль и когнитивная оценка [29].

Однако природа когнитивных механизмов, лежащих в основе защитного поведения, не ясна и нуждается в дополнительной концептуализации.

В определенной степени это обусловлено тем, что активное изучение патологии когнитивных процессов при шизофрении [13, 17, 18, 20] не привело к однозначному определению характерной именно для данного заболевания совокупности нарушений познавательных процессов [16, с. 56].

В отечественной патопсихологии нарушенное протекание познавательных процессов при шизофрении признается следствием снижения

избирательности в использовании прошлого опыта [13, 17, 18], т. е. нарушения организации и регуляции познавательной деятельности. При этом постулируется формальная сохранность мнестических процессов [8], колебания внимания и снижение его активности [14].

В зарубежной научной литературе когнитивные нарушения у больных шизофренией описываются в терминах снижения интенции внимания и трудностей поддержания его согласованного тонуа, а также снижения кратковременной памяти, нарушения обработки информации [26, с. 227; 28, с. 160; 31, с. 201; 34, с. 375].

Индивидуальные особенности и регулирующие аспекты процесса обработки информации операционализируются в конструкте когнитивно-стилевых особенностей.

Исходя из вышеизложенного, мы предположили, что именно когнитивные стили, рассматриваемые как индикаторы сформированности интеллектуального контроля и способности к построению объективированной ментальной репрезентации реальности [23, с. 226] лежат в основе выбора и активизации определенных форм психологической защиты.

Организация исследования

Для проверки этого предположения нами было предпринято экспериментальное исследование связи между когнитивно-стилевыми характеристиками и особенностями защитного поведения больных с параноидной формой шизофрении (срок заболевания – до 1 года).

В рамках данного исследования было обследовано 80 пациентов с клиническим диагнозом «шизофрения, параноидная форма» (код F20.0 по Международной классификации 10-го пересмотра, МКБ-10) и длительностью заболевания до одного года (в том числе, 41 мужчина, 39 женщин в возрасте от 18 до 39 лет; средний возраст – 32 года). По уровню образования испытуемые распределились следующим образом: 31 человек (38,75 %) имели высшее образование; 34 человека (примерно 42,5 %) имели среднее специальное образование; 15 человек (примерно 18,75 %) получили только общее среднее образование.

На момент проведения исследования все обследуемые пациенты находились на стационарном лечении в общепсихиатрических отделениях Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Оренбургская областная клиническая психиатрическая больница № 2» (ГБУЗ «ООКПБ № 2») и характеризовались отсутствием продуктивной психотической симптоматики; при этом имели место эмоционально-личностные изменения различной степени выраженности. Пациенты (с диагнозом «шизофрения, параноидная форма»), в анамнезе которых имелись указания на наличие

органического поражения головного мозга любой этиологии, не были включены в исследование.

Методы и методики исследования

Для реализации цели исследования были применены следующие психодиагностические методы: методика «Фигуры Готтшальдта» (Gottschaldt's Hidden Figure Test) (индивидуальный вариант) – для диагностики когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость» (ПЗ/ПНЗ); методика «Словесно-цветовая интерференция» [32] – для диагностики когнитивного стиля «ригидность/гибкость когнитивного контроля» (Р/Г); методика «Свободная сортировка объектов» по R. W. Gardner, модификация В. А. Колги [10] – для выявления когнитивного стиля «узкий/широкий диапазон эквивалентности» (УДЭ/ШДЭ); методика «Сравнение похожих рисунков» (J. Kagan, 1966) – для диагностики когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность» (И/Р); опросник «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) [6]. Когнитивно-стилевые показатели анализировались с учетом феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей [23, с. 165–166].

Описание процедуры исследования

Процедура исследования полезависимости/полenezависимости с применением методики «Фигуры Готтшальдта» состоит в следующем: предлагается найти в сложной геометрической фигуре одну из пяти эталонных простых геометрических фигур и указать ее. Сложные фигуры предъявляются по одной. О полenezависимости свидетельствует быстрое и правильное обнаружение простой фигуры в сложной, полезависимые испытуемые характеризуются медленным и (или) ошибочным выполнением задания. Фиксируется общее время поиска фигур, количество правильных ответов; на основании этих данных вычисляются дополнительные показатели: индекс полезависимости, равный отношению количества правильных ответов к времени выполнения задания, и коэффициент имплицитной обучаемости, равный отношению разности между количеством ошибок в пробах с 1-ой по 15-ую и в пробах с 16-ой по 30-ую к количеству ошибок, допущенных во время выполнения первой половины методики. Низкие значения этих показателей свидетельствуют о полезависимости и низкой имплицитной обучаемости соответственно.

Процедура исследования степени гибкости/ригидности интеллектуального контроля (методика «Словесно-цветовая интерференция») состоит в последовательном предъявлении испытуемому трех заданий. Первое задание состоит в просьбе как можно быстрее прочитать слова, написанные черным шрифтом и обозначающие название того или иного из четырех основных

цветов (карта «слова»); второе задание требует от испытуемого как можно быстрее называть цвет шестиугольников тех же основных цветов (карта «цвет»); третье задание состоит в просьбе назвать цвет шрифта, которым написаны слова, обозначающие название того или иного из тех же четырех основных цветов, что и в предыдущих заданиях (карта «цветные слова»); цвет шрифта в третьем задании никогда не совпадает со значением слова. Ошибки корректируются по ходу выполнения испытуемым, самостоятельно или по указанию экспериментатора. Фиксируется время выполнения каждого задания, на основании чего подсчитываются показатель ригидности/гибкости интеллектуального контроля, равный разности между временем выполнения карты «цветные слова» и карты «цвет», а также показатель интегрированности словесно-вербальных и сенсорно-перцептивных функций, равный отношению времени выполнения карты «цвет» к времени выполнения карты «слова». Высокие значения первого из обозначенных показателей свидетельствуют о ригидности (узости, жесткости) познавательного контроля. Высокие значения второго показателя свидетельствуют о низкой интеграции словесно-вербальных и сенсорно-перцептивных функций.

Для диагностики когнитивного стиля «узкий/широкий диапазон эквивалентности» использовалась предложенная В. А. Колгой модификация методики «Свободная сортировка предметов» по R. W. Gardner. Суть данной модификации в том, что в качестве объекта сортировки выступают написанные на отдельных карточках слова, отражающие различные аспекты категории «время» (35 карточек). Испытуемому предлагается разложить карточки наиболее логичным, удобным и естественным с его точки зрения способом. Фиксируются следующие показатели: «количество выделенных групп», «количество объектов в наибольшей по объему группе», «количество объектов в наименьшей по объему группе», «количество групп, состоящих из одного объекта». Чем больше выделенных групп, тем уже диапазон эквивалентности. Дополнительно, путем вычисления показателя «коэффициент категоризации» учитываются критерии сортировки; высокие (близкие к единице) значения коэффициента категоризации свидетельствуют о склонности к использованию в качестве оснований сортировки строгих высокообобщенных критериев; низкие (близкие к нулю) значения этого коэффициента отражают тенденцию к использованию в процессе сортировки объектов формальных, неопределенных, ситуативных или субъективных критериев.

Процедура диагностики когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность» (методика «Сравнение похожих рисунков») состоит в последовательном предъявлении испытуемому двух тренировочных и двенадцати основных таблиц, в каждой из которых сверху расположено эталонное изображение знакомого предмета, а ниже располагаются восемь почти

идентичных изображений этого предмета. Инструкция требует найти изображение, полностью идентичное эталонному. После выполнения первых 6 серий методики испытуемого просят давать ответ только при полной уверенности в его правильности. Фиксируется время поиска полностью идентичного изображения и количество сделанных ошибок. Вычисляются показатели: среднее время выбора полностью идентичного изображения, общее количество ошибок и эффективность произвольного контроля, равная отношению разности ошибок в первых и последних шести сериях методики к количеству ошибок в первых шести сериях [3, с. 295].

Опросник «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) состоит из 97 утверждений; от испытуемого требуется отметить те высказывания, которые соответствуют его поведению или состоянию. Утверждения сгруппированы в 8 шкал, соответствующих измеряемым защитным механизмам: отрицание, компенсация, интеллектуализация, регрессия, замещение, проекция, реактивные образования, подавление. Количество «сырых» баллов по каждой шкале отражает степень выраженности соответствующего механизма психологической защиты; в качестве дополнительного использовался показатель «степень напряженности защиты», предложенный Л. И. Вассерманом с соавторами [6, с. 22] и представляющий собой сумму «сырых» баллов по всем шкалам.

В статистическую обработку, представленную процедурой корреляционного анализа, были включены нормально распределенные переменные. Особо следует отметить, что почти все показатели методики «Свободная сортировка объектов» (за исключением коэффициента категоризации) характеризовались асимметричным распределением, и поэтому были исключены из дальнейшей статистической обработки.

Результаты эмпирического исследования

Когнитивно-стилевые особенности больных с параноидной формой шизофрении характеризуются фиксированной полезависимостью, импульсивностью, тенденцией к использованию формальных, абстрактно-неопределенных, субъективных или ситуационных критериев при обработке информации.

Полученные в результате корреляционного анализа значимые взаимосвязи между когнитивно-стилевыми показателями и степенью выраженности психологической защиты представлены в Таблице 1.

Обсуждение экспериментальных результатов

В рамках фиксированной полезависимости при параноидной форме шизофрении большая структурированность процесса обработки информации сочетается с повышением напряженности психологической защиты за счет представленности в структуре защитного поведения целого ряда механизмов,

как протективных, являющихся относительно примитивными (отрицание, регрессия, подавление), так и более зрелых, дефензивных (компенсация, интеллектуализация, замещение).

Таблица 1

**Корреляционные связи между когнитивным стилем
и психологической защитой**

	<i>Когнитивно-стилевые показатели</i>			
	<i>ПЗ/ПНЗ</i>	<i>И/Р</i>		<i>УДЭ/ШДЭ</i>
<i>Механизмы психологической защиты</i>	<i>индекс ПЗ</i>	<i>общее кол-во ошибок</i>	<i>среднее латентное время первого ответа</i>	<i>коэффициент категоризации</i>
Отрицание	,434**		-,243*	
Компенсация	,276*		-,429**	-,390**
Интеллектуализация	,298**	,238*	-,546**	-,423**
Регрессия	,267*		-,446**	-,274*
Замещение	,292**	,383**	-,397**	
Проекция				
Реактивные образования				
Подавление	,432**			
НПЗ	,303**		-,424**	-,324**

Условные обозначения:

1. Сокращения: ПЗ/ПНЗ – полезависимость/полenezависимость; индекс ПЗ – индекс полenezависимости; И/Р – импульсивность/рефлексивность; УДЭ/ШДЭ – узкий диапазон эквивалентности/широкий диапазон эквивалентности; НПЗ – напряженность психологической защиты.
2. Символы: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

При этом некоторые из перечисленных механизмов психологической защиты (подавление, интеллектуализация, компенсация) выполняют свою функцию путем осознанного или неосознанного искажения поступающей информации, реже (как в случае защитного механизма «отрицание») – посредством недопущения восприятия травмирующей информации. Способ функционирования других защитных механизмов (регрессии, замещения) – изменение характера и направленности поведенческой активности, что проявляется, в частности, импульсивностью и ослаблением контролирующих поведенческих механизмов. Это соотносится с пониманием когнитивного стиля как индикатора сформированности интеллектуального контроля и способности к построению объективированных ментальных репрезентаций реальности [23, с. 226].

Психологический смысл фиксированной полезависимости заключается в недостаточной структурированности (дифференцированности) процесса обработки информации с чрезмерным подчинением ситуативным факторам,

субъективной трудностью преодоления их влияния. Именно эти характеристики процесса обработки информации являются проявлением при фиксированной полезависимости низкой сформированности интеллектуального контроля и тенденции к построению субъективированных ментальных репрезентаций реальности.

Исходя из обозначенной выше психологической природы защитных механизмов, можно предположить, что в основе активизации психологических защит «интеллектуализация», «подавление» и «отрицание» лежит повышение уровня структурированности процесса обработки информации в рамках фиксированной полезависимости. А повышение напряженности защит «регрессия» и «замещение» обусловлено низкой мобильностью полезависимого способа обработки информации, субъективными трудностями перехода к другому, более эффективному в конкретных условиях.

Сочетание показателей «среднее латентное время ответа» и «общее количество ошибок» характеризует один из параметров когнитивного стиля, а именно: импульсивность/рефлексивность.

Низкие значения показателя «среднее латентное время ответа» в сочетании с высокими значениями показателя «общее количество ошибок» отражают тенденцию давать быстрые и недостаточно точные ответы (импульсивный когнитивный стиль). Импульсивность, как когнитивно-стилевая характеристика, сводится к низкой точности перцептивного сканирования с трудностями выделения из контекста значимых признаков и при недостаточности предварительного анализа воспринимаемой информации. Эти когнитивно-стилевые характеристики у пациентов с диагнозом «шизофрения, параноидная форма» сопровождаются выраженностью в структуре защитно-адаптивного поведения дефензивных психологических защит «интеллектуализация» и «замещение». Учитывая способ функционирования защитного механизма «замещение» (изменение характера и направленности поведенческой активности, импульсивность и ослабление контролирующих поведенческих механизмов), можно утверждать, что тенденция к сокращению предварительного анализа информации в рамках импульсивного когнитивного стиля является тем когнитивным механизмом, который приводит к актуализации защиты «замещение». А низкая точность обработки информации в ситуации множественного выбора лежит в основе интеллектуализации как психологического защитного механизма, функционирующего путем осознанного или неосознанного искажения поступающей информации.

Большая склонность к использованию в процессе обработки информации формальных, абстрактно-неопределенных, субъективных или ситуационных критериев сопровождается большей напряженностью психологической защиты, прежде всего, за счет интеллектуализации, компенсации, регрессии.

Качественно отличающийся характер критериев, используемых испытуемыми с параноидной формой шизофрении в процессе обработки информации, позволяет предположить, что тенденция к применению формальных и абстрактно-неопределенных критериев лежит в основе актуализации психологических защит «интеллектуализация» и «компенсация», а испытуемые, склонные к использованию субъективных и ситуационных критериев обработки информации, характеризуются также тенденцией использовать регрессию в качестве одного из основных защитных механизмов.

Выводы

Таким образом, в основе защитного поведения больных с диагнозом «шизофрения, параноидная форма» лежат следующие когнитивные механизмы:

1. Большая дифференцированность и структурированность процесса обработки информации при чрезмерном подчинении ситуативным факторам и субъективной трудности преодоления их влияния.
2. Низкая точность перцептивного сканирования с трудностями выделения из контекста значимых признаков в ситуации множественного выбора, недостаточностью предварительного анализа воспринимаемой информации.
3. Низкий уровень категориального контроля.

В структуре защитного поведения пациентов с диагнозом «шизофрения, параноидная форма» преобладают следующие психологические защиты: интеллектуализация, замещение, регрессия, компенсация.

При этом в основе интеллектуализации лежат когнитивные механизмы повышения уровня структурированности процесса обработки информации в рамках фиксированной полезависимости; низкой точности обработки информации в ситуации множественного выбора; использования формальных и абстрактно-неопределенных критериев в процессе обработки информации. В основе замещения как одного из механизмов психологической защиты лежит фиксированность полезависимого способа обработки информации, недостаточность предварительного анализа поступающей информации. Защитный механизм регрессии также обусловлен фиксированностью полезависимого способа когнитивного поведения в сочетании с тенденцией к использованию субъективных и ситуационных критериев в процессе обработки информации. Фиксированная полезависимость в сочетании с преимущественным использованием формальных и абстрактно-неопределенных критериев обработки информации лежит в основе компенсации как еще одного способа защитного поведения испытуемых с клиническим диагнозом «шизофрения, параноидная форма».

Литература

1. *Александровский Ю. А.* Пограничные психические расстройства. (Руководство для врачей). – М.: Медицина, 1993. – 400 с.
2. *Александровский Ю. А.* Состояния психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства). – М.: Наука, 1976. – 272 с.
3. *Антошкина Ю. М.* Когнитивно-стилевые показатели и профессиональная активность // Вестник СПбГУ. – 2008. – Сер. 12. – Вып. 2. – С. 293–297.
4. *Березин Ф. Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
5. *Брунер Дж.* Психология познания: за пределами непосредственной информации. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
6. *Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. – СПб.: Изд-во СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 1999. – 50 с.
7. *Вид В. Д.* Психотерапия шизофрении. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с.
8. *Зейгарник Б. В.* Патопсихология. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 238 с.
9. *Исаева Е. Р.* Совладающее со стрессом и защитное поведение личности при расстройствах психической адаптации различного генеза: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – СПб., 2010.
10. *Колга В. А.* Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: дисс. ... канд. психол. наук – Л., 1976. – 180 с.
11. *Коркина М. В., Лакосина Н. Д., Личко А. Е., Сергеев И. И.* Психиатрия: Учебник для студентов мед. вузов. – М.: МЕДпресс-информ, 2004. – 576 с.
12. *Коробова Е. Л.* Когнитивные стили у больных шизофренией: дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2007. – 253 с.
13. *Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 256 с.
14. *Кудрявцев И. А.* О диагностическом и прогностическом значении некоторых патопсихологических симптомокомплексов // Восстановительная терапия и реабилитация больных нервными и психическими заболеваниями: материалы конф. 23–24 ноября 1982 г. – Л., 1982. – С. 46–52.
15. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 263 с.
16. *Петрова Н. Н., Задвинский В. Ю.* Особенности психосоциальной адаптации и когнитивный стиль больных шизофренией // Вестник СПбГУ. – 2007. – Сер. 11. – Вып. 3. – С. 56–62.

17. Поляков Ю. Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. – М.: Медицина, 1974. – 167 с.
18. Поляков Ю. Ф. Патология познавательных процессов / Шизофрения: мультидисциплинарное исследование / Под ред. А. В. Снежневского. – М.: Медицина, 1972. – С. 225–277.
19. Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. – СПб.: Речь, 2002. – 402 с.
20. Психологические исследования: проблемы патопсихологии. Вып. 3 / Под ред. Б. В. Зейгарник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 168 с.
21. Руководство по психиатрии. Т. 1 / Под ред. А. В. Снежневского. – М.: Медицина, 1983. – 480 с.
22. Филимонова Т. Л. Пространственная организация медленных компонентов вызванной активности при шизофрении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1982. – № 12. – С. 1810–1815.
23. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
24. Яничев П. И., Богданова О. В. Некоторые особенности дезинтеграции вербально-образных структур // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара. – Таллинн: Изд-во Таллиннского педагогического института им. Э. Вильде, 1986. – С. 115–119.
25. Goodenough D. R., Oltman P. K., Friedman F., Moore C. A., Witkin H. A., Owen D., Raskin E. Cognitive styles in the development of medical careers // Journal of Vocational Behavior. – 1979. – Volume 14. – Issue 3. – pp. 341–351.
26. Harvey P. D., Earle-Boyer E. A., Levinson J. C. Distractibility and Discourse Failure Their Association in Mania and Schizophrenia // Journal of Nervous and Mental Disease. – 1986. – Volume 174. – Issue 5. – pp. 274–279.
27. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnormal Psychology. – 1966. – Volume 71. – Issue 1. – pp. 17–24.
28. Kay S. R. Conceptual Disorder in Schizophrenia as a Function of Encoding Orientation // Journal of Nervous and Mental Disease. – 1982. – Volume 170. – Issue 3. – pp. 154–163.
29. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal and coping. – N. Y., 1984. – 218 p.
30. Messick S., Kogan N. Differentiation and compartmentalization in object-sorting measures of categorizing style // Perceptual and Motor Skills. – 1963. – Volume 16. – Issue 1. – pp. 47–51.
31. Pishkin V., Bourne L. E. Abstraction and the use of available information by schizophrenic and normal individuals // Journal of Abnormal Psychology. – 1981. – Volume 90. – Issue 3. – pp. 197–203.

32. *Stroop J. R.* Studies of interference in serial verbal reactions // *Journal of Experimental Psychology: General.* – 1992. – Volume 121. – Issue 1. – pp. 15–23.
33. *Tajfel H., Richardson A., Everstine L.* Individual consistencies categorizing: A study in judgment behavior // *Journal of Personality.* – 1964. – Volume 32. – Issue 1. – pp. 90–108.
34. *Wagener D. K., Hogarty G. E., Goldstein M. J., Asarnow R. A., Browne A.* Information processing and communication deviances in schizophrenics patients and their mothers // *Psychiatry Research.* – 1986. – Volume 18. – Issue 4. – pp. 365–377.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Щетинина Дарья Павловна

На сегодняшний день одной из наиболее актуальных областей теоретических и практических интересов является поведенческая экономика, исследующая психологические закономерности поведения человека, определяющие его экономические решения.

В рамках этого направления, в данной статье предпринята попытка объединить психологический и экономический подходы к изучению основных факторов управления человеческими ресурсами и человеческим капиталом в экономическом пространстве России, которые были объединены в четыре группы: ситуационно-средовые, личностные, социально-экономические и политические факторы и организационно-управленческие факторы.

Поскольку управление человеческими ресурсами осуществляется в экономическом пространстве страны, индикаторы мониторинга развития человеческих ресурсов и человеческого капитала должны представлять собой систему показателей, включающую показатели экономической плотности, показатели размещения и качества населения и экономической деятельности, показатели интенсивности социально-экономических взаимосвязей и показатели психологического состояния населения.

Определяется роль человеческих ресурсов как движущей силы в повышении уровня и качества жизни людей, выравнивании условий социально-экономического развития страны и регионов, и обосновывается основная роль инвестиций в человеческий капитал как ключевого фактора инновационного развития российской экономики.

Ключевые слова: *человеческие ресурсы, человеческий капитал, образование, знания, инвестиции, экономическое пространство, регион, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), интегральный показатель человеческого капитала (ИПЧК).*

Экономический кризис продолжает усугублять разрыв между регионами по основным показателям социального и экономического развития, снижая и увеличивая разницу в уровне и качестве жизни населения.

Ограниченные возможности государства способствуют передаче решения ряда проблем на региональный уровень. Поскольку регион функционирует в рамках более сложной системы национального экономического пространства, это предопределяет выполнение двойственной функции региональных экономических систем. Экономическая функция предполагает развитие в регионе отраслей производства с целью получения экономического эффекта в масштабах всего национального хозяйства. Социально-экономическая функция основывается на принципе зависимости уровня жизни населения от эффективности функционирования региональной экономики, что предполагает рассмотрение региона как социально-экономического комплекса, основными звеньями которого выступают сбалансированные материальное производство и социальная сфера, как основная база, определяющая качество жизни людей и создающая благоприятную среду для воспроизводства человеческих ресурсов на новом качественном уровне [16, с.14].

Основой эффективного управления любой экономической системой становится управление человеческими ресурсами.

И здесь основную роль играет теория человеческого капитала, которая дает представление о роли человеческих ресурсов как фактора повышения национального благосостояния и источника экономического роста, а значит понимания рентабельности инвестиций в человека.

Изменение концепции управления человеческими ресурсами на макро-, мезо- и микроуровнях от затратного подхода к инвестиционному задает и новые ориентиры бизнес-агентам, участникам рынка образовательных услуг для перехода от стратегии управления затратами к стратегии проектного управления результатами, что можно осуществить лишь консолидированными усилиями государства и бизнес-сообщества на всех уровнях социально-экономической системы управления человеческими ресурсами [7, с. 134].

Исследованиями экономической сущности человека и его места в экономической системе занимались такие экономисты, как: Г. Беккер, Ф. Лист, А. Маршал, К. Маркс, Дж. Миль, В. Парето, Д. Рикардо, А. Смит, Ж. Б. Сэй, И. Тюнен, Дж. С. Уолш, И. Фишер, Т. Шульц и др.

В основе теории человеческого капитала лежит исследование нерыночных форм деятельности – образования, здравоохранения, охраны труда, географической миграции, планирования семьи и брака, рождения детей, религии и т. д.

Психологическое измерение человеческого капитала появилось как развитие психодиагностических методов профессионального отбора, построенных на теоретических концепциях ученых ленинградской психологической школы – Б. Г. Ананьева, В. А. Ганзена, Г. В. Суходольского [14].

Основа данного исследования состоит в системном описании реального психолого-соматического состояния человека и показателей его жизне-способности, работоспособности, способности к обучению и способности воспринимать инновации.

Человеческий капитал включает в себя весь объем знаний, умений и навыков, обусловленных особенностями интеллекта, поведения и мотивации, врожденными и приобретенными талантами, имеющих экономическую ценность.

Таким образом, человеческий капитал определяется способностями его носителя, с экономической точки зрения – способностью производить товары и услуги, а с психологической – скрытыми реальными возможностями и желаниями исполнять эту работу.

На сегодняшний день Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является основным индикатором для мониторинга развития человеческого капитала (табл. 1) [11, с. 16–19; 20].

Таблица 1

**Индекс развития человеческого потенциала ряда стран
и регионов России (2013 г.)**

<i>Место</i>	<i>Страна</i>	<i>ИЧР</i>	<i>Место</i>	<i>Регион</i>	<i>ИЧР</i>
Страны с очень высоким уровнем ИЧР			Регионы с очень высоким уровнем ИЧР		
1	Норвегия	0,944	1	Москва	0,931
2	Австралия	0,933	2	Санкт-Петербург	0,887
3	Швейцария	0,917	3	Тюменская область	0,877
5	США	0,914	4	Сахалинская область	0,871
6	Германия	0,911	40	Ростовская область	0,816
Страны с высоким уровнем ИЧР			Регионы с высоким уровнем ИЧР		
57	Россия	0,778	63	Республика Адыгея	0,799
69	Турция	0,659	64	Брянская область	0,798

Как известно, рейтинг Индекса развития человеческого потенциала разбит на четыре группы: страны с очень высоким, высоким, со средним и страны с низким ИЧР. Российская Федерация, занимая 57 место, относится к группе стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Несмотря на большой разброс значений индекса по регионам России, большинство субъектов федерации имеет очень высокий ИЧР (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Свердловская, Ростовская области), а более проблемные регионы (Северного Кавказа) – высокий ИЧР, хотя еще в 2009 г. большинство регионов России имело средний ИЧР.

Несмотря на то, что Индекс развития человеческого потенциала отражает влияние на человеческий капитал наиболее важных социально-

экономических процессов (здоровье и долголетие, доступ к образованию и достойный уровень жизни), пробел в оценке психологической составляющей человеческого капитала существенно снижает его достоверность и полноту.

К тому же, поскольку мы говорим об управлении человеческими ресурсами в регионе как составной части единого экономического пространства страны, а основными характеристиками экономического пространства являются плотность, размещение и связанность, то индикаторы мониторинга развития человеческих ресурсов и человеческого капитала должны опираться на следующие параметры:

- показатели численности населения, объема ВВП на душу населения и т. д. на единицу площади, т. е. показатели экономической плотности;
- показатели распределения населения и экономической деятельности (качество, равномерность, дифференциация, концентрация);
- показатели интенсивности социально-экономических взаимосвязей между частями и элементами пространства (условия мобильности капитала и людей, определяемые развитием информационных, транспортных и коммуникационных сетей) [3].

Управление человеческими ресурсами в регионе должно быть относительно устойчивой системой социально-психологических механизмов взаимодействия субъекта и объекта управления, в процессе реализации информационного воздействия на управленческие функции и осуществляться с помощью воздействия на факторы, способствующие повышению национального богатства страны и уровня благосостояния населения.

Традиционно выделяют следующие макроэкономические и региональные факторы управления человеческими ресурсами и капиталом: этап развития социально-экономической системы, хозяйственные механизмы, воспроизводство, благосостояние, здоровье, образование населения, жилищные условия, духовная жизнь и культура, обеспеченность товарами и услугами, социальное обеспечение, экология, безопасность, права человека, подготовка квалифицированной рабочей силы, трудовое законодательство, распределение рабочей силы по отраслям и регионам, природно-климатические условия, развитость социально-бытовой инфраструктуры, состояние регионального рынка труда, мобильность населения и т. д., которые можно объединить в четыре группы факторов.

Первая группа – ситуационно-средовые факторы. В этой группе факторов среда представляет собой природно-социокультурный феномен, выявляющий механизм возникновения ситуации развития личности.

Высокая разреженность экономического пространства России становится огромной проблемой в связи с тем, что большая часть пространства имеет

крайне низкую плотность населения и экономической жизни, и, соответственно, малую рыночную емкость. Площадь России занимает, приблизительно, 1/8 часть Земли, при этом численность населения неуклонно сокращается, а неравномерное распределение населения по регионам еще больше усугубляет ситуацию: так, по последним данным численность населения возросла только в Центральном и Южном федеральных округах, и то в основном за счет миграции (табл. 2) [8, 9].

Таблица 2

Плотность населения ряда стран в 2014 г.

№	Страна	Население (чел.) по оценке на 2014 г.	Плотность населения в 2011 г.
1	Россия	142470272	8,10
2	США	318892103	33,45
3	Китай	1355692576	139,29
4	Индия	1236344631	361,72

Территориальная протяженность России, связанная с ней пространственная удаленность ряда регионов от федерального центра и приграничное положение оказывают сильное влияние на приграничные территории, особенно регионы Дальнего Востока. Кроме того, что соседние государства в последние десятилетия развиваются в 2–3 раза быстрее, чем Дальневосточный регион, особую опасность представляют различия в плотности населения (4,2 чел./кв. км. в Дальневосточном федеральном округе; 139,29 чел./кв. км. в Китае; 334,74 чел./кв. км. в Японии; 495,07 чел./кв. км. в Южной Корее). В этих условиях особенно актуальными становятся проблемы нерегулируемой миграции иностранных граждан и обеспечения территориальной целостности России.

Территориальная структура российского хозяйства состоит из нескольких крупных экономических районов и центров, разделенных протяженными экономическими «пустотами». Высокие транспортные тарифы, вызывающие дистанционную обособленность территорий, вместе с либерализацией внешнеэкономических связей, а также политика региональных властей, направленная на защиту региональной экономики, приводят к ослаблению межрегиональных связей, углубляя дезинтеграцию российского социально-экономического пространства. В результате в структуре экономических связей субъектов РФ заметно понизилась доля межрегиональных связей и возросла доля внутрирегиональных и внешнеэкономических связей.

Кроме того, более половины территории России находится в суровых природно-климатических условиях, которые обуславливают сугубо сырьевую

моноспециализацию хозяйства регионов, неразвитость инфраструктуры, низкую плотность населения и продолжающуюся миграцию населения в более благоприятные регионы или, иными словами, происходит деградация экономического и социального потенциала территорий, что понижает шансы на возрождение.

На сегодняшнем этапе, социально-экономическая политика должна быть направлена на наращивание воспроизводственного потенциала регионов и городов методами обустройства территории и развития человеческого потенциала. Особое внимание необходимо уделить дорогам и жилью, создающим наибольший мультипликативный эффект, т. к. обширная территория требует современную транспортную систему, отвечающую всем требованиям: масштабам страны, суровым климатическим условиям и т. д.

Россию принято считать многонациональной страной со сложными межкультурными взаимодействиями. Хотя подавляющее большинство населения страны (77 %) – русские, влияние культуры различных народов, в том числе отношения к работе, представления о взаимоотношениях внутри рабочей группой, понятия справедливости и честности в различных трудовых ситуациях и т. д. неоспоримо. Поэтому постоянно остаются открытыми вопросы финансирования и этнокультурного развития народов, населяющих Россию, а также вопросы культурной и языковой адаптации мигрантов, совершенствования миграционной политики, законодательства и правоприменительной практики в миграционной сфере. Например, финансирование в рамках федеральной целевой программы социально-экономического развития народов в Крыму и Севастополе до 2020 г. превысит 10 миллиардов рублей. Тем не менее, основной идеей правительства является признание основополагающей роли культурно-нравственного потенциала и сохранение русской культурной доминанты, отсюда и объявление 2014 года Годом культуры, и разработка по указанию президента Российской Федерации «Основ культурной политики».

Вторая группа факторов – личностные, они объединяют факторы, формирующие поведение человека как экономического субъекта.

Несмотря на существование исследований, посвященных оценке личности, психологических качеств человеческого капитала, по-прежнему нет четкой концепции как их «материализовать».

Для определения функциональных возможностей человеческого капитала А. И. Юрьев предлагает использовать интегральный показатель человеческого капитала (ИПЧК), объединяющий четыре вторичных индекса и состоящий из параметров его реального поведения: жизнеспособности человека (сокращение ухода из жизни мужчин в рабочем возрасте и др.), работоспособности (повышение профессиональной конкурентоспособности

до уровня современных требований и др.), способности своевременно адаптироваться к глобальным изменениям в мире (изменение в мировоззрении общества, организации общества, новых формах управления обществом и т. п.), способности к обучению (обучение новым профессиям, самостоятельное получение новых научных и культурных знаний и др.), которые в свою очередь интегрируют от 6 до 14 первичных показателей. Так, по расчетам профессора А. И. Юрьева, интегральный показатель человеческого капитала в большинстве регионов России не превышает 0,5 по шкале от 0 до 1. Самые низкие показатели человеческого капитала – это работоспособность (0,38) и способность к обучению (0,42) [17].

Соответственно, основными негативными факторами, влияющими на качество человеческого капитала, являются проблемы, связанные со здоровьем человека, соблюдением режима труда и отдыха, питания, а также стрессом и высоким уровнем личной тревожности, связанные с адаптацией человека к изменениям в стране и мире.

В структуре причин смерти по данным Росстата в 2013 г. первое место по-прежнему занимают болезни системы кровообращения – 53,2 %, на втором месте – новообразования – 15,4 % на третьем – внешние причины – 9,1 %.

Так, если рассматривать данные, связанные с социально-психологическим состоянием населения, на 4,4 % возросла заболеваемость нервной системы и органов чувств, на 0,8 % возросла заболеваемость системы кровообращения, в 1,3 раза выросла смертность от язвенной болезни, в 1,8 раз – от несчастных случаев, травм, отравлений. Также, по некоторым оценкам, примерно 70 % россиян живет в состоянии постоянного стресса, а кризис 2014 г., санкции и война в Украине еще усугубляют ситуацию.

Несмотря на то, что за 2013 г. показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении вырос на 0,53 года и составил 70,8 года, а у женщин продолжительность жизни достигла исторического максимума для нашей страны – 76,6 лет, нельзя не отметить наличие существенной дифференциации показателей в региональном отношении.

Как мы уже говорили, вторым компонентом ИЧР является уровень достигнутого образования, и именно он обуславливает нахождение России в группе с высоким уровнем ИЧР. Несмотря на то, что уровень грамотности взрослого населения в России составляет 99 %, происходящие в мире и России изменения вызвали необходимость формирования новой парадигмы результата образования, ориентированного на компетенции (competence-based education – CBE) как социально-лично-поведенческий феномен, проявляющийся в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих личности [8, с. 53–57].

Качество образования – это фундаментальность и востребованность полученных знаний, т. е. возможность их применения для достижения поставленной цели и повышения качества жизни.

Знания (интеллект) являются основой человеческого капитала и выступают как новая мера оценки стоимости организаций, а обмен знаниями – является основой организационной стратегии.

Несмотря на то, что нельзя выявить четкую пропорцию между инвестициями в знания на входе и на выходе, человеческий капитал требует постоянных и непрерывных вложений для получения существенного мультипликативного эффекта в сочетании с другими факторами производства. Соответственно, главной психологической задачей управления человеческим капиталом является нахождение условий и повышение уровня инвестиционной привлекательности образования.

Третья группа факторов включает в себя социально-экономические и политические факторы.

Эффективность экономического развития регионов и их населения напрямую зависит от их способности адаптироваться к современным условиям, особенно в период кризиса.

Несмотря на дифференциацию регионов по уровню экономического развития, за последние 10 лет ситуация существенно улучшилась: так, если в 2005 г. отношение душевого ВРП самой «богатой» нефтегазодобывающей Тюменской области и самой «бедной» Республики Ингушетия достигало 30 раз, то к 2012 г. оно сократилось до 13 раз, как следствие централизации и перераспределения нефтегазовых доходов [5, с. 140].

За счет экономического роста и увеличения объемов потребления за последние годы наблюдалось заметное сокращение масштабов бедности. Но по данным Росстата, падение уровня жизни и реальных доходов населения, вызванное кризисом и падением рубля, в ноябре 2014 г. составило 4,7 %, а по неофициальным данным – превысило 15 %. И это только начало, а реальное положение дел можно будет оценить лишь в следующем году.

Несмотря на то, что Минэкономразвития по последним прогнозам повысил уровень безработицы на 2015 г. до 5,9 %, это меньше, чем в большинстве европейских стран, и в России на сегодняшний день имеется 1,8 млн. вакансий. Вместе с тем, это будет происходить на фоне общего снижения численности занятых практически на миллион человек к 2015 г. всего за три года до 68,6 миллиона, что требует для обеспечения роста экономики повышение производительности труда на 17,5 % [11]. Следовательно, в условиях жесткой конкуренции необходимы: изменение структуры и форм занятости, дифференциация персонала и формирование «внутреннего рынка труда», т. е. использование новых методов управления человеческими ресурсами,

способствующих повышению производительности труда и завоеванию организациями конкурентной мощи.

Одним из основных инструментов в реализации социально-экономической политики страны и регионов становится информация как источник формирования общественного сознания, воспитания граждан и управления человеческими ресурсами и капиталом.

К основным путям повышения эффективности информационного воздействия в процессе управления человеческими ресурсами, снижения социальных страхов у населения относят: совершенствование информационного обеспечения управленческого процесса; усиление позитивного влияния информации на человеческие ресурсы; формирование и развитие информационно-управленческой культуры субъектов управления; развитие государственных и региональных СМИ, которые призваны объединять людей вокруг конструктивных путей выхода из кризиса.

Четвертая группа – организационно-управленческие факторы.

Управление человеческими ресурсами страны и регионов всех уровней возможно лишь при наличии законодательных, организационных и информационных основ, обеспечивающих возможности принятия и воплощения в жизнь управленческих решений.

Законодательные основы управления персоналом опираются на все нормативно-правовые акты, регулирующие трудовые отношения, а также нормативные акты смежных областей, например: пенсионное законодательство, нормативные акты о защите социальных и трудовых прав отдельных категорий граждан и т. д. Правовое обеспечение системы управления персоналом осуществляется как на уровне федерального и регионального законодательства – акты центрального регулирования, так и на уровне организации – акты локального регулирования.

При постоянном сокращении численности трудоспособного населения на фоне роста численности пенсионеров, продолжительности жизни и наличия большого количества льготников, выходящих на пенсию раньше времени, государство ищет дополнительные источники доходов в Пенсионный фонд, нагрузка на который ежегодно увеличивается. И, хотя президент выступает с принципиальной позицией о невышении пенсионного возраста, пенсионный фонд уже проводит программу по стимулированию более позднего выхода на пенсию, путем повышения пенсий пенсионерам, оформляющим пенсию позже, чем в 55 и 60 лет соответственно, и за счет повышения минимального трудового стажа с 5 лет на сегодняшний день и до 15 лет к 2025 г. Также государство планирует увеличить пенсионный возраст для военнослужащих армии и флота и силовых ведомств на 5 лет. И все-таки необходимо понимать, что увеличение пенсионного возраста возможно

лишь в тех странах, где фиксируется высокий уровень продолжительности жизни, иначе на пенсию будет выходить лишь небольшой процент граждан, доживших до пенсионного возраста.

Флексибилизация российского рынка труда характеризуется смягчением трудового законодательства в пользу работодателей, стимулированием создания рабочих мест с нестандартным режимом рабочего времени (занятость по временным контрактам, сезонная занятость, неполная занятость, занятость по режимам неполного рабочего времени и т. д.) и осложнена слабыми социальными гарантиями со стороны государства. То есть, гибкость режима труда, с одной стороны, является инструментом повышения эффективности производства, а с другой позволяет организациям манипулировать законами и инструкциями по предоставлению равных возможностей в области занятости, порядка увольнения, охраны здоровья и техники безопасности на производстве, защиты прав временных работников и тех, кто занят неполный рабочий день, а также многих других ключевых факторов, определяющих трудовые отношения.

Таким образом, возрастает роль государства и регионов в регулировании системы взаимоотношений с работниками, включающая степень участия государства в разрешении трудовых споров и конфликтов, уровень профсоюзного движения и сложившихся взаимоотношений между профсоюзами и компаниями–работодателями.

Анализ основных факторов управления человеческими ресурсами в экономическом пространстве России показал, что информация, научные знания, профессиональный и культурный потенциал общества как интеллектуальные ресурсы определяют структуру национальной экономики.

И совершенно очевидно, что формирование человеческого капитала – это задача государственной социальной политики, в основе которой должно быть личностно-формирующее и личностно-развивающее содержание механизма функционирования общества. То есть, первоочередной задачей становится развитие личностно-профессионального потенциала человека.

Следует отметить, что мы рассмотрели общие, или внешние факторы управления человеческими ресурсами и капиталом в экономическом пространстве страны и регионах (макроуровень), но немаловажную роль играют специфические или внутриорганизационные факторы, к которым относят уровень организации и управления производством в самом коллективе, его социально-психологический климат, личностный состав (микроуровень).

Очевидно, что наиболее эффективным в современных условиях, при формировании стратегии управления человеческими ресурсами, будет использование, адаптация и развитие накопленного человеческого капитала на всех уровнях.

Литература

1. *Армстронг М.* Стратегическое управление человеческими ресурсами: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002.
2. *Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
3. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики: учебник для вузов; 4-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. *Джой-Меттьюз Д., Меггинсон Д., Сюрте М.* Развитие человеческих ресурсов. – М.: Эксмо, 2006.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С. Н. Бобылева. – М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.
6. *Капелюшников Р. И.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11.
7. *Маличенко И. П.* Модернизация профессионального образования в условиях государственно-частного партнерства // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 10.
8. *Меньшенина Е. А.* Мониторинг предпочтений работодателей и перспективы совершенствования модели компетенций бакалавриата по образовательному направлению «Управление персоналом» // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами России. – 2014. – № 5.
9. Оценка численности населения стран мира на 2014 г. // URL: <http://total-rating.ru/18-chislennost-naseleniya-stran-mira.html>
10. Плотность населения территорий мира // URL: <http://worldgeo.ru/lists/?id=16>
11. Прогноз экономического развития России на 2015 г. // URL: <http://economy.gov.ru/mines/main>
12. *Сахарова О. Н.* Индекс развития человеческого потенциала: место России в современном мире // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2014. – № 1.
13. *Синявская О. В.* Основные факторы воспроизводства человеческого капитала // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – № 1.
14. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А. И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.
15. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. – М.: Инфра-М, 2003. – 417 с.
16. *Щетинина Д. П.* Влияние неоднородности экономического пространства на индикаторы региональной динамики: дисс. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д, 2006.

17. *Юрьев А. И.* Опыт психологического измерения человеческого капитала // URL: <http://www.yuriev.spb.ru>
18. *Becker M.* Personalentwicklung – Bildung, Forderung und Organisationsentwicklung in Theorie und Praxis. – Stuttgart, 2002.
19. *Becker M.* Personalentwicklung – Schaffer-Poeschel Verlag. – Stuttgart, 2005.
20. Human Development Report 2014 // URL: <http://hdr.undp.org/en>
21. *Rynes S. L., Milkovich G. T.* Current Issues in Human Resource Management: Commentary and Readings. – Texas, 1986.

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Голдобина Виктория Сергеевна

В статье рассматриваются вопросы учета психологических особенностей личности при индивидуализации наказания, назначаемого несовершеннолетним. Сложность изучения личности подростка, специфики восприятия им информации, а также поведенческого аспекта в условиях криминогенной ситуации обусловлена возрастными особенностями, которые свойственны несовершеннолетнему возрасту. Значимость учета индивидуальных особенностей определяется тем, что любое, в том числе атипичное, поведение несовершеннолетнего лица, как в условиях совершения преступления, так и после него, зависит от свойств личности несовершеннолетнего, которые зачастую не учитываются в практической правоприменительной деятельности.

Акцентируется внимание на необходимости учета не только социально-демографических, но и психологических аспектов личности, оказывающих влияние на осознание (возможность осознания) лицом собственных действий и последствий, которые они могут за собой повлечь. Такой учет требует наличия специальных психологических знаний, что делает целесообразным использование возможностей психологической экспертизы либо привлечение психолога к расследованию уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Специалист–психолог может компетентно дать психологическую ретроспективную, а также прогностическую оценку личности в целом и отдельных, имеющих значение для дела, психологических свойств с целью установления степени общественной опасности несовершеннолетнего, определения меры ответственности и необходимости применения к нему последующего коррекционного воздействия.

Рассматривается не нашедший законодательного регулирования вопрос оценки личностных характеристик, предусмотренных в перечне обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность, применительно к осознанию этих обстоятельств несовершеннолетним лицом.

Осознание (степень осознания) несовершеннолетним лицом тех или иных обстоятельств в качестве смягчающих (отягчающих) обуславливается условиями воспитания и особенностями развития несовершеннолетних. Анализ степени такого осознания имеет практическое значение с точки зрения эффективности применяемых к несовершеннолетнему мер исправительного воздействия и прогностической оценки личности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, индивидуализация, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, наказание, личностный подход, свойства, состояние личности, осознание, особенности личности.

Установленный законодателем принцип равенства перед уголовным законом включает в себя как обязанность государства применять ко всем, независимо от пола, происхождения, имущественного и должностного положения, социального статуса, а также других обстоятельств, единые основания уголовной ответственности, так и индивидуализацию применяемых уголовно-правовых мер с учетом психологических особенностей личности [6, с. 4]. В. А. Задорожная отмечает, что «нравственный элемент содержания данного принципа обусловлен тем, что идея равенства людей изначально имеет нравственный смысл, состоящий в представлении об абсолютной и равной нравственной ценности каждой личности независимо от биологических и социальных характеристик человека [4, с. 136]. В. П. Кашепов, рассматривая принцип справедливости в международных нормах права, делает вывод, что «общественность нуждается в доверии к справедливой системе уголовного правосудия. Неоправданное неравенство перед судом и несправедливость могут привести к тому, что система уголовного правосудия утратит доверие общественности (преамбула Рекомендации от 19 октября 1992 г. N R (92) 17 KM CE “Относительно согласованности в вынесении приговоров”)» [5, с. 41].

Пекинские правила (правило 5.1) устанавливают, что система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена на обеспечение не только его благополучия, но и того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения [11]. В соответствии с данным принципом соразмерности в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняется, что «правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход

к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния» [13].

В юридической литературе обсуждается вопрос о значимости личностного подхода к назначению уголовного наказания; при этом, как правило, учитываются социальные, демографические, криминологические, уголовно-правовые характеристики личности [18, с. 109]. Вместе с тем, как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, «любая ситуация влечет за собой тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику субъекта. Ни одна ситуация не может вызвать поведение, отклоняющееся от нормы, без взаимодействия с определенными свойствами личности» [8, с. 87]. В. Ф. Цепелев отмечает, что «уголовно-правовое деяние должно иметь осознанный и волевой характер. Поведение человека, если оно не осознавалось им и не являлось выражением его воли, не может считаться преступлением независимо от наступивших последствий» [20, с. 61].

Однако же сугубо психологическим свойствам личности и ее состояниям в индивидуализации наказания не всегда придается надлежащее значение. Так, индивидуализацию уголовной ответственности О. В. Громыко определяет как «персональный подход, учитывающий, в числе прочих обстоятельств, присущие данному лицу юридически значимые социальные и психофизические особенности, отражающиеся в его поведении (прошлом, настоящем, будущем)» [2, с. 45]. По мнению А. В. Савенкова, «учету подлежат только те социально значимые свойства и особенности виновного, которые имеют уголовно-правовое значение, поэтому личность преступника следует изучить и учитывать, индивидуализируя наказание не огульно, а в определенных рамках» [15, с. 201].

В. Ф. Цепелев также указывает на необходимость учета личности виновного при назначении наказания и поясняет, что «суд назначает наказание конкретному лицу с присущими ему индивидуальными правовыми, социальными, психологическими и физиологическими характеристиками. В характеристику личности, которую должен установить суд при вынесении приговора, входят такие имеющие существенное значение для назначения наказания качества, как: заслуги перед Отечеством; отношение к обязанностям, следование правилам и нормам нравственности, общественному долгу; отношение к труду, профессиональные качества; образование и стремление к обучению; поведение в быту; семейное положение, отношения в семье; состояние здоровья, возраст; наличие прежних судимостей» [21, с. 202]. Е. В. Лошенкова пишет, что «учет личности виновного (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20) означает принятие во внимание пола, возраста, семейного положения осужденного, состояния

его здоровья, имущественного положения, обеспеченности жильем и работой. Имеет вес и характеристика человеческих качеств субъекта» [10, с. 30].

Однако авторами не упоминается необходимость учета психологических аспектов личности, а вместе с тем, именно психологические свойства и состояния личности имеют существенное значение для индивидуализации ответственности, отражая и изменяя степень опасности деяния, степень осознания противоправного поступка, мотив, цель, предвидение негативных последствий не только для себя, но для других лиц, способность руководить своим поведением, прогноз исправления личности, рецидива и т. д.

Изучение личности несовершеннолетнего необходимо проводить в рамках рассмотрения либо расследования конкретного общественно-опасного деяния, при этом существенное значение имеют те личностные особенности, которые повлияли на выбранный и реализованный вариант противоправного поведения, усложняли либо упрощали его, а также определяли отношение к содеянному. Поэтому, как отмечает О. Д. Ситковская, «в большинстве случаев бывает необходимо и достаточно исследовать свойства личности обвиняемого, указывающие на закономерность или случайность принятия и реализации решения о преступлении; влияющие на способность управлять поведением в конкретной ситуации; значимые для прогноза опасности рецидива и определения программы коррекционного воздействия» [16, с. 43].

Изучение психологии личности несовершеннолетнего, отмечает О. Д. Ситковская, включает в себя: «а) личностные особенности, способствующие преступному поведению или стимулирующие его (например, агрессивность); б) особенности, усугубляющие опасность действий и тяжесть последствий начатого преступного поведения (жестокость и пр.); в) черты, облегчающие втягивание в преступление (конформизм, внушаемость, эмоциональная неустойчивость и пр.)» [17, с. 38].

Такое психологическое изучение личности подростка требует наличие знаний психологии, в связи с чем целесообразно воспользоваться психологической экспертизой либо ограничиться участием психолога, знания которого возможно использовать в уголовно-правовом значении достаточно широко. Так, например, психолог может дать оценку психологическим мотивам преступления, в частности определить место мотива общественно-опасного деяния в мотивационной структуре личности, произвести анализ взаимодействия этого мотива с иными мотивами поведения и его соотношение с доминирующим мотивом и др. Установление этих сведений имеет существенное значение для правильного определения судом степени общественной опасности лица, совершившего преступление. Необходимость привлечения психолога в данном случае обусловлена тем, что «в сфере практического правоприменения мотивы зачастую оказываются материей

слишком тонкой и неуловимой, а попытки их определения в ряде случаев оборачиваются произвольной интерпретацией в соответствии с собственными житейскими представлениями юристов или “наклеиванием ярлыков” типа “мотив насильственного преступления – месть, ревность; невыясненный мотив – хулиганство”» [9, с. 71].

В этих же целях необходимо изучить психологическую характеристику поведения подростка в уголовно-релевантной ситуации, которая предполагает выяснение заранее сформированного умысла на совершение преступления или наличия импульсивного поведения в ситуации совершения конкретного общественно-опасного деяния. В. Г. Асеев подчеркивает, что за одним и тем же поступком могут лежать различные смыслообразующие мотивы, что необходимо учитывать не только для оценки данного конкретного поступка, но и личности в целом [1, с. 189].

Таким образом, главной функцией психолога, участвующего в уголовных делах о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, является оценка информации о психологических особенностях личности и поведения подростка, направленная в совокупности на установление степени общественной опасности несовершеннолетнего.

Установленные в законе требования объективного выяснения общих сведений о личности несовершеннолетнего предполагают: необходимость выявления только значимых психологических свойств личности в рамках конкретного совершенного преступления; исследование их роли в механизме преступного деяния и в целях назначения справедливого наказания, и составления психологического прогноза исправления подростка, и условий такого исправления. С. Н. Сабанин отмечает, что пределы исследования личности связаны с задачей максимально точно прогнозировать влияние наказания на будущее поведение и определить оптимальную программу его исполнения [14, с. 11]. К такого рода общим сведениям о личности относятся: возраст, вменяемость, условия воспитания и жизни несовершеннолетнего, его уровень психического развития, иные особенности личности и влияние на него старших по возрасту лиц.

Кроме общих сведений о личности, в нормах Уголовного кодекса РФ также можно встретить упоминание о свойствах личности, проявившихся в ситуациях криминогенного характера. Так, отдельные личностные характеристики предусмотрены в перечне обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность. Само наличие их в числе условий, влияющих на размер наказания, отражает очевидную и непосредственную связь с преступным поведением либо поведением, определяющим отношение лица к содеянному преступлению. Г. И. Чечель пишет, что «особенности личности виновного в совершении преступления могут и должны быть учтены только

через конкретно совершенное преступление, а следовательно, из всех обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, должны учитываться только те, которые вытекают из данного преступления, т. е. уголовное наказание является лишь оценкой (измерителем) характера и степени тех отклонений в личности виновного, которые отразились в совершенном преступлении» [22, с. 40].

Личностный подход к назначению наказания, требующий анализа психологических свойств и состояний личности виновного в уголовном законодательстве, закреплен в Общих началах назначения наказания [19, с. 10], которые, кроме того, требуют детализации учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность.

Наказание, назначенное с учетом смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, способствует обеспечению соответствия «воздаяния», как отмечает О. Д. Ситковская, «не только факту преступления и его последствиям, но и личностным особенностям, которые влияли на выбор и реализацию данного варианта поведения, затрудняли или облегчали его, а равно сказывались на отношении к содеянному» [23, с. 144].

Однако правила учета смягчающих и отягчающих обстоятельств в отношении несовершеннолетних в части индивидуализации наказания применяются неоднозначно. Данное положение сложилось ввиду того, что законодательно не урегулирован вопрос о том, достаточно ли устанавливать лишь только юридический факт наличия конкретного обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание, либо в качестве обязательного условия требуется осознание подростком той ситуации, которую законодатель предусмотрел в обстоятельствах, влияющих на размер наказания. Так, например, тяжелые жизненные (личные, семейные) обстоятельства могут являться для подростка привычными условиями жизни, и о том, что нахождение его в таких условиях является ненормальным, он может узнать только на следствии или в ходе судебного разбирательства. А может быть и наоборот, когда подросток совершает преступление в силу невыносимых для него условий существования. Здесь ярким примером может послужить типичная ситуация, когда подросток совершает преступление в отношении отца либо отца, который систематически поднимает руку на мать или иных членов семьи. И в том, и другом случае по причине отсутствия четко установленных законодателем критериев при решении такого рода вопросов необходимо участие специалиста-психолога.

Представляется, что только осознание подростком обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, а также мера такого осознания может указывать на их наличие либо отсутствие, а, следовательно, и на целесообразность учета таких обстоятельств при назначении наказания.

В противном случае это бы противоречило принципам виновной ответственности (субъективного вменения) и справедливости, закрепленным статьями 5 и 6 Уголовного кодекса РФ. Учитывая значимость процесса осознания обстоятельств, влияющих на размер наказания, в нормах действующего уголовного законодательства должны содержаться положения, требующие выяснения ситуации, связанной с осознанием лицом указанных обстоятельств, с возможностью им такого осознания. Применение этих положений следует относить в равной степени как к несовершеннолетним, так и к совершеннолетним субъектам преступления.

Однако в соответствии с пунктом 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которому «судам следует иметь в виду, что обстоятельства, смягчающие наказание, признаются таковыми с учетом установленных в судебном заседании фактических обстоятельств уголовного дела» [12], на практике, установив фактическое смягчающее или отягчающее обстоятельство, предусмотренное ст. 61 либо ст. 63 Уголовного кодекса РФ, суд при назначении наказания часто учитывает это обстоятельство без установления факта его осознания (неосознания), что, безусловно, не может отвечать принципам виновной ответственности и справедливости.

Степень осознания подростком ряда обстоятельств, влияющих на размер наказания, обусловлена особенностями развития несовершеннолетних. Вполне допустимо, что несовершеннолетние, совершившие преступление в результате физического или психического принуждения, либо в силу материальной или иной зависимости, а также в отношении малолетнего, престарелого или другого беззащитного или беспомощного лица и других обстоятельств, не осознавали их значения или не были осведомлены о них вследствие особенностей своего возрастного развития или искаженности восприятия по причине недостаточного уровня их интеллектуального развития. «Несовершеннолетние в силу недостаточной социальной зрелости не всегда способны правильно оценить свои противоправные действия» [3, с. 36].

В случае установления неправильного восприятия подростком действительной ситуации в силу особенностей его возраста, особенностей личности, жизненного опыта и т. д., необходимо рассматривать ситуацию в том русле, в котором она представлялась несовершеннолетнему. «Существенной характеристикой уровня социальной зрелости подростка является содержание побуждений, лежащих в основе противоправного действия; умение правильно оценивать тяжесть своего противоправного поступка, его последствия, овладение некоторым минимальным запасом правовых знаний; способность подростка сознательно принимать решения», – пишет М. М. Коченов [7].

Поэтому, чтобы не сомневаться в достаточности психического развития несовершеннолетнего для несения виновной ответственности и назначения справедливого наказания, в том числе с применением к нему смягчающих или отягчающих обстоятельств, целесообразно использование судебных психологических экспертиз либо специальных консультаций. Только при профессиональном диагностировании индивидуальных особенностей личности, включающих жизненный опыт, мотивации, ценностные ориентации и другие аспекты, можно оценить то, «как возрастные и индивидуальные особенности личности повлияли на осознание определенных обстоятельств и меру этого осознания; как виновный понимал значение терминов, используемых законом, не имело ли место неадекватное восприятие определенных фактов, их домысливание и пр.» [3, с. 39], насколько эффективными окажутся те или иные меры воздействия, применяемые к несовершеннолетнему в целях исправления.

Прогноз будущего поведения, включая вероятность повторного совершения преступления, имеет существенное значение для оценки характера и степени ответственности подростка, в связи с чем психолог компетентно осуществляет анализ психологических особенностей личности и поведения виновного несовершеннолетнего. Сущность работы психолога по уголовным делам в отношении несовершеннолетних заключается в ретроспективном изучении состояния личности на момент совершения преступления, а также в ее прогностической оценке. Ретроспективное изучение личности подростка позволяет судебной инстанции индивидуализировать вид и размер наказания, а прогностическая оценка личности позволяет не только определять наиболее эффективный вид и размер наказания, но и устанавливать определенные условия исполнения назначенного наказания (например, режим, дополнительные ограничения), а равно обеспечивать эффективность работы с подростком по его исправлению. Таким образом, помощь психолога является существенным звеном в вопросе недопущения совершения повторного правонарушения. Только при профессиональном подходе к изучению личности в целях составления прогноза поведения подростка возможно назначить индивидуальную, наиболее подходящую личности меру ответственности, составить соответствующий план коррекции противоправного поведения и исправления личности, определить дополнительные обязанности в виде получения общего образования, трудоустройства, посещения спортивных секций и т. д.

Прогноз возможности исправления представляет собой такой процесс изучения личностных свойств, состояний и особенностей подростка, в результате которого выявляются присущие только данному лицу устойчивые

психологические характеристики, позволяющие психологу индивидуально подобрать способы влияния на поведение несовершеннолетнего в целях его исправления, установить индивидуальный характер процедуры воспитания и обучения.

Литература

1. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. – М., 1976. – 158 с.
2. *Громыко О. В.* Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетнего обвиняемого и их влияние на поведение в криминальной ситуации // Российский следователь. – 2012. – № 3. – С. 45–48.
3. *Данилова С. И., Завидов Б. Д., Липатенков В. Б.* Вина и наказание в уголовном праве России. Уголовно-правовой анализ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. – 2004.
4. *Задорожная В. А.* Содержание принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 136–139.
5. *Кашепов В. П.* Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / Под ред. В. П. Кашепова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. – 312 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) / «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
7. *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза. – М., 1977.
8. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение. Норма и патология. – М., 1982. – 287 с.
9. *Кудрявцев В. Н., Ратинова Н. А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 192 с.
10. *Лошенкова Е. В.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Есакова. – М.: Проспект, 2012. – 544 с.
11. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // СПС КонсультантПлюс. – 2014.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.2013) «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС КонсультантПлюс. – 2014.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс. – 2014.
14. *Сабанин С. Н.* Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993.
15. *Савенков А. В.* Принцип индивидуализации при назначении наказания: дисс. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2004.
16. *Ситковская О. Д.* Психологические исследования проблем законности, правосудия и деятельности органов прокуратуры // Вестник Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 2 (28). – С. 41–45.
17. *Ситковская О. Д.* Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 109 с.
18. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: учебник / Под ред. А. В. Смирнова. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014) (ст. 60 УК РФ) / «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
20. *Цепелев В. Ф.* Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2009. – 496 с.
21. *Цепелев В. Ф.* Уголовное право России. Общая часть. Учебник. 2-е изд. / Под ред. В. П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2010. – 496 с.
22. *Чечель Г. И.* Личность преступника как фактор, влияющий на назначение наказания // Российский следователь. – 2012. – № 5. – С. 36–40.
23. Юридическая психология: учебник / Под науч. ред. О. Д. Ситковской. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 472 с.
24. *Ausgewahlte Fragen und Probleme forensischer Begutachtung / Herausgegeben von Helmut Kury.* – Koln. Berlin. Bonn. Munchen, 1987. – Band 14.
25. *Berkowitz L.* Social norms, feelings and other factors affecting helping behavior and altruism // *Advances in Experimental Social Psychology.* – 1972. – 6.
26. *Darley D. M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1968. – 8.
27. *Hamburg D. A., Elliott V. R., Parron D. L.* Health and Behavior Frontiers of Research in the Biobehavioral sciences // National Academy Press. – 1982.
28. *Kaiser V.* Jugendkriminalitat. – Basel: Beltz, 1978.

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА: МАТЕРИАЛЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Ермаков Павел Николаевич
Березин Игорь Гарриевич***

В данной статье представлены эмпирические материалы по исследованию психологических особенностей профессиональной идентификации сотрудников Следственного комитета. Профессиональная идентификация рассматривается как процесс развития личностной рефлексии профессиональной идентичности себя в соотношении с «эталонным образом» сотрудника соответствующей организации с целью достижения позитивной профессиональной самоидентификации. В качестве респондентов выступили сотрудники следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации, дислоцированных на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (1286 респондентов).

Для выявления особенностей профессиональной идентичности сотрудников Следственного комитета был использован целый ряд методик. Были разработаны авторские анкеты по выявлению уровней рефлексии профессиональной идентификации сотрудников Следственного комитета, а также проведены психометрические методики (диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях (И. Д. Ладанов, В. А. Уразаева), методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева, 2007), диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова), экспресс-диагностика системно-характерологических отношений личности (Е. Л. Касьяник, Е. С. Макеева), исследование деятельностной мотивационной структуры (К. Замфир), методика по определению уровня конфликтостойчивости, диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко).

Диагностические результаты позволили выявить различные стратегии профессиональной идентификации сотрудников, принимавших участие в исследовании. Полученные данные показывают, как профессиональная идентификация влияет на уровень профессиональной активности и степень профессиональной самореализации. В статье также описаны барьеры (препятствия и затруднения), которые рефлексировались (осознаются) сотрудниками

как то, что мешает им соответствовать эталонным характеристикам и обрести гармоничные отношения с коллегами и руководством.

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, активность, стратегия, смысловая сфера, смысловые образования, самореализация, личностные ценности, профессиональная направленность, ценностно-смысловые барьеры.*

Актуальность материалов, представленных в данной статье, обусловлена возрастающей потребностью государства и общества в повышении эффективности деятельности сотрудников Следственного комитета России. Будучи сравнительно новой структурой в системе отечественных государственных силовых институтов, отвечающих за обеспечение различных аспектов функционирования правового государства, Следственный комитет ставит перед психологической наукой задачи, сформулированные в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации» 28.12.2010 № 403-ФЗ, и прежде всего это обеспечение оперативного и качественного расследования преступлений. Законодательно определенные приоритеты в деятельности Следственного комитета в свою очередь вызывают необходимость совершенствования деятельности его сотрудников, и, в частности, его кадрового обеспечения, разработки и проведения адекватной ситуации кадровой политики. Как отмечается в Концепции развития следственного управления Следственного комитета России, процесс организации работы Следственного комитета должен сопровождаться адекватным решением кадровых проблем.

Особый раздел кадровых проблем связан с поиском психологических механизмов активизации руководителем личностного и профессионального ресурса сотрудников. Использование таких механизмов в реальной практике управленцев в работе СК России позволит увеличить потенциал осознанной активности сотрудников в профессиональной самореализации, поможет преодолеть внутренние конфликты, связанные с проживанием и принятием себя в профессии, выявить и рефлексировать противоречия, возникающие в процессе профессионализации в современных социально-экономических условиях между силовыми структурами и различными социальными группами населения.

В контексте одного из таких подходов к решению данной проблемы может быть рассмотрена профессиональная идентификация как процесс развития личностной рефлексии профессиональной идентичности себя в соотношении с «эталонным образом» сотрудника соответствующей организации с целью достижения позитивной профессиональной самоидентификации. В современной психологии есть большое количество исследований, ориентированных на

изучение профессиональной идентификации (Т. Ю. Базаров, О. Н. Бурмистрова, А. Л. Журавлев, Л. Г. Ковалев, Р. Т. Кричевский, С. А. Липатов). Несмотря на активные исследования этой проблемы, как в отечественной, так и в зарубежной психологии наблюдается очевидный дефицит работ, направленных на выявление ее специфики у тех, кто непосредственно работает в силовых структурах, и в частности у сотрудников Следственного комитета. В основном эти работы посвящены специфике деятельности государственных служащих, представителей бизнеса, сотрудников промышленных предприятий и торговых учреждений, педагогов.

Для выявления особенностей профессиональной идентичности сотрудников Следственного комитета был использован целый ряд методик. Были разработаны авторские анкеты по выявлению уровней рефлексии профессиональной идентификации сотрудников Следственного комитета, а также были проведены психометрические методики (диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях (И. Д. Ладанов, В. А. Уразаева), методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева, 2007), диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова), экспресс-диагностика системно-характерологических отношений личности (Е. Л. Касьяник, Е. С. Макеева), исследование деятельностной мотивационной структуры (К. Замфир), методика по определению уровня конфликтоустойчивости, диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко). Полученные и проанализированные эмпирические данные позволили сделать следующие выводы.

В нашем исследовании в качестве респондентов выступили сотрудники следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации, дислоцированных на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (1286 респондентов). Необходимо отметить, что средний возраст следователя составляет 26 лет, возраст следователя–криминалиста составляет 34 года, средний возраст инспектора отдела процессуального контроля – 32 года.

Для выявления особенностей профессиональной идентификации, нами (как было уже сказано ранее) были составлены две анкеты:

1. *Первая анкета* была ориентирована на выявление «эталонных характеристик», которые должны быть присущи сотруднику Следственного комитета, которые ориентируют его поведение на «законы» корпоративного сообщества и составляют «фундамент» корпоративной культуры. Данная анкета состояла из 16 вопросов, по 4 вопроса в каждой из 4 предлагаемых шкал: 1-я шкала – вопросы о поле, возрасте, должности, стаже работы; 2-я шкала связана с вопросами на выявление уровня информированности сотрудника о требованиях нормативно-регламентирующих документов по поводу личностных особенностей сотрудников Следственного комитета; 3-я шкала выявляет

представление о том, какие качества сотрудника являются наиболее важными для его профессиональной успешности (4 качества физической подготовки; 4 качества, связанные с интеллектуальным развитием; 4 качества, связанные с эмоционально-волевыми характеристиками; 4 качества, связанные с ценностными ориентациями); 4-я шкала связана с выявлением представлений сотрудника о взаимоотношениях в корпоративном сообществе (отношения с начальством, отношения с подчиненными, отношения с противоположным полом на службе, отношения с сотрудниками более старшего возраста).

2. *Вторая анкета* ориентирована на выявление различных видов идентификации, которые присущи сотрудникам Следственного комитета, а также этапов вовлеченности сотрудника в профессиональное сообщество, наличия барьеров «вовлеченности» в профессиональное сообщество. Анкета состоит из 12 вопросов, которые ориентированы на выявление особенностей профессиональной идентификации, организационной идентификации, корпоративной идентификации, дезидентификации, опережающей идентификации, нейтральной идентификации, амбивалентной идентификации.

Анкетирование проводилось с целью выявить специфику ценностных установок участников исследования (позитивные или негативные) по отношению к ценностям, позиционируемым как приоритетным для сотрудников Следственного комитета регламентирующими документами.

Ответы оценивались с помощью частотного анализа и контент-анализа. Были определены следующие параметры:

- позитивное или негативное отношение к своей профессии (профессиональная идентификация);
- позитивное или негативное отношение к конкретной организации, в которой работает сотрудник (организационная идентификация).

Далее было проведено выявление стадии идентификации по принятию профессиональных эталонов как личностной ценности. Для этого были выделены категории (составлена категориальная сетка), которые указывали на следующие особенности личностного развития сотрудника:

- эмоционально-волевые (способность к эмпатийному взаимодействию, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей; зрелость эмоциональной сферы; развитые самоконтроль, целенаправленность и интегрированность личности; высокая толерантность к фрустрациям);
- когнитивные (интеллектуальность; высокий уровень самоанализа и рефлексии, выраженные в дифференцированном восприятии профессиональных препятствий, барьеров и осознании внутренних конфликтов);
- мотивационные (направленность на сферы профессиональной жизни, обучения и образования; терминальные ценности «сохранение собственной индивидуальности», «развитие себя»).

Были выделены и охарактеризованы эталонные характеристики (или, как их еще называют в последние годы – эталонные профессиональные компетенции и универсальные действия). Выявленные параметры (соответствие представлений сотрудника о своем собственном профессиональном «образе» и его соответствие эталонным характеристикам) позволили выделить и охарактеризовать уровни профессиональной и организационной идентификации сотрудников.

В дальнейших этапах исследования принимали участие те сотрудники, у которых был выявлен средний уровень профессиональной идентификации.

В процессе анализа ответов участников исследования, ориентированных на выявление особенностей профессиональной и организационной идентификации, были выявлены барьеры (препятствия и затруднения), которые рефлексировались (осознаются) сотрудниками как то, что мешает им соответствовать эталонным характеристикам и обрести гармоничные отношения с коллегами и руководством.

Контент-анализ ответов на предложенные сотрудникам вопросы двух анкет позволил выявить стратегии профессиональной идентификации сотрудников. Эти стратегии мы рассматривали как производную от смысложизненных стратегий и стратегий профессионального поведения. Мы объединили их в две группы: «позитивные» и «негативные».

Проведенное сравнение позволило перейти к следующему этапу исследования: анализу результатов психометрических диагностик у сотрудников с разными стратегиями профессиональной идентификации и описанию симптомокомплексов психологических характеристик для лиц с разными стратегиями профессиональной идентификации.

В группах с «позитивными» стратегиями идентификации выявлена значимая корреляция ($r = 0,844$, при $p \leq 0,01$) с ориентацией на социальную активность для достижения жизненного успеха. Анализ данных этой же группы выявил статистически значимую взаимосвязь между личностным дифференциалом (который свойственен тем, у кого позитивная профессиональная идентификация) и такими ценностями, как уважение других ($r = 0,749$, при $p \leq 0,05$), социальный статус ($r = 0,658$, при $p \leq 0,05$), материальное благополучие ($r = 0,727$, при $p \leq 0,01$) и возможность заниматься любимым делом ($r = 0,888$, при $p \leq 0,001$). Положительная корреляция обнаружена также между профилем отношение к делу с отношением к другим ($r = 0,770$, при $p \leq 0,01$) и социальным статусом ($r = 0,739$, при $p \leq 0,01$). В процессе обработки результатов была выявлена отрицательная взаимосвязь между амбивалентной стратегией профессиональной идентификации и конфликтоустойчивостью ($r = -0,843$, при $p \leq 0,01$). Чем выше уровень конфликта между внутренней и внешней трудовой мотивацией, тем ниже конфликтоустойчивость, и тем

выше вероятность, что в условиях повышенной эмоциональной напряженности сотрудник будет плохо владеть собой, может провоцировать конфликты как с сослуживцами, так и с другими участниками профессионального взаимодействия. Именно для этих респондентов была характерна «отрицательная» стратегия. Полученные данные свидетельствуют о том, что для сотрудников с «позитивными» стратегиями профессиональной идентификации характерна направленность на то, чтобы люди, общество видели и понимали, что их труд приносит реальную пользу и должен высоко оцениваться как важная и общественно значимая деятельность.

Сотрудники Следственного комитета, которые имеют позитивную профессиональную идентификацию среднего уровня, реализуют ее в следующих стратегиях:

- нейтральная стратегия с элементами негативизма, рефлексия барьера вовлеченности («я понимаю, что эталоны нужны, но я сам им не соответствую и все вокруг меня им не соответствуют, но я надеюсь на позитивные преобразования в стране и в Следственном комитете, которые помогут сотрудникам в большей степени соответствовать тому, что от них ждут общество и население») – 3 %;
- нейтральная стратегия с позитивной тенденцией («я понимаю, что эталоны нужны, но я сам им не соответствую, однако со мной работают те, кто этим эталонам соответствует. Я надеюсь, что через какое-то время я сам стану более совершенным») – 6 %;
- амбивалентная стратегия, наличие барьера вовлеченности (рефлексия внутренних факторов), рассогласование между профессиональной и организационной идентичностью («я знаю, что в нашей организации работают люди, которые не соответствуют эталонам, и это мешает мне самому им соответствовать, но в других подразделениях Следственного комитета все более благополучно и у меня есть шанс в будущем в большей степени соответствовать желаемым образцам») – 11 %;
- позитивная стратегия («я частично соответствую эталону, многие мои коллеги тоже, однако мне не совсем понятно, что мы можем делать для достижения полного соответствия») – 63 %;
- опережающая позитивная стратегия («я частично соответствую эталону, многие мои коллеги тоже и мы готовы проявить активность для дальнейшего профессионального совершенствования; без этого в нашей профессии нельзя») – 17 %.

В настоящем исследовании, основной целью которого было выявить, как именно человек ощущает себя частью профессии и сотрудником конкретной организации, были выявлены так называемые «барьеры вовлеченности», которые мы рассматривали как ценностно-смысловые затруднения

в идентификации себя с профессией и организацией, как то, что мешает человеку в профессиональной самореализации и в обретении гармонии с сослуживцами и руководством.

На основе диагностических данных были выделены два вида ценностно-смысловых барьеров, которые препятствуют позитивной профессиональной и организационной идентификации сотрудников Следственного комитета:

- внешние барьеры – «барьеры», препятствующие внешнему (со стороны профессии и организации) стимулированию позитивной профессиональной идентификации, «барьеры» стимулов (отсутствие времени для профессионального совершенствования, перегруженность, отсутствие квалифицированных помощников (экспертов), некомпетентные проверяющие, отсутствие комфорта в организации рабочего места и образа (плохие кабинеты, несовременная форма), небольшая зарплата);
- внутренние барьеры, барьеры «смыслообразования» (стремление повысить престиж профессии в глазах населения, но непонимание, как это сделать; отсутствие реальных эталонов в профессиональной самореализации – расхождение между тем, что требуется, и тем, что существует в реальности).

Внешние и внутренние барьеры существенно влияют на специфику развития профессиональной и организационной идентификации в реальной трудовой деятельности. Наличие этих барьеров необходимо учитывать при описании стратегий профессиональной идентификации сотрудников.

Учет особенностей профессиональной идентификации сотрудников должен стать обязательным компонентом эффективного руководства в условиях работы Следственного комитета. Руководитель, работающий в специфических условиях Следственного комитета, находится в ситуации поиска потенциальных ресурсов сотрудников, активизировав которые, можно добиться более эффективной и продуктивной профессиональной деятельности. Профессиональная идентичность и ее динамическая составляющая, профессиональная идентификация, становятся как раз таким ресурсом.

Литература

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н.* Технологии направленного воздействия по профилактике идеологии экстремизма и терроризма // Сборник материалов 6-й международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (11–13 ноября 2010 года, МГУ, Москва). – М., 2010. – С. 181–194.
2. *Акимов А. М.* Значение квалификационной характеристики должности сотрудника при повышении квалификации и профессиональной переподготовки // Вестник ВИПК МВД России. – 2007. – № 2. – С. 47–49.

3. *Артемова Я. В.* Генезис исследований корпоративной идентичности личности в современной науке: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. В. С. Агапова. – М.: РУДН, 2010. – 40 с.
4. *Артемова Я. В.* Корпоративная идентичность личности: сущностные признаки, структура и типология: Монография / Под общ. ред. проф. В. С. Агапова. – М.: РУДН, 2010. – 59 с.
5. *Березин И. Г., Брижак З. И.* Психологические основы эффективного управления следственными органами // Юристъ-правовед. – 2010. – № 1 (38). – С. 89–92.
6. *Бородулькина Т. А.* Влияние образа профессии на становление профессиональной идентичности // Проблемы общей и педагогической психологии: Сборник научных трудов Института психологии им. Г. С. Костюка АПН Украины / Под ред. С. Д. Максименко. – К., 2007.
7. Парламентская газета / Круглый стол на тему «Современные подходы к формированию морально-психологических качеств российского полицейского». 25 апреля 2011 года. – 2011.
8. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник (под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова). – М.: КРЕДО, 2013. – 352 с.
9. *Солнышкина М. Г.* Профессиональные стратегии личности: монография. – Москва: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2006. – 119 с.
10. *Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju.* Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013. – Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
11. *Halpern D.* Moral values, social trust and inequality // British Journal of Criminology. – 2001. – Vol. 41. – pp. 236–251.
12. *Leung K.* Social axioms. The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // J. of Cross-Cultural psychology. – 2002. – Vol. 33. – pp. 286–302.

УДК 159.99

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ НА БЫТОВОЙ ПОЧВЕ

Киселев Александр Петрович

В настоящей статье затрагиваются актуальные вопросы правоприменительной практики по расследованию наиболее социально опасных видов преступлений – бытовых убийств, составляющих значительную долю от общего количества совершенных на территории Российской Федерации случаев умышленного лишения жизни другого человека.

Эффективное расследование убийств, совершенных на бытовой почве, реализация уполномоченными государственными органами комплекса мер, направленных на предупреждение совершения новых преступлений указанного вида, невозможны без знаний правоприменителем психологических особенностей такой личности. Проведенное научное исследование позволило выделить и обобщить данные особенности, раскрыть их содержание.

В статье дается понятие психологическим особенностям личности, совершившей бытовое убийство, приводятся мнения ученых, занимавшихся разработкой, изучением и исследованием данных направлений, указывается о психических аномалиях, их значении и влиянии на противоправное поведение личности, совершившей бытовое убийство. Сделана попытка указать причины, которые приводят или могут привести к совершению актов агрессии в семье, а также обозначить иные внешние обстоятельства, субъективные факторы, влияющие на выбор насильственного способа разрешения конфликта. Приведены особенности поведения бытового убийцы после совершения общественно опасного деяния.

В статье использованы не только эмпирические данные, но и данные, полученные из следственной и судебной практики, что позволило соединить практический опыт с психологическими, криминологическими исследованиями личности, применительно к бытовым убийствам. В связи с этим, статья представит как научный, так и практический интерес для специалистов, так или иначе задействованных в расследовании бытовых убийств, в их профилактике и предупреждении.

Ключевые слова: бытовые убийства, психологические особенности, психические аномалии, личность, психотравмирующая ситуация, конфликтная ситуация, агрессия, мотивация, потребности, психологическая характеристика.

Под психологическими особенностями личности понимается относительно стабильная совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия. Другими словами, – это внутренний компонент личности, который представляет собой относительно устойчивую и неповторимую структуру, обеспечивающую индивиду активную деятельность в обществе [4, с. 28].

Каждая личность уникальна. В отдельном общественно опасном деянии нельзя абсолютизировать какие-то ее преступные особенности. Однако у каждого преступника можно обнаружить то общее, что характерно для всех преступников определенной категории. Как справедливо отмечено К. Е. Игогиевым, «какая бы конкретная личность ни изучалась, какой бы вид преступной деятельности ни рассматривался, во всех случаях, как во всяком отдельном, единичном, в них обнаруживаются черты и свойства общего порядка, входящие в характеристику преступника как социального типа» [14, с. 41].

«Криминалистическая классификация не может быть осуществлена в отрыве от общепсихологической классификации личности, поскольку не существует каких-либо особых “преступных черт” в психике человека» [5, с. 10]. Тем не менее, автор постарается выделить психологические особенности, присущие только рассматриваемому типу убийц.

Личность лица, совершившего наиболее опасное преступление против жизни и здоровья, весьма неординарна и теснейшим образом связана с его психологическими установками, отличающими его от людей, совершивших другие преступления, ведь в данном случае бытовой убийца посягает на самое незыблемое и дорогое в мироздании – жизнь человека.

«В условиях конфликтной либо длительной психотравмирующей ситуации у лица, совершившего бытовое убийство, всегда имеется выбор в средствах его разрешения. Последние (средства разрешения конфликта) могут иметь ненасильственный либо, напротив, насильственный характер. В первом случае конфликтная ситуация урегулируется путем ее избегания, разговора, перемирия. Во втором случае потерпевшему могут быть нанесены телесные повреждения различной степени тяжести (совместимые с жизнью). Таким образом, у человека всегда есть выбор в наборе сил и средств для выхода из сложившейся ситуации. Нет выбора – нет и преступления» [4, с. 147].

Безусловно, такие личности, в отличие от тех, которые прибегли к иным способам улаживания проблемы, имеют ряд своих психологических особенностей. Чтобы выявить эти особенности, провести между ними взаимосвязь, необходимо вникнуть в суть каждого конфликта, приведшего к лишению

жизни, изучить его природу, понять, чем руководствовалась та или иная его сторона. Так что же толкает человека на выбор наиболее общественно опасного способа решения бытового конфликта? Данный вопрос представлял определенный интерес для изучения, но в силу тех или иных причин не является должным образом проработанным. Определенные шаги в данном направлении предпринимались Ю. М. Антоняном, И. В. Горшковым и Р. М. Зулкарнеевым. По мнению этих исследователей, «что касается причин убийств родственников и супругов, то их очевидность всегда лишь кажущаяся, они лежат в глубинных сферах человеческой психики и чаще всего, если иметь в виду мотивы, не охватываются сознанием. В то же время эти причины во всех случаях связаны с психотравмирующими переживаниями, с представлением индивида о самом себе, с его самоприятием, с его заботами и тревогами о своем биологическом и межличностном статусе. Понять причины подобных преступлений сложно, поскольку даже сами действующие субъекты, как правило, не в состоянии пояснить, что на самом деле толкало их на постоянные ссоры и даже драки со своими близкими, почему сложились такие отношения и почему они решились на роковой шаг. Они не могут понять происшедшие события и после того, как убийство уже совершено. Эмоциональный шок после преступления настолько велик, что внимание переключается на самого себя и защиту своих интересов в ходе ведущегося следствия или судебного разбирательства – все это, естественно, мешает здравому осмыслению и трезвой оценке случившегося» [3, с. 5].

Не акцентируя внимание на процессе доказывания, занятой позиции обвиняемого на предварительном следствии, касаясь его отношения к вине, такие лица не считают свое поведение основной причиной произошедшего, а уповают на межличностные (внутрисемейные) конфликты, виновником которых на протяжении длительного времени являлся потерпевший. Несмотря на данное обстоятельство, в ходе предварительного следствия обвиняемый, занявший такую позицию, может полностью признать свою вину в содеянном, искренне переживая за наступившие последствия.

«Систематические переживания будущими убийцами различных психотравмирующих ситуаций генерировали у них чувство обиды, злобы, раздражения; происходила аккумуляция эмоционального напряжения, которая в момент совершения преступления выполняла роль закручивающейся пружины и становилась движущей силой» [3, с. 6].

Как показывает практика, убийства, совершаемые в ходе ссоры либо иной напряженной конфликтной ситуации, составляют значительную долю убийств, совершенных на бытовой почве. Таким образом, в ходе бытового конфликта затрагиваются либо умаляются личные чувства обвиняемого, который для их восстановления, преследуя акт возмездия, выбирает насильственный

способ. Этим наглядно демонстрируются такие качества бытового убийцы, как: ранимость, склонность к актам агрессии, преобладание возбудимости над тормозными процессами психики, слабый самоконтроль. В борьбе между сознанием и эмоциями победу непременно одерживают вторые, хотя первое при этом сохраняет способность осознавать всю суть происходящего.

В этой связи совершенно справедливо мнение А. И. Башкирского о том, что «на уровне личности преступления выступают как результат деформации некоторых звеньев индивидуально-психологического процесса мотивации и принятия решений. Это приводит к тому, что некоторые жизненные планы личности или ее реакция на конкретную жизненную ситуацию становятся неадекватными, не соответствуют линии поведения, принятой в обществе. Преступники характеризуются более высоким уровнем импульсивности, склонностью действовать по первому побуждению. Они более агрессивны. У них повышенная чувствительность в межличностных отношениях, ранимость, постоянное ощущение угрозы со стороны окружения. Это характерно для убийц. Преступники хуже чувствуют требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Деадаптация таких людей проявляется в том, что они не понимают, чего от них требует общество» [5, с. 7].

Иной особенностью личности, совершившей бытовое убийство, является наличие у подавляемого их большинства психических аномалий.

«В юридической литературе отсутствует четкая позиция по вопросу о понятии психической аномалии. Данное обстоятельство является основанием для споров и противоречивых выводов, в частности о том, что юридическое закрепление понятия психической аномалии неприемлемо. А между тем говорить о человеческой норме без учета ее оттенков представляется неверным, ибо оттенки нормы могут существенно влиять на уголовную ответственность лица, совершившего преступление и признанного виновным, на меры и средства профилактики, назначение наказания, на законодательный процесс» [13, с. 94].

Говоря в данной работе о психических аномалиях, имеются в виду лица с психическим расстройством, не исключающим виновности, которые подлежат уголовной ответственности (ст. 22 УК РФ).

Одни исследователи психическими аномалиями считают «временное расстройство душевной деятельности, слабоумие или иное болезненное состояние, хроническую душевную болезнь в фазе стойкой ремиссии, не исключающие способности обвиняемого отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, т. е. отличающиеся от психических расстройств, исключающих виновность. К таковым расстройствам они относят дебильность, психопатию, хронический алкоголизм, эпилепсию, различные реактивные состояния, психофизический инфантилизм и др.» [6, с. 204].

Другие под психическими аномалиями понимают «реактивные, невротические, психопатические, суперсуггестивные состояния, умственную отсталость, акцентуации характера – повышенную тревожность, ригидность, агрессивность, конфликтность – имеющие опосредованную криминогенную значимость, модифицируя общую поведенческую схему личности» [11, с. 292–293].

Ц. А. Голумб под психическими аномалиями, не исключаящими вменяемость, понимает «некоторые психические заболевания и патологические состояния психики либо другие расстройства нервно-психической деятельности, которые не достигли степени душевной болезни, лишаящей данное лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и в силу эмоционально-волевой или интеллектуальной патологии руководить ими в период совершения преступления» [8, с. 5].

Другой точки зрения придерживается Н. Г. Иванов. Он считает, что «под психическими аномалиями в широком смысле следует понимать все психические процессы, которые характеризуются дисбалансом сил возбуждения и сил торможения» [13, с. 20].

Ю. М. Антоян и М. В. Власова, позиции которых придерживается и автор настоящей статьи, психическими аномалиями считают «все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня и не исключающие вменяемости, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению» [2, с. 18].

«Психические аномалии способствуют формированию криминогенных взглядов, стремлений, ориентаций, потребностей и привычек. Они способствуют возникновению таких черт, как раздражительность, агрессивность, жестокость, снижению волевых процессов, ослаблению контрольных механизмов. Проведенные исследования показали, что только в отношении 15,7 % от числа изученных осужденных нет сведений в уголовном деле о наличии у них психических аномалий. Обнаружены психические аномалии у 84,3 % исследованных – это достаточно много. Такая распространенность, а точнее, столь существенная пораженность различными психическими аномалиями изученного контингента преступников и существенная разница по сравнению с группой всех лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, позволяет сделать вывод о том, что наличие психических аномалий является устойчивым и характерным признаком для лиц, совершивших “семейные” убийства» [12, с. 14].

Наличие психических аномалий наиболее часто встречается именно у насильственных типов субъектов преступлений, к которым и относятся бытовые убийцы, поскольку, к примеру, при совершении отдельных корыстных преступлений требуется определенный уровень навыков, умений,

предварительной подготовки, а в необходимых случаях – проработка детального плана совершения преступления, реализация которого лицом с психическими аномалиями затруднительна.

По мнению В. Н. Бурлакова, «психические аномалии наиболее часто встречаются среди лиц, совершающих тяжкие преступления против личности, несовершеннолетних преступников и рецидивистов. Психические аномалии воздействуют на поведение, в том числе преступное, не сами по себе, а через формирующее влияние на психологические особенности личности. Поэтому именно эти особенности, а не психические аномалии, следует признать криминогенными. Признание такого опосредованного влияния означает, что в первую очередь надлежащее воспитание и необходимые коррекционные социально-психологические мероприятия, а не медико-психиатрическое действие, способны оказать профилактическое воздействие» [7, с. 26–27]. В свою очередь, автор настоящей статьи склонен к тому, что в качестве профилактической составляющей на личность необходимо воздействовать и медико-психологическим методом, что, несомненно, принесет большой «оздоравливающий» эффект, а также привлекая для этого врачей-психиатров, в случае деформирования психической аномалии в устойчивое психическое расстройство.

«В юридической литературе в течение ряда лет недооценивались значение психических аномалий в механизме преступного поведения, а также необходимость учитывать этот механизм в индивидуализации ответственности и наказания. Судебные психиатры на протяжении многих лет, ведя вполне оправданную в методологическом плане борьбу с неоломброзианскими взглядами, нередко полностью игнорировали психические аномалии (в том числе и умственную неполноценность) как возможный источник опасных для общества действий. Ни на теоретическом, ни тем более на эмпирическом уровне не проводились исследования о возможном влиянии иных особенностей психики на формирование преступного поведения. Психофизиологические особенности субъекта, заключающиеся в дисбалансе динамических процессов, вообще не были предметом рассмотрения со стороны криминалистов. Был упущен большой пласт поведенческих детерминант, оказывающих влияние и на преступное поведение. Поэтому в судебно-медицинских и других документах, играющих важную роль в правоприменении, не фиксируются иные особенности психики, способные оказывать влияние на поведение субъекта» [13, с. 137].

Несомненно, при расследовании уголовного дела активную роль в этом играет следователь, путем назначения психолого-психиатрических экспертиз, поскольку именно на нем лежит обязанность по изучению личности обвиняемого на данной стадии уголовного судопроизводства.

Проведенные Ю. М. Антоняном и М. В. Власовой исследования показали, что «в результате семейно-бытовых конфликтов – “семейные” убийства, по которым лица, его совершившие, имели психические аномалии, составляли около 38 % от общего количества убийств. Как правило, лица, осужденные за такие преступления, страдали алкоголизмом и их преступные действия всегда связаны со злоупотреблением алкогольными напитками» [2, с. 20]. Как видно, данное исследование охватывает только часть бытовых убийств, а именно совершенных в семейно-бытовой сфере.

В целях сбора данных о психологических особенностях личности бытового убийцы, автором были изучены более 50 уголовных дел, рассмотренных судом за период с 2006 по 2014 гг. Следует отметить, что во внимание не принимались уголовные дела, в ходе расследования которых было установлено, что лицом было совершено общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

Проведенное исследование показало, что зеркальным отражением психологических особенностей личности бытового убийцы является тип наиболее опасных преступников, которых принято называть «серийными убийцами». В отличие от последних, бытовые убийства совершаются спонтанно, сиюминутно, при отсутствии какого-либо плана действий; к тому же, нередко такие действия провоцируются самими потерпевшими. Как правило, после совершения подобного преступления лицо, его совершившее, не пытается скрыть следы совершенного преступления, либо делает это неловко, второпях. Наличие «спонтанного» умысла приводит к тому, что бытовой убийца хватается за любые подручные предметы, которыми и причиняет потерпевшему смертельные ранения, не думая даже о том, что его действия очевидны другим находящимся поблизости лицам (собутельникам, членам семьи, соседям, случайным прохожим и т. п.).

Таким образом, исходя из полученных в ходе исследования данных, можно привести следующие психологические особенности личности бытового убийцы, знание которых значительно упростит раскрытие и расследование данного вида преступлений:

- мужчина либо женщина в возрасте 25–50 лет. Как правило, в официальном браке не состоит, имеет детей, которые проживают отдельно (в результате лишения родительских прав);
- интеллект средний или ниже среднего, на состояние которого не в последнюю очередь оказало длительное злоупотребление спиртным; круг интересов сводится к тому, как достать деньги на спиртное, даже самого низкого качества. Отсутствует мотивировка к повышению образовательного уровня, все процессы познания окружающей действительности происходят на бытовом уровне, в привычной микросреде, участниками

- которой являются лица, близкие по образу жизни, мышлению, потребностям. Словарный запас, в силу вышеуказанного, ограничен, может быть насыщен нецензурными выражениями и жаргонизмами (в зависимости от наличия криминального опыта);
- занятость на низкоквалифицированной работе, в которой преобладает тяжелый физический труд либо вовсе длительное время отсутствует место работы; средства на существование в таких случаях достигаются случайными заработками. Как правило, происходит частая смена рабочих мест в результате систематических прогулов или появления на работе в состоянии алкогольного опьянения. Полученные в результате таких работ незначительные денежные средства расходуются на покупку спиртного либо незначительного количества продуктов питания;
 - преобладает социальная дезадаптация, которая усугубляется вышеуказанными обстоятельствами, происходит общее деградирование личности, основные интересы сводятся к пьяным посиделкам, утрачивается (или изначально отсутствует) интерес к самообразованию, культурному обогащению, к заботе о своем здоровье, внешности, своих детях и близких: внешний вид неопрятен, одежда устарела, пренебрегаются правила личной гигиены. Данному лицу в результате длительного морально-нравственного разложения неважно, как он выглядит, что о нем думают окружающие его люди;
 - совершение преступного действия без предварительной подготовки (наиболее характерно для лиц с психическими аномалиями), под влиянием внезапно нахлынувших эмоций, сиюминутных желаний, которые не в силах подавить аномальная психика убийцы. При этом в полной мере сохраняется контроль над своими действиями, лицо осознает их общественную опасность;
 - преступление совершается с использованием первых попавшихся под руку предметов бытового окружения, обладающих колюще-режущими свойствами либо с твердой преобладающей поверхностью (нож, топор, хозяйственный инструмент, предмет мебели); реже для этого используется огнестрельное оружие. Количество нанесенных ударов может быть любым, но чаще всего они малочисленны и локализованы в местах расположения жизненно важных органов человека (головы, сердца, иных внутренних органов);
 - редко принимаются меры к сокрытию следов совершенного преступления, трупа, орудия, своей одежды, видоизменению окружающей обстановки. В случае если такие действия все же совершаются, то только на «скорую руку», впопыхах, своей продуманностью не отличаются. К примеру, орудие совершенного преступления (нож, подручный предмет) остается

либо на месте преступления, либо выбрасывается неподалеку (в окно, в мусорный бак); одежда, в которой совершалось преступление, остается на убийце, в ней он спокойно может продолжить дальнейшее застолье или лечь спать, не придавая особого значения тому, что на ней могут сохраниться следы совершенного преступления;

- внутреннее состояние после совершения преступления – опустошенное (в связи с устранением источника конфликта, агрессии), нередко происходит раскаяние в содеянном, возникает желание (как правило, на первоначальном этапе расследования) активного сотрудничества с правоохранительными органами (однако редко сами являются в правоохранительные органы), обосновать свои действия, переложить часть вины (по наступившим последствиям) на потерпевшего.

Приведенные психологические особенности личности бытового убийцы являются условными и содержат только общие, наиболее типичные признаки, которым отвечает рассматриваемая категория лиц, совершивших преступления.

В психологическую характеристику личности любого преступника, и бытового убийцы в частности, также входят его эмоциональные, волевые и интеллектуальные качества, каждая из которых в рассматриваемом контексте могут обладать своими особенностями.

К интеллектуальным свойствам относятся: жизненный опыт личности, уровень его знаний, навыков, способности к обучению и самообразованию. Как показывает практика, чаще всего лица, совершающие бытовые убийства, не имеют тяги к образовательному процессу, расширению своего кругозора, общему повышению интеллектуального уровня. Путь получения образования заканчивается, как правило, окончанием школы, в отдельных случаях – получением средне-специального образования. Данные ограничения обусловлены как наличием психических аномалий, отклонений, так и недостатками воспитательного процесса такой личности, педагогической запущенностью, родительским попустительством. Так, лицам с олигофренией в легкой ее степени (дебильности) с трудом дается воспитательный процесс, имеются сложности и в процессе запоминания. Тем не менее, это не лишает их способности выполнять трудовую функцию, не связанную с интеллектуальной деятельностью [18]. Такие лица, как правило, заняты тяжелым физическим низкооплачиваемым трудом, который не способен удовлетворить всех их потребностей. Низкий культурно-образовательный уровень, отсутствие стабильного заработка являются причинами совершения многих корыстных и корыстно-насильственных преступлений, не отличающихся особой изощренностью. Об этом свидетельствует и анализ практики расследованных уголовных дел о бытовых убийствах за 2007–2014 гг.,

который показал, что значительное количество осужденных за подобные преступления ранее совершали корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Приведенные данные свидетельствуют об основополагающей роли семьи в становлении законопослушного гражданина, социально полезного члена общества. Низкие образовательный и интеллектуальный уровни прямо пропорциональны адаптационным возможностям субъекта, не оставляют ему широкого выбора сил и средств по разрешению сложившейся конфликтной ситуации, в связи с чем субъект прибегает к насильственному способу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Эмоциональные свойства характеризуются внешним проявлением черт характера, степенью и скоростью эмоциональной возбудимости, особенностями протекания реакций на внешние раздражители. Условия становления и воспитания индивида формируют его нравственный и эмоциональный облик, накладывая на них свой неоспоримый отпечаток. Если чрезмерно сложная жизненная ситуация превышает приспособительные возможности индивида, происходит избыточное перевозбуждение его эмоциональной сферы. Избыточная энергетизация организма блокирует высшие регуляционные механизмы, приводит к соматическим нарушениям и нервным срывам. Поведение индивида при этом смещается на более низкие уровни регуляции» [11, с. 131]. У лиц, совершивших бытовые убийства, чаще, чем у здоровых людей, находят свое внешнее выражение отрицательные эмоции в виде гнева. Последний представляет собой очень сильную эмоциональную реакцию, которая возникает в ряде ситуаций, например, в случае физического насилия, причинения ущерба, лишения имущества, нападения или угроз и т. д. Гнев часто определяется (или, лучше сказать, идентифицируется) совокупностью физических реакций, включая определенную мимику, жесты, позы, характерные реакции вегетативной нервной системы [16]. При отсутствии каких-либо психических отклонений у здорового человека вспышки гнева протекают скрытно, по крайней мере, без явно выраженных двигательных реакций и проявлений актов агрессии [17]. Выход отрицательных эмоций происходит за счет вербального контакта либо двигательной реакции, направленной вовне или в иное безопасное русло. В случае психических аномалий вспышки гнева могут происходить неконтролируемо; при незначительном поводе, который носит деструктивный характер, реализуются в акты агрессии, приводящие к совершению бытовых убийств. Другие исходные эмоции, помимо гнева (радость, страх, удивление) у бытового убийцы (и иных субъектов преступлений, относящихся к насильственному типу) встречаются гораздо реже, но могут иметь смешанный характер. Таким образом, гнев можно

определить как базовую эмоцию в структуре психологических свойств личности бытового убийцы.

Воля (англ. volition, will) представляет собой способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия (т. е. свои непосредственные желания и стремления). Развитие воли начинается в раннем детстве и проходит длинный путь (возникновение действий, направленных на осуществление желания, избирательных действий; готовность поступить вопреки непосредственному эмоциональному побуждению; понимание «правил» поведения и т. д.) [15].

Волевые свойства включают в себя особенности принятия и реализации решений, их самостоятельности либо, наоборот, зависимости от воли других лиц. Волевая личность характеризуется стойкостью характера, настойчивостью в принятых решениях. Крайние ее проявления – жесткость или даже жестокость, и наоборот – покладистость и мягкость. Все волевые действия являются сознательными, в противном случае следует говорить о совершенном общественно опасном деянии в состоянии невменяемости.

Простые волевые действия состоят из трех структурных элементов: 1) мотив, совмещенный с целью; 2) исполнение действия; 3) оценка результата. Простые действия обычно не связаны со значительными волевыми усилиями и реализуются в форме навыков и привычек [10].

Основной личностной детерминантой любого поведения, в том числе и преступного, является мотив. Он оказывает значительное влияние на весь механизм преступного поведения и поэтому занимает в нем особое место.

Исполнение действия, как составляющая волевого акта, занимает центральное место в его структуре, поскольку оно по своей сути представляет собой объективную сторону наиболее общественно опасного состава преступления. При его осуществлении происходит полное осознание его преступности и наказуемости, однако волевым усилием внезапно возникший умысел воплощается в реальность.

Оценка результата может произойти уже гораздо позже момента совершения преступления и завершиться спустя длительное время, в том числе в ходе предварительного следствия.

«Семейное неблагополучие, как следует из рассказов опрошенных, заключалось в систематическом злоупотреблении спиртными напитками, ссорах и скандалах в семье, привычном разрешении конфликтов с помощью грубости и насилия, пренебрежительном отношении родителей к своим родительским обязанностям, совершении ими правонарушений. Разумеется, такая обстановка может разрушающе действовать на психику, приводить к деморализации детей и подростков, формировать особенности характера, которые потом могут повлечь за собой антиобщественное

поведение. Это, в свою очередь, создает благоприятные предпосылки для возникновения или развития психических аномалий. Сама преступная деятельность, постоянное ведение антиобщественного образа жизни и связанное с ними длительное пребывание в местах лишения свободы способствуют возникновению и развитию патологических изменений в психике. Этот вывод основывается на том, что в возникновении и развитии таких аномалий, как психопатия, алкоголизм, черепно-мозговые травмы и реактивные состояния, очень велика роль антиобщественного образа жизни индивида, неблагоприятных условий его формирования и развития, особенно в детском и подростковом возрасте, прежде всего в семье, внешних социальных, в том числе психотравмирующих факторов в микроокружении» [1, с. 34–36].

Крайний эгоцентризм пронизывает все обыденное поведение таких людей. Все чаще и чаще возникает желание в удовлетворении своих сиюминутно возникших потребностей, не принимая во внимание мнение других. Проявление агрессии и, как следствие ее – насилия, является основной движущей силой для реализации своих стремлений, обходя и игнорируя общепринятые нормы морали и нравственности, в случае необходимости применяя для этого средства психологической защиты в виде перекалывания части или всей ответственности за наступившие последствия на самого потерпевшего, его провоцирующее поведение либо иные, не зависящие от действий обвиняемого обстоятельства. Как уже отмечалось, данные качества личности бытового убийцы формируются в условиях негативной семейной и социальной среды, при недостатке должного внимания и контроля над поведением ребенка, в чем присутствию нередко происходят сцены семейного насилия, которые впоследствии будут являться обыденной моделью его преступного поведения, извращая истинное понимание социально одобряемых поступков. Личность в подобных случаях формируется при отсутствии нравственных примеров, поведение не корректируется в положительную сторону.

Таким образом, формирование личности будущего преступника, для которого жизнь человека не обладает какой-либо ценностью, и посягательство на нее является обыденным средством разрешения конфликта, осуществляется в детском возрасте, одновременно с формированием характера.

«Констатация какой-либо психической аномалии (например, психопатии и органического поражения центральной нервной системы) отнюдь не объясняет, почему данный человек совершил преступление. Мотивация преступного поведения не представлена в диагнозе, который лишь определяет наличие того или иного расстройства, его степень, тяжесть и т. д. Поэтому понять субъективные причины преступления, представленные в мотиве,

можно лишь путем психологического исследования личности, ее мотивационных тенденций» [2, с. 36–37].

«Аномалии в психике способствуют возникновению и развитию таких отрицательных черт, как агрессивность, жестокость, раздражительность, приводят к снижению волевых процессов, повышению внушаемости, ослаблению сдерживающих контрольных механизмов. Эти негативные явления препятствуют нормальной социализации и воспитанию личности, ее трудовой деятельности, овладению новыми социальными ролями, установлению позитивных связей, формируют определенный уровень потребностей, интересов, ценностных ориентаций и соответствующий им образ жизни. При таких аномалиях легче воспринимаются и усваиваются антиобщественные воздействия; они мешают адекватному “толкованию” ситуации, предшествующей или сопутствующей преступлению, и в то же время облегчают вовлечение в преступную деятельность и реализацию преступных намерений» [2, с. 37].

На процесс формирования личности бытового убийцы влияет семья, которая, в данном случае, не оказала на него положительного влияния, не дала нужного воспитания. Как справедливо отмечено одним из исследователей данного вопроса, в качестве основополагающего фактора дефектности семейной социализации выступает деформация семейных связей и отношений, выражающаяся в структурной неполноценности семьи или в нарушении межличностных отношений ее членов. Структурная неполноценность характерна для большинства неблагополучных семей, являясь следствием нарушения межличностных связей и отношений между родителями [9].

Выход из конфликта предполагает наличие социально адаптированного сознания, нежелания прибегать к насилию, выбора (и осознания этого) иных сил и средств, пригодных для использования в конкретной жизненной ситуации. Лицо, выбравшее способ лишения чужой жизни единственно для себя приемлемым, ввиду ограниченности и узости своего сознания, не желает и не хочет выбирать другой способ, поскольку этот является для него наиболее действенным, сформированным в виде оптимальной модели поведения. Особую роль на пути нравственного воспитания играет образовательный процесс, поскольку именно он должен способствовать повышению культурного, интеллектуального, нравственного развития личности.

Слабые и несформировавшиеся адаптационные механизмы психики индивида, вызванные как недостатками воспитательного и образовательного процессов, так и иными сопутствующими факторами (социальными, экономическими), с высокой долей вероятности найдут свое проявление не только в виде принятия решения о насильственном способе разрешения конфликта, но и после освобождения из мест лишения свободы, что может сыграть свою печальную роль на пути исправления личности.

Литература

1. *Антонян Ю. М., Бородин С. В.* Преступность и психические аномалии. – М.: Наука, 1987.
2. *Антонян Ю. М., Власова М. В.* Предупреждение убийств, совершаемых лицами с психическими аномалиями: Монография. – М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 2005.
3. *Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М.* Проблемы внутрисемейной агрессии. – М.: Изд-во НИИ МВД РФ, 1999.
4. *Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.* Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юрист, 1996.
5. *Башкирский А. И.* Психология личности преступника. Типология преступных личностей и мотивация преступного поведения. – Челябинск: Изд-во Челябинского юридического института МВД РФ, 1988.
6. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. – М.: Мегатрон XXI, 2000.
7. *Бурлаков В. Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. – СПб., 1998.
8. *Голумб Ц. А.* Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1982.
9. *Гомонов Н. Д.* Семейные дефекты социализации личности и преступное поведение // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – № 1 (2).
10. *Еникеев М. И.* Юридическая психология. Краткий учебный курс. – М.: Норма, 2003.
11. *Еникеев М. И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005.
12. *Зулкарнеев Р. М.* Предупреждение убийств членов семьи: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
13. *Иванов Н. Г.* Аномальный субъект преступления. – М., 1998.
14. *Игогиев К. Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.
15. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. – СПб.: Олма-пресс, 2004.
16. *Ребер А.* Оксфордский толковый словарь по психологии. – М., 2002.
17. *Blair R. J. R.* Neurobiological basis of psychopathy // *British Journal of Psychiatry*. – 2003. – P. 8.
18. *Blair R. J. R.* Neurocognitive models of aggression, the antisocial personality disorders, and psychopathy // *Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry*. – 2001. – P. 29.

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MYTHOLOGICAL
FEARS AT THE JUVENILE PERIOD AMONG
REPRESENTATIVES OF ISLAM**

*Abakumova Irina Vladimirovna
Grimsoltanova Razet El'brusovna
Miroshnichenko Aleksandr Vladimirovich*

The article focuses on the relevance of religion and myth, their fundamental functions and functions in existential problems of the person. The authors describe the role and place of religion and the myth in existential problems of youth of the post-conflict region of the South of Russia. The influence of the excessive mythologization of religious contents on the sense-value sphere of young men and girls of student age is studied, since the excessive mythologization can generate existential fears and function as a destructive transformation and deformation of personality.

This article also brings forward results of the empirical study of psychological features of mythological fears in the Chechen Republic among representatives of youth with various sense-value attitudes. The authors describe distinctions of character accentuations, temperament, locus of control and the level of anxiety among examinees of the juvenile age with a high level of experience of mythological fears and examinees of the juvenile age whose level of experience of mythological fears is not high.

The authors have used the author's questionnaire consisting of 24 questions and 5 scales for revealing the level of experience of mythological fears (fear of possession by a jinni), gender classification and distribution of subgroups according to the degree of expressiveness of mythological fears. For revealing individual differences of all the examinees and distinctions in the individual sphere of those with high and average levels of experience of mythological fears irrespective of sex assignment the authors have used: H. Eysenck's technique for revealing temperament; the locus of control test developed by Rotter; G. Shmishek's questionnaire for assessing character accentuations; J. Taylor's analysis of the level of anxiety (T. A. Nemchinova's adaptation).

All the obtained results are described in the article and given in tables.

Keywords: *religion, religiousness, myth, mythologization, mythological fears, youth period, individual peculiarities, gender classification, representatives of Islam, post-conflict region.*

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N. Tekhnologii napravlenogo vozdeistviia po profilaktike ideologii ekstremizma i terrorizma [Technologies of the directed influence on prevention of the ideology of extremism and terrorism]. *Sbornik materialov 6-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeistviia terrorizmu* [Proc. the 6th International Scientific Conference on problems of safety and counteraction to terrorism]. Moscow, MSU Publ., 11–13 November, 2010, pp. 181–194.
2. Grimsoltanova R. E., Grimsoltanova T. E. Otnoshenie studencheskoi molodezhi v Chechenskoj Respublike k fenomenu oderzhimosti [The student's youth relation to the possession phenomenon in the Chechen Republic]. *Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy podgotovki spetsialistov v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviakh"* [Proc. the All-Russian Scientific-Practical Conference "Problems of training of experts in modern sociocultural conditions"]. Stavropol, 2014, pp. 67–76.
3. Grimsoltanova R. E. Lichnostnaia trevozhnost' i religioznost' molodezhi – instrument manipuliatsii soznaniem i povedeniem [Personal anxiety and religiousness of youth is an instrument of manipulation of consciousness and behavior]. *Nauchnyi vzgliad na sovremennyi etap razvitiia obshchestvennykh, tekhnicheskikh, gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Aktual'nye problemy: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. All-Russian Scientific-Practical Conference "Scientific view of the present stage of development of social, technical, humanitarian and natural sciences. Actual problems"]. St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2–3 September, 2014, pp. 31–34.
4. Grimsoltanova R. E. Mesto religii v spetsifike lichnostnogo razvitiia. Psikhologiya religii [The place of religion in the specificity of personal development. Religion psychology]. *Lomonosov-2014: tezisy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Proc. the XXI International Scientific Conference of Students, Post-Graduate Students and Young Scientists "Lomonosov-2014"]. Moscow, MAKSPress Publ., 7–11 April, 2014.
5. Grimsoltanova R. E. Metodologiya vospriiatiia vtorichnogo obraza [Methodology of perception of a secondary image]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, V. 10, no. 2, pp. 43–46.
6. Grimsoltanova R. E. Nevroz i stressoustoichivost' lichnosti v postkonfliktnom regione [Nevroz and resistance to stress of the personality in the post-conflict region]. *Molodezhnaia initsiativa–2011. Materialy II Rostovskogo molodezhnogo nauchno-prakticheskogo foruma* [Proc. II Rostov Youth

- Scientific-Practical Forum "Youth initiative-2011"]. Rostov-on-Don: SFedU Publ., 2011, pp. 174–177.
7. Grimsoltanova R. E. Oderzhimost' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniia [Possession as a subject of psychological research]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 3, pp. 55–62.
 8. Grimsoltanova R. E. Psikhologiya vozdeistviia religioznykh uchenii i totalitarnykh kul'tov na lichnostnye osobennosti v kontekste razlichnykh psikhologicheskikh podkhodov [The psychology of influence of religious doctrines and totalitarian cults on personal features in the context of various psychological approaches]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2013, V. 11, no. 4, pp. 19–23.
 9. Grimsoltanova R. E. Religioznaia oderzhimost' kak predmet psikhologicheskogo analiza: postanovka problemy [Religious possession as a subject of psychological analysis: problem statement]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2012, V. 9, no. 4, pp. 62–69.
 10. Grimsoltanova R. E. Religioznost' chechenskoi molodezhi i ee kriterii [Religiousness of Chechen youth and its criteria]. *Psikhologiya i pedagogika: teoreticheskie i prakticheskie aspekty sovremennykh nauk. Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlia studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Proc. XXII International Scientific-Practical Conference of Students, Post-Graduate Students and Young Scientists "Psychology and pedagogics: theoretical-practical aspects of modern sciences"]. Moscow, Moscow Scientific Center of Psychology and Pedagogics Publ., 31 May, 2014, pp. 59–62.
 11. Grimsoltanova R. E. Sotsial'nye, psikhologicheskie i psikhiatricheskie transformatsii religioznykh ustanovok v regionakh s povyshennoi sotsial'no-psikhologicheskoi napriazhennost'iu [Social, psychological and psychiatric transformations of religious attitudes in regions with the increase in social-psychological tension]. *Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Religiia, religioznost', filosofii i gumanitaristika v sovremennom informatsionnom prostranstve: natsional'nyi i internatsional'nyi aspekty"* [Proc. VII International Scientific-Practical Conference "Religion, religiousness, philosophy and humanitaristics in modern information space: national and international aspects"]. Ukraine, 26–27 December, 2013, pp. 5–12.
 12. Grimsoltanova R. E. Strakh pered oderzhimost'iu dzhinnami, kak kriterii religioznosti v Chechenskoi respublike [Fear of possession by jinns as a criterion of religiousness in the Chechen republic]. *European Social Science Journal*, 2014, V. 3, no. 7, pp. 364–368.
 13. *Psikhologiya formirovaniia antiterroristicheskikh tsennostei studentov sovremennogo universiteta: uchebnik (pod red. I. V. Abakumovoi, P. N. Ermakova)*

- [The psychology of formation of anti-terrorist values among students of the modern university: textbook (under the editorship of I. V. Abakumova, P. N. Ermakov)]. Moscow, KREDO Publ., 2013. 352 p.
14. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013, Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
 15. Grimsoltanova R. E., Grimsoltanova T. E. Value of myth and religious belief of young people in the conditions of post-conflict region // European Science and Technology: materials of the VIII international research and practice conference, Munich, October 16th–17th, 2014, pp. 291–296.
 16. Grimsoltanova R. E. Psychology of religion and role of the phenomenon of possession in the student's environment of the Chechen Republic / World & Science (May 1th, 2014). Brno, Czech Republic, 2014, pp. 152–157.
 17. Grimsoltanova R. E. Rilevanza esperienze mistiche nelle regioni post-conflitto // URL: <http://www.ias-journal.org/archive/2014/january/Grimsoltanova.pdf>
 18. Haber J., Jacob R., Spangler J. D. C. Dimensions of religion and their relationship to health // The International Journal for the Psychology of Religion, 2007, Vol. 17 (4), pp. 265–288.
 19. Powell L. H., Shahabi L., Thoresen C. Religion and spirituality linkages to physical health // American Psychologist, 2003, Vol. 58, pp. 36–52.
 20. Wuthnow R. How religious groups promote forgiving: a national study // J. Sci. Stud. Relig, 2000, Vol. 39, pp. 125–139.

FAMILY VALUES AS A FACTOR OF ETHNO- CONFESSIONAL SAFETY

***Zvezdina Galina Pavlovna
Ismailov Kazbek Vaitovich***

The article substantiates the relevance of studying the problem of ethno-confessional safety of a polycultural region in modern Russian society. The authors differentiate the concepts concerning the problem of ethno-confessional safety. They consider features of the presentation of concepts: confessional safety, religious safety, ethnocultural and ethnic safety, ethno-confessional safety. Threats of ethno-confessional safety in a situation of uncertainty and instability of modern society are designated. The role of the family as a social institute transmitting values of culture and traditions of its ethnos is demonstrated. Results of the empirical study

of family values of married couples of various ethnic origins living in conditions of the polycultural region (the Chechen Republic) are presented. Features of values of a modern family, depending on ethnic origin (Russians, Chechens, mixed families), in the context of ethno-confessional safety are distinguished and described.

The authors have revealed that values of wellbeing (to have a good job and a good family, health, to be loved) are significant for families of ethnic Russians. The majority of respondents stated the necessity of supporting national traditions, to instill national values and traditions in the children. It is established that in the mixed families the most part of respondents of both sexes noted that it is important to keep national traditions and develop national culture, to impart national values and traditions to children, to lead a spiritual life; the system of respondents' estimates vary between high and above average. The authors have revealed that in ethnic Chechen families they note that it is importance to impart to their children national traditions forming and supporting the feeling of unity at the level of ethnos, community, family, enabling an individual to realize his/her ethnic origin preserving centuries-old value guidelines and attitudes.

Keywords: polycultural region, confessional safety, religious safety, ethno-confessionality, ethnic safety, ethno-confessional safety, family values, safety values.

References

1. Abakumova I. V., Boguslavskaja V. F. Metody protivodeistviia ekstremizmu etnokonfessional'noi napravlenosti: osnovnye napravleniia prakticheskoi raboty [Methods of counteraction to extremism of an ethno-confessional orientation: main directions of practical work]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 5–6, pp. 17–22.
2. Allakhverdiev K. The ethno-confessional factor of national security of the states of the Caucasus. Available at: http://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-3/02.shtml
3. Zvezdina G. P., Elagina M. Iu. Vozmozhnosti sovremennoi shkoly v sozdanii polikul'turnoi obrazovatel'noi sredy [Possibilities of the modern school in creation of the polycultural educational environment]. *Etnopedagogika v sovremennom obshchestve. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi Godu uchitel'ia* [Proc. the All-Russian Scientific-Practical Conference “Ethnopedagogics in modern society”]. Grozny, Academy of Science of the Chechen Republic Publ., 19–21 October, 2010, pp. 304–310.
4. Zvezdina G. P. Problema formirovaniia mirovozzrencheskoi bezopasnosti kak sredstva profilaktiki ekstremizma v molodezhnoi srede [The problem of forming the world outlook safety as the prevention of extremism in the youth

- environment]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 6, pp. 76–80.
5. Ipatova L. P. *Pravoslavnaia identichnost' kak personal'nyi portret / Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Orthodox identity as a personal portrait. Civil, ethnic and religious identities in modern Russia]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006.
 6. Karpukhin Iu. G. *Armiia, pravookhranitel'nye organy i religioznaia bezopasnost' [Army, law enforcement bodies and religious safety]. Vestnik RGGU. Seriiia «Pravo» – Russian State University for the Humanities Bulletin. "Right" Series*, 2008, no. 5.
 7. Kiseleva E. V. *Sovremennaia rossiiskaia sem'ia v traditsionno konfessional'nom aspekte [A modern Russian family in a traditionally confessional aspect]. Vestnik slavianskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*, 2012, V. 1, no. XXIII, pp. 37–43.
 8. Kosov G. V. *Politicheskaiia kontseptsiiia Islama: problemy tsvivilizatsionnogo i politicheskogo analiza: monografiia* [The political conception of Islam: problems of the civilization and political analysis: monograph]. Stavropol, 2008, 90 p.
 9. Kuraev A. The technique of religious safety. Available at: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0003.html>
 10. Magomedov A. A. *Sotsiokul'turnaia preemstvennost' v sfere semeinykh otnoshenii na Severnom Kavkaze [Sociocultural continuity in the sphere of family relations in the North Caucasus]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta – Stavropol State University Bulletin*, 2009, no. 5, pp. 121–128.
 11. Perepelkin L. S., Stel'makh V. G. *Etnokul'turnaia bezopasnost' Rossii: obshchestvennye vyzovy i gosudarstvennaia politika [Ethnocultural safety of Russia: public challenges and state policy]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and the Present*, 2003, no. 3.
 12. *Podrostok na perekrestke epokh: problemy i perspektivy sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov* [A teenager at a crossroads of epochs: problems and prospects of social-psychological adaptation of teenagers]. Moscow, Genezis Publ., 1997, 288 p.
 13. Romanova A. P., Marmilova O. V. *Kul'turnaia bezopasnost' kak vazhneishii faktor natsional'noi bezopasnosti [Cultural safety as the most important factor of national security]. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – A Person. Community. Management*, 2008, no. 2.
 14. Romanova A. P., Iakushenkov S. N., Lebedeva I. V., Topchiev M. S. *Fenomenologiiia chuzhogo v kontekste kul'turnoi (etnokonfessional'noi)*

- bezopasnosti [Phenomenology of the stranger in the context of cultural (ethno-confessional) safety]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – A Person. Community. Management*, 2011, no. 1, pp. 44–56.
15. Sarapulov V. N., Iakupova V. N. The person's safety and humanitarian means of its ensuring (on the example of the Baikonur Cosmodrome). Available at: <http://www.zpu-journal.ru/ezpu/1/Sarapulov&Iakupova>
 16. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda (deistvuiushchaia redaktsiia), utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossii ot 12 maia 2009 g. № 537 [The strategy of national security of the Russian Federation till 2020 (current edition) approved by the decree of the President of Russia on May 12, 2009, no. 537]. *Konsul'tantPlus: normativno-pravovaia baza – ConsultantPlus: Normative-Legal Base*, 2013.
 17. Topchiev M. S. Problema konfessional'noi bezopasnosti: teoretiko-poniatiinyi analiz [The problem of confessional safety: theoretical-conceptual analysis]. *Gumanitarnye issledovaniia – Humanitarian Researches*, 2012, no. 4 (44), pp. 266–267.
 18. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person // V Congress of Russian Psychological Society, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 86, pp. 35–41.
 19. Kidder L. H., Kosuge N. Family-work in modern Japan: The reproduction of sons and mothers // Entitlements and the affectional bond. New York: Plenum, 1992.

ON THE ISSUE OF STRATEGIES OF OVERCOMING PSYCHOLOGICAL BARRIERS

**Osipova Alla Anatolyevna
Prokopenko Maxim Vladimirovich**

The article deals with the problem of strategies of overcoming psychological barriers. Various typologies of strategies of overcoming psychological barriers are the subject of research. A psychological barrier is a certain intrapersonal obstacle which overcoming leads to qualitative transformation of both the person's activity and his/her personality (K. D. Ushinskii, S. L. Rubinshtein, B. G. Anan'ev). Emergence of a psychological barrier is treated by a number of authors as a certain critical situation which may have either constructive solutions or various destructions (N. A. Podymov, R. Kh. Shakurov). Domestic and foreign psychological literature demonstrates various approaches to ways of overcoming a crisis situation: metacognitive, cognitive, socio-affective. Strategies of overcoming are studied at two levels: situational and

personal. Psychological defense (S. Freud, A. Freud), self-actualization (A. Maslow), formation of life goals (K. Rogers), etc. are considered as strategies of overcoming psychological barriers. Such types of strategies of overcoming psychological barriers as situational, initiative, defense, passive, depressive, affective-aggressive are studied in detail. In spite of the fact that psychological science has a considerable material reflecting various aspects of a problem of choosing various strategies of overcoming psychological barriers, the process of understanding and interpretation of various points of view is still far from finished.

Keywords: psychological barrier, personality, activity, development, crisis situation, coping, subject of activity, life strategy, constructive strategy, destructive strategy, strategy structure.

References

1. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiia* [On problems of the modern human study]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 272 p.
2. Antsiferova L. I. *Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaiia zashchita* [Personality in hard living conditions: recomprehension, transformation of a situation and psychological defence]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1994, V. 15, no. 1, pp. 3–19.
3. Ball G. A. *Teoriia uchebnykh zadach* [The theory of educational tasks]. Moscow, Pedagogika Publ., 1990, 184 p.
4. Belokhvostova O. I. *Dinamika stilei uchebnoi deiatel'nosti studentov pri preodolenii psikhologicheskikh bar'erov. Diss. cand. psikh. nauk* [Dynamics of styles of learning activity of students when overcoming psychological barriers. Cand. psych. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003, 22 p.
5. Bondarenko A. F. *Psikhologicheskaiia pomoshch': teoriia i praktika* [Psychological assistance: theory and practice]. Kiev, Ukrtekhpres Publ., 1997, 216 p.
6. Bruner D. S. *Issledovanie razvitiia poznavatel'noi deiatel'nosti* [Research of the development of cognitive activity]. Moscow, Pedagogika Publ., 1971, 391 p.
7. Burlachuk L. F., Korzhova E. Iu. *Psikhologiiia zhiznennykh situatsii: uchebnoe posobie* [The psychology of life situations: textbook]. Moscow, Russian Pedagogical Agency Publ., 1998, 263 p.
8. Verbitskii A. A. *Aktivnoe obuchenie v vysshei shkole: kontekstnyi podkhod* [Active training in the higher school: contextual approach]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1991, 204 p.
9. Denisovskaia T. N. *K probleme razvitiia lichnosti* [On a problem of the development of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1981, V. 12, no. 6, pp. 37–43.

10. Drozdova N. V. *Psikhologicheskie bar'ery studentov: kak preodolet'?* Rekomendatsii dlia psikhologov [Psychological barriers of students: how to overcome? Recommendations for psychologists]. *Sotsiosfera – Sociosphere*, 2011, no. 2, pp. 41–46.
11. Drozdova N. V. *Formirovanie konstruktivnoi strategii preodoleniia psikhologicheskikh bar'erov v obrazovatel'nom protsesse u studentov-psikhologov* [Forming a constructive strategy of overcoming psychological barriers in the educational process among psychology students]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, V. 11 (3), pp. 669–673.
12. Drozdova N. V. *Formirovanie konstruktivnoi strategii preodoleniia studentom psikhologicheskikh bar'erov v uchebnoi deiatel'nosti. Diss. ... cand. psikh. nauk* [Forming a constructive strategy of students' overcoming psychological barriers in the educational activity. Cand. psych. sci. diss.]. Samara, 2009, 208 p.
13. El'nikova O. E. *Psikhologicheskie bar'ery sotsializatsii v podrostkovom vozraste. Diss. cand. psikh. nauk* [Psychological barriers of socialization at the juvenile age. Cand. psych. sci. diss.]. Elets, 2004, 185 p.
14. Eslikova E. V. *Psikhologicheskie osobennosti konfliktov professional'nogo samoopredeleniia lichnosti (v period vzroslosti). Diss. cand. psikh. nauk* [Psychological features of conflicts of professional self-determination of personality (in the period of adulthood). Cand. psych. sci. diss.]. Tobolsk, 2000, 158 p.
15. Kudriavtsev T. V. *Psikhologiya tekhnicheskogo myshleniia: protsess i sposoby resheniia tekhnicheskikh zadach* [The psychology of technical thinking: the process and ways of technical tasks solving]. Moscow, Pedagogika Publ., 1977, 303 p.
16. Markova A. K. *Psikhologiya professionalizma* [The psychology of professionalism]. Moscow, Znanie Publ., 1996, 308 p.
17. Markova A. K. *Psikhologiya truda uchitelia* [The psychology of the teacher's work]. Moscow, 1993, 190 p.
18. Maslow A. H. *Motivatsiia i lichnost* [Motivation and personality]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1999, 479 p.
19. Maslow A. H. *Psikhologiya bytiia* [A psychology of being]. Moscow, Reflbuk Publ., 1997, 304 p.
20. Matiushkin A. M. *Problemnye situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem situations in thinking and training]. Moscow, Pedagogika Publ., 1972, 206 p.
21. Nazmetdinova S. S. *Psikhologicheskie bar'ery i bar'eroustoichivost' v professional'noi deiatel'nosti uchitelia. Diss. cand. psikh. nauk* [Psychological barriers

- and tolerance for barriers in the teacher's professional activity. Cand. psych. sci. diss]. Moscow, 2004, 229 p.
22. Nurtdinov S. M. *Akmeologicheskie osnovaniia preodoleniia professional'no-individnykh bar'erov u uchitelei fizicheskoi kul'tury*. Diss. cand. psikh. nauk [Acmeological grounds (basis) of overcoming professional-individual barriers among teachers of physical culture. Cand. psych. sci. diss]. Kostroma, 2004, 261 p.
 23. Podymov N. A. *Psikhologicheskie bar'ery v pedagogicheskoi deiatel'nosti* [Psychological barriers in the pedagogical activity]. Moscow, Prometei Publ., 1998, 239 p.
 24. Ponomarev Ia. A. *Psikhologiya tvorchestva i pedagogika* [The psychology of creativity and pedagogics]. Moscow, Pedagogika Publ., 1976, 280 p.
 25. Remshmidt Kh. *Podrostkovyi i iunosheskii vozrast: problemy stanovleniia lichnosti* [Teenage and juvenile age: problems of the formation of personality]. Moscow, Mir Publ., 1994, 320 p.
 26. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 720 p.
 27. Symaniuk E. E. *Psikhologiya professional'no-obuslovlennykh krizisov* [The psychology of the professional-caused crises]. Moscow, 2004, 320 p.
 28. Tikhomirov O. K. *Psikhologiya myshleniia* [The psychology of thinking]. Moscow, MSU Publ., 1984, 270 p.
 29. Ushinskii K. D. *Pedagogicheskaiia antropologiya: Chelovek kak predmet vospitaniia. Opyt pedagogicheskoi antropologii. Ch. 2* [Pedagogical anthropology: a person as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Part 2]. Moscow, University of the Russian Academy of Science Publ., 2002, pp. 421.
 30. Fridman L. M. *Nagliadnost' i modelirovanie v obuchenii* [Visualization and modeling in training]. Moscow, Znanie Publ., 1984, 80 p.
 31. Chaplina E. I. *Strategii preodoleniia psikhologicheskikh bar'erov u studentov pri izuchenii inostrannogo iazyka*. Diss. cand. psikh. nauk [Strategies of students' overcoming of psychological barriers when learning of foreign language. Cand. psych. sci. diss]. Kursk, 2006, 21 p.
 32. Shakurov R. Kh. Bar'er kak kategoriia i ego rol' v deiatel'nosti [A barrier as a category and its role in activity]. *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 2001, no. 1, pp. 3–18.
 33. Shvatskii A. Iu. *Psikhologicheskie mekhanizmy professional'nogo tvorchestva prepodavatelia inostrannogo iazyka*. Diss. cand. psikh. nauk [Psychological mechanisms of professional works of the teacher of a foreign language. Cand. psych. sci. diss]. Moscow, 2004, 195 p.
 34. Erikson E. H. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Flinta Publ., 2006, 342 p.

35. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis, New York, Norton, 1968, pp. 286–292.
36. Freud A. Defense Mechanisms: Encyclopedia Britanika, V. 7, pp. 172–173.
37. Freud S. New introductory lectures on psychoanalysis. In standard edition, London, Hogarth, 1955.
38. Horney K. Our Inner Conflicts, New York, Norton, 1945.
39. Lazaurus R. S. Psychological stress and coping process, New York, 1966, 194 p.
40. Rogers C. R. The theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework, Boston, 1951, P. 517.

ASSERTIVE BEHAVIOR: EVALUATIONS AND PROPERTIES

Sheinov Victor Pavlovich

This paper analyzes results of foreign researches of assertive behavior concerning its connection with the subject's appeal, his/her locus of control, self-determination and decision-making.

It is established that people with high assertiveness make themselves known in a positive vein in comparison with people with low assertiveness; they estimate the level of their own comfort, the benefit to society and importance of assertive behavior higher. Their evaluation of their own appearance significantly influences assertiveness of individuals: if it is high, it improves assertiveness; if it is low, it lowers it.

Women's perception of assertive behavior may differ from men's perception of assertive behavior. Women with high assertiveness are estimated as less attractive, in comparison with women with average assertiveness; they obtain the lowest estimates from female examinees. Estimates of women's assertiveness by men who were potential dating partners were positive contrary to inconveniences which women can experience because of their assertive behavior in business and professional situations. Internals behave more assertively than externals, and this interrelation is highly significant for men.

The author confirms the connection between self-determination of learners and assertiveness as a whole and with its components: persistence and greater initiative. Statistically significant correlations between assertiveness and quality of life, self-determination, self-efficiency are revealed.

Individuals with high assertiveness cope better with recognition of a situation and orientation in a problem, with finding optimal decisions; they are sure that they can find them better than others. Assertive individuals have shown higher motivation

to criticism, than not assertive individuals, and highly assertive persons have stated their abilities to criticism and its usefulness more surely.

The author has offered a reliable and valid technique of measuring assertiveness.

Keywords: assertiveness, assertive behavior, evaluation, appeal, locus of control, self-determination, gender identification, decision-making, foreign researches, measuring assertiveness.

References

1. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* / Sost. i obshch. red. B. Meshcheriakov, V. Zinchenko [Large psychological dictionary / under the general editorship of B. Meshcheriakov, V. Zinchenko]. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK, 2004.
2. Sheinov V. P. Assertivnost' i psikhologicheskoe zdorov'e [Assertiveness and psychological health]. *Materialy nauchnoi konferentsii "Anan'evskie chteniia – 2013"* [Proc. the Scientific Conference "Anan'ev Readings – 2013"]. St. Petersburg, 2013, pp. 371–373.
3. Sheinov V. P. Vozrastnye i gendernye faktory assertivnosti [Age and gender factors of assertiveness]. *Sistemnaia psikhologiya i sotsiologiya – System Psychology and Sociology*, 2014, no. 10.
4. Sheinov V. P. Razrabotka testa assertivnosti, udovletvoriaiushchego trebovaniyam nadezhnosti i validnosti [Development of the assertiveness test meeting the requirements of reliability and validity]. *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 2014, no. 2, pp. 107–116.
5. Alberti R. E., Emmous M. L. *Your perfect right*, California, Impact, 2001.
6. Alden L., Cappe R. Nonassertiveness: Skill deficit or selection evaluation? // *Behavior Therapy*, 1981, no. 12, pp. 107–114.
7. Alisinanoğlu F. Çocukların denetim odağı ile algıladıkları anne tutumları arasındaki ilişkinin incelenmesi. [A study on the relationship between childrens' locus of control and the perception of mother attitudes] // *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*, 2003, no. 1, pp. 97–107.
8. Appelbaum A. S., Tuma J. M., Johnson J. H. Internal-external control and assertiveness of subjects high and low in social desirability // *Psychol. Report*, 1975, 37, pp. 319–322.
9. Bloom L. Z., Coburn K., Pearlman J. *The New Assertive Woman*, N. Y., Dell, 1976.
10. Broverman I. K., Broverman D. M., Clarkson F. E. Sex-role stereotypes and clinical judgments of mental health // *J. Consult. and Clin. Psychol.*, 1970, no. 30, pp. 1–7.
11. Bruch M. A. A task analysis of assertive behavior revisited: Replication and extension // *Behavior Therapy*, 1981, no. 12, pp. 217–230.

12. Buluş M. Ergen öğrencilerde denetim odağı ve yalnızlık düzeyi ilişkisi [The relationship between locus of control and loneliness level in adolescents]. İzmir, Dokuz Eylül University, 1996.
13. Campbell L., Simpson J. A., Boldry J. G. Perceptions of conflict and support in romantic relationships: The role of attachment anxiety // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005, no. 88, pp. 510–531.
14. Chesler P. *Women and Madness*, N. Y., Doubleday, 1972.
15. Chiauzzi E., Heimberg R. G. Legitimacy of request and social problem solving: A study of assertive and nonassertive subjects // *Behavior Modification*, 1986, no. 10, pp. 3–18.
16. Cooley E. L., Nowicki J. S. Locus of control and assertiveness in male and female college students // *The Journal of Psychology*, 1984, no. 117, pp. 85–87.
17. Cooley M. L. Interests of assertiveness trainees // *Journal of Counseling Psychology*, 1979, no. 26, pp. 173–175.
18. Costrich N., Feinstein J., Kidder L. When stereotypes hurt: Three studies of penalties for sex-role reversals // *J. Exper. Soc. Psychol.*, 1975, no. 11, pp. 520–530.
19. Davis W. L., Phares E. J. Internal-external control as a determinant of information-seeking in a social influence situation // *J. Personal.*, 1967, no. 35, pp. 547–561.
20. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E. Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*, 1999, 125, pp. 276–302.
21. Eisler A. M., Hersen M., Miller P. M. Situational determinants of assertive behaviours // *J. Consult. and Clin. Psychol.*, 1975, no. 43, pp. 330–340.
22. Ellis L. J., Bentler P. M. Traditional sex-determined role standards and sex stereotypes // *J. Personal and Soc. Psychology*, 1973, 25, pp. 28–34.
23. Fiedler D., Beach I. R. On the decision to be assertive // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1978, no. 46, pp. 537–546.
24. Goldberg P. Are women prejudiced against women? // *Transaction*, 1968, no. 5, pp. 28–30.
25. Guay F., Sénécal C., Gauthier L. Predicting career indecision: A self-determination theory perspective // *Journal of Counseling Psychology*, 2003, no. 50, pp. 165–177.
26. Hardre P. L., Reeve J. A motivational model of rural students' intentions to persist in, versus drop out of, high school // *Journal of Educational Psychology*, 2003, no. 95, pp. 347–356.
27. Hartwig W. H., Dickson A. L., Anderson H. N. Locus of control and assertion // *Psychol. Report*, 1980, no. 46, pp. 1345–1346.

28. Heimberg R. G., Chiauuzi E., Becker R. E. Cognitive mediation of assertive behavior: An analysis of the self-statement patterns of college students, psychiatric patients, and normal adults // *Cognitive Therapy and Research*, 1983, no. 7, pp. 455–463.
29. Hess E. P., Bridgwater C. A., Bornstein P. H. Situational determinants in the perception of assertiveness: Gender-related influences // *Behav. Ther.*, 1980, no. 11, pp. 49–58.
30. Hull D. B., Schroeder H. E. Some interpersonal effects of assertion, non-assertion, and aggression // *Behav. Ther.*, 1979, no. 1, pp. 20–28.
31. Ikiz F. E. Self-perceptions about properties affecting assertiveness of trainee counselors // *Social Behavior and Personality*, 2011, no. 39 (2), pp. 199–206.
32. Jackson D. J., Huston T. L. Physical attractiveness and assertiveness // *The Journal of Social Psychology*, 1975, no. 96, pp. 79–84.
33. Lao R. C., Upchurch W. H., Corwin B. J. Biased attitudes toward females as indicated by ratings of intelligence and likability // *Psychol. Report*, 1975, no. 37, pp. 1315–1320.
34. Lipton D. N., Nelson R. O. The contribution of initiation behaviors to dating frequency // *Behav. Therapy*, 1980, no. 11, pp. 59–67.
35. Mortesen C. D. *Optimal human relations: The search for a good life*. New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 2008.
36. Nota L., Soresi S., Ferrari L. A Multivariate Analysis of the Self-Determination of Adolescents // *Journal of Happiness Studies*, 2011, Vol. 12, no. 2, pp. 245–266.
37. Nota L., Soresi S., Ferrari L. “Quanta fiducia ho in me?” Validazione di uno strumento per l’analisi delle credenze di efficacia a proposito della gestione delle decisioni scolastico-professionali [“How much confidence do I have in myself?” An instrument for the analysis of school-career selfefficacy] // *Testing Psicometria Metodologia*, 2005, no. 12, pp. 35–54.
38. Pendleton L. Attraction responses to female assertiveness in heterosexual social interactions // *The Journal of Psychology*, 1982, no. 111, pp. 57–65.
39. Phares E. J. Differential utilization of information as a function of internal-external control // *J. Personal*, 1968, no. 36, pp. 649–662.
40. Pheterson G., Kiesler S., Goldberg P. Evaluation of the performance of women as a function of their sex, achievement, and personal history // *J. Personal. and Soc. Psychol.*, 1971, no. 19, pp. 114–118.
41. Piccinin S., McCarrey M., Fairweather D. Impact of Situational Legitimacy and Assertiveness-related Anxiety Discomfort on Motivation and Ability to Generate Effective Criticism Responses // *Current Psychology: Developmental* 9. Learning Personality. Social Spring, 1998, Vol. 17, no. 1, pp. 75–92.

42. Piccinin S., McCarrey M., Weiburn K. Impact of treatment adherence intervention on a social skills program targeting criticism behaviors // *Canadian Journal of Counselling*, 1992, no. 26, pp. 107–121.
43. Piccinin S., McCarrey M., Welburn K. J. Short versus long term gains of a cognitive-behavioral social skills program targeting the giving and receiving of criticism // *Current Psychology: Research & Reviews*, 1990, no. 9, pp. 385–395.
44. Rathus S. A. A 30-item schedule for assessing behavior // *Behavior Therapy*, 1973, 4, pp. 298–406.
45. Replogle W. H., O'Bannon R. M., McCullough P. W. Locus of control and assertive behavior // *Psychol. Report*, 1980, no. 47, pp. 769–770.
46. Rich A. R., Schroeder H. E. Research issues in assertiveness training // *Psychol. Bull.*, 1976, 83, pp. 1081–1096.
47. Rosenkrantz P., Vogel S., Bee H. Sex-role stereotypes and self-concepts in college students // *J. Consult. Clin. and Psychol.*, 1968, no. 32, pp. 1081–1096.
48. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*, 2000, no. 55, pp. 68–78.
49. Seeman M., Evans J. W. Alienation and learning in a hospital setting // *Amer. Sociolog. Rev.*, 1962, 27, pp. 772–783.
50. Serin N. B., ve Derin R. İlk öğretim öğrencilerinin kişilere-rası problem çözme becerisi algıları ve denetim odağı düzeylerini etkileyen faktörler [The factors affecting primary school students' perceptions of interpersonal problem solving skills and the levels of locus of control] // *Uluslararası İnsan Bilimleri Dergisi*, 2008, no. 8, pp. 1–18.
51. Soenens B., Vansteenkiste M. Antecedents and outcomes of self-determination in three life domains: The role of parents' and teachers' autonomy support // *Journal of Youth and Adolescence*, 2005, no. 34, pp. 589–604.
52. Spence J. T., Helmreich R., Strapp J. Ratings of self and peers on sex-role attributes and their relation to self-esteem and conceptions of masculinity and femininity // *J. Personal. & Soc. Psychol.*, 1975, 32, pp. 29–39.
53. Tegin B. Üniversite öğrencilerinin atılganlık davranış ve eğilimlerinin cinsiyet ve fakülte değişkenleri açısından incelenmesi [Analyzing assertiveness level of university students through gender and other variables] // *Psikoloji Dergisi*, 1990, no. 7, pp. 21–31.
54. Uzun D. Resmi ve özel okulöncesi eğitim kurumlarında görev yapan öğretmenlerin özsaygı ve denetim odağı arasındaki ilişkilerin karşılaştırılması [Comparison of relations between self-esteem and locus of control for teachers in public and private preschool education]. Ankara, Hacettepe University, 2002.

LEVEL IDENTIFICATION OF SELF-REGULATION IN TRAINING AND LEARNING ACTIVITIES FOR CHILDREN WITH COMPLEX DEFECTS

Podzorova Ljubov' Vjacheslavovna

In this article, by means of 5 techniques ("Assessment level of aspiration by F. Hoppe", "Self-esteem level of claims according to the method of Shvartslander", "Self-test for Congruence", "Test of simple instructions", "Self-concept analysis of primary school students using the technique by Dembo–Rubinstein modified by A. M. Prikhojan") we revealed a number of disfunctions in self-regulation of children with complex defect. The research challenge is to refine principles self-regulation for children with complex defects. Goals self-regulation can be thought of as the standards that regulate an individual's actions. The research on self-esteem and feedback is re-interpreted to show how these processes can help students take control of their own "self". Children of 7–11 years took part in this experiment. Historical aspects regarding origin and evolution of the concept of incongruence are also considered in this article. Specific features of personality's components during the self-concept development process are analyzed. During the tests, it was found out that opposed to children without disabilities, children with complex defects have increased level of anxiety, low self-control as well as low self-regulation, low self-consciousness, incongruence, maladapted self-esteem and etc. During the performance monitoring phase, students continuously assess the meaningfulness of the learning task. Social support from teachers and peers can serve an important role as students with complex defects.

The relationships between congruence and the development level and style of conscious of self-regulation were identified. These symptoms are the result of the diagnosis of the children under tests. This study identified gaps feedback to support self-regulation for children with complex defects.

Keywords: *self-regulation, complex defect, primary school age, self-esteem, level of aspiration, personality components, congruence, self-control, personal development, intrapersonal conflict.*

References

1. *Akmeologicheskij slovar'* [Acmeological Dictionary]. Ed. by A. A. Derkach. Moscow, RAGS Publ., 2004, P. 161.
2. Golovin S. Y. *Slovar' prakticheskogo psihologa* [Dictionary of Practical Psychology]. Minsk, Harvest, 1998, 300 p.
3. Emelyanov S. M. *Praktikum po konfliktologii* [Workshop on Conflictology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2013, 386 p.

4. Ilyin E. P. *Psihologija individual'nyh razlichij* [Psychology of Personal Equation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011, 700 p.
5. Lipkina A. I. *Samoocenka shkol'nika* [Student self-esteem]. Moscow, Znanie Publ., 1976, 64 p.
6. *Nauchnoe psihologicheskoe obshchestvo im. S. L. Rubinshtejna* [Scientific psychological society named of S. L. Rubinstein]. URL: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/osnovnie-ponyatiya-sostavleno-k.html>
7. *Pedagogicheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Big Russian Encyclopedia Publ., 2009, 527 p.
8. PPMS-centr «Doverie». Test so vseh storon [PPMS-center "Trust". Test all around]. *Shkol'nyj psiholog – School Psychologist*, 2000, № 05 (53).
9. *Praktikum po vozrastnoj psihologii* [Workshop on Developmental Psychology]. Ed. by L. A. Golovei, E. F. Rybalko. St. Petersburg, 2002, 559 p.
10. *Slovar' prakticheskogo psihologa* [Dictionary of Practical Psychology]. Comp. S. Y. Golovin. Minsk, Harvest Publ.; Moscow, Publishing House AST, 2001, 800 p.
11. Chebucheva E. V. Samoreguljacija, kognitivno-stilevyje karakteristiki i problema uspeshnosti uchebnoj dejatel'nosti v mladšem shkol'nom vozraste [Self-Control, Cognitive and Stylistic Characteristics and Problems of Success of Educational Activity in Primary School]. *Gercenovskie chtenija. Nachal'noe obrazovanie – The Gertsen Reading. Primary Education*, 2010, Vol. 1, pp. 63–67.
12. Chumakov I. V. *Psihologicheskaja karta uchashhegosja gruppy riska: diagnostika i soprovozhdenie. Korrekcionnaja psihologija* [Psychological Record of Students at Risk: Diagnostics and Care. Correctional psychology]. Moscow, Teacher Publ., 2008, 462 p.
13. Shapiro D. *Dinamika haraktera: samoreguljacija pri psihopatologii* [Dynamics of Character: Self-regulation at Psychopathology]. Moscow, Class Publ., 2009, 216 p.
14. Glassman W. E. Approaches to Teaching and Learning Psychology. In a Self-assessment of Congruence // URL: <http://www.ryerson.ca/~glassman/Qsort.html>
15. Morse S. J., Gergen K. J. Social Comparison, Self-consistency and the Concept of Self // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970, № 16, pp. 148–156.

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL ART PREPARATION ON THE FEATURES OF THE FORMATION OF BRAIN CORTEX'S FUNCTIONAL LINKS IN THE PERFORMANCE OF IMAGINATIVE CREATIVE ACTIVITY

**Dikaya Liudmila Alexandrovna
Karpova Viktoriya Viktorovna**

The article gives an analysis of modern ideas about the brain mechanisms of creativity. The authors note the diversity and inconsistency of the results of modern research of brain correlates of human creative activity. Relevance of the study of the dynamics of brain functional organization at different stages of the artistic creative process in humans, depending on the level of training and productivity of imaginative creative activity is proved.

The technique and the procedure of empirical research are described. 60 students aged 18–23 took part in the study. For modeling of creative activity the technique of monotype was used. Peculiarities of brain cortex's functional connections during the imaginative creative activity were investigated by EEG method. Statistical comparative post hoc-analysis was carried out for representatives of four groups of research participants: not artists with low level of productivity (10 people); not artists with medium level of productivity (20); artists with medium level of productivity (12) and artists with a high level of productivity (18 people).

On the basis of the comparative analysis it is confidently shown that a high level of professional training of artists is associated with the active formation of intra- and interhemispheric short functional connections of the brain cortex in the high frequency bands (alpha2, beta) that maximizes the efficiency of creative problem solving, as well as contributes to the speed, ease and productivity of image creation.

It is concluded that the level of productivity of imaginative creative activity in artists effects the optimal processing of imaginative information. Strong long intrahemispheric functional connections in the low frequency bands (delta band) are revealed in research participants with high levels of productivity.

Keywords: *artists, professional training, creative process, monotype, brain cortex, brain hemispheres, EEG, insight, functional connections, frequency bands.*

References

1. Abakumova I. V., Tel'nova O. V., Fomenko V. T. Razvitiye uchashchikhsya v mezhdistsiplinarnykh kontekstakh [Development of students in interdisciplinary contexts]. *Rossiyskij psihologicheskij zhurnal – Russian psychological journal*, 2012, V. 9, no. 4, pp. 41–53.

2. Bechtereva N. P., Nagornova Zh. V. Dinamika kogerentnosti EEG pri vypolnenii zadaniy na neverbal'nyuyu (obraznyuyu) kreativnost' [The dynamic of coherence during tests for nonverbal (Figurative) creativity]. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2007, V. 33, no. 5, pp. 5–13.
3. Bogoyavlenskaya D. B., Bogoyavlenskaya M. E. *Odarennost': priroda i diagnostika* [Giftedness: nature and diagnostics]. Moscow, ANO NTSPRO Publ., 2013.
4. Dikaya L. A. Razvitiye kreativnosti u spetsialistov po protivodeystviyu terrorizmu i likvidatsii posledstviy terroristicheskikh aktov [The development of creativity among experts on counter-terrorism and the consequences of terrorist acts]. *Rossiyskiy psichologicheskij zhurnal – Russian psychological journal*, 2013, V. 10, no. 5, pp. 32–38.
5. Karpova V. V., Dikaya L. A. Dinamika funktsional'noy organizatsii kory mozga v protsesse tvorcheskoy deyatelnosti u uchashchikhsya s khudozhestvennoy odaronnost'yu [The dynamic of functional brain cortex organization during creative activity in students with art giftedness]. *Materialy XVI Mezhdunarodnoj konferencii po nejrokibernetike* [Proceedings XVI International Conference on Neurocybernetics]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2012, V. 1, pp. 370–372.
6. Karpova V. V., Dikaya L. A. Osobennosti funktsional'nykh svyazey kory mozga u ispytuyemykh s raznym urovnem produktivnosti obraznoy tvorcheskoy deyatelnosti [Peculiarities of functional connections of brain cortex in subjects with different level of productivity of the imaginative creative activity]. *Severo-Kavkazskij psichologicheskij vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2014, V. 12, no. 2, pp. 42–46.
7. Razumnikova O. M., Yashanina A. A. Cootnosheniye kreativnosti, intellekta i polusharnoy spetsializatsii v selektsii informatsii [The proportion of creativity, intelligence and hemispheric specialization in the selection of information]. *Psichologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2012, V. 33, no. 5, pp. 71–81.
8. Sviderskaya N. E., Taratynova G. V., Kozhedub R. G. EEG-korrelyaty izmeneniya strategii pererabotki informatsii pri zritel'nom voobrazhenii [EEG-correlates of changes strategy of processing of the information at visual imagination]. *Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti – Journal of higher nervous activity*, 2005, V. 55, no. 5, pp. 624–632.
9. Yashanina A. A., Razumnikova O. M. Polusharnyye osobennosti vysokochastotnoy i nizkochastotnoy aktivatsii kory pri konvergentnom i divergentnom myshlenii [Hemispheric especially for high-frequency of upper and lower cortical activation during convergent and divergent thinking]. *XXII s'ezd Fiziologicheskogo obshchestva imeni I. P. Pavlova: Tezisy*

- dokladov* [XXII Congress of Physiological Society named I. P. Pavlov: Abstracts]. Volgograd, VolgGMU Publ., 2013, pp. 619–620.
10. Arden R., Chavez R. S., Grazioplene R., Jung R. E. Neuroimaging creativity: A psychometric view // *Behavioural Brain Research*, 2010, V. 214, pp. 143–156.
 11. Dikaya L. A., Dikiy I. S. Brain correlates of composing major and minor music // *International Journal of Psychology. Special Issue: XXX International Congress of Psychology*, 2012, V. 47, Supp. 1, P. 113.
 12. Dikaya L. A., Ermakov P. N., Dikiy I. S. EEG correlates of professional creative problem solving with insight // *International journal of psychophysiology*, 2012, V. 85, Issue 3, P. 379.
 13. Fink A., Graif B., Neubauer A. C. Brain correlates underlying creative thinking: EEG alpha activity in professional vs. novice dancers // *Neuroimage*, 2009, V. 46 (3), pp. 854–862.
 14. Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R. et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // *PLoS Biology*, 2004, V. 2 (4), pp. 500–510.
 15. Sheth B. R., Sandkuhler S., Bhattacharya J. Posterior beta and anterior gamma oscillations predict cognitive insight // *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2009, V. 21 (7), pp. 1269–1279.
 16. Starchenko M. G., Bekhtereva N. P., Pakhomov S. V., Medvedev S. V. Study of the brain organization of creative thinking // *Human Physiology*, 2003, V. 29 (5), pp. 652–653.

THE REVIEW OF MODERN RESEARCHES OF PSYCHOGENETIC FACTORS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR

Kovsh Ekaterina Mikhailovna
Vorob'eva Elena Viktorovna
Ermakov Pavel Nikolaevich

The review covers urgent domestic and foreign researches of psychogenetic factors of aggressive behavior. The authors consider cytogenetic mechanisms providing mental activity and behavioural activity of the person, offer the concept of the control system of information coding, and specify features of a genotype-environmental interaction in forming aggressive behavior. Classification of forms of aggression is given. Approaches to interpretation of this concept are considered. The theories explaining the nature of aggression (J. Dollard and L. Berkowitz's frustration theory, A. Bandura's theory of social

learning, K. Lorentz and S. Freud's theory of instinctual drives, biological theory) are analyzed. The brain mechanisms underlying different forms of aggressive behavior are described.

A large number of domestic and foreign studies devoted to the problem of genetic determination of mental processes and behavior is analyzed. The authors bring forward the review of researches of genetic foundations of aggressive behavior. They describe approaches recognized insolvent today (the extra Y-chromosome theory, the "gene-sign" system, the "generalist genes" concept) and offer conceptions confirmed today: the role of monoamine neuromodulators (the interrelation between various forms of aggressive behavior and neurotransmitter systems of the brain), testosterone is described; the influence of the social-economic status and the environmental factors is considered. The available psychogenetic data is described from the point of view of the additive model of development. On the whole, they note a polygenic nature of the inheritance of aggression (the genes coding information of the olfactory, hormonal, mediator systems are biological factors of aggression).

Perspectives of the development of this research area are outlined: the bioinformation analysis of molecular mechanisms of activity of the central nervous system by means of studying the expression of genes in brain cells; the review of the first results obtained by means of this method is offered.

Keywords: psychogenetics of aggression, neurotransmitter systems, monoamines, genetics of behavior, molecular genetics, aggressive behavior, aggression, biological substrate, brain mechanisms, chromosomal anomalies, genotype-environment correlation.

References

1. Alfimova M. V., Trubnikov V. I. Gennye osnovy temperamenta i lichnosti [Genetic basis of temperament and personality]. *Voprosy psihologii – Approaches to Psychology*, 2000, no. 2, pp. 15–118.
2. Alfimova M. V., Trubnikov V. I. Psihogenetika agressivnosti [Psychogenetic basis of aggressiveness]. *Voprosy psihologii – Approaches to Psychology*, 2000, no. 6, pp. 112–123.
3. Bondarenko V. V., Vorob'eva E. V. Istorija formirovaniya bliznecovogo metoda v psihologii [The history of the formation of the twin method in psychology]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2006, no. 4, pp. 151–153.
4. Baron R., Richardson D. *Agressija* [Aggression]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 352 p.
5. Vorob'eva E. V. *Intellekt i motivacija dostizhenija: psihofiziologicheskie i psihogeneticheskie prediktory* [Intelligence and motivation to achieve: physiological and psychogenetic predictors]. Moscow, KREDO Publ., 2006, 288 p.
6. Vorob'eva E. V. Psihogeneticheskoe issledovanie vzaimosvjazi temperamenta i motivacii dostizhenija [Psychogenetic study of the relationship between

- temperament and motivation to achieve]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki – News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social Sciences*, 2006, no. 3, pp. 110–111.
7. Connor D. *Agressija i antisocial'noe povedenie u detej i podrostkov. Issledovanija i terapevticheskie strategii* [Aggression and antisocial behavior in children and adolescents. Research and therapeutic strategies]. Moscow, Olma–media grupp Publ., 2005, 286 p.
 8. Kudrjavceva N. N. *Agressija: ot koncepcii K. Loranca k sovremennym predstavlenijam* [Aggression: from the conception of K. Lorenz to modern views]. *Priroda – Nature*, 2008, no. 9, pp. 60–63.
 9. Levin Ja. I. *Nejrohimicheskaja medicina. Chast' 1. Cerebral'nye dofaminergicheskie sistemy* [Neurochemical medicine. Part 1. Cerebral dopaminergic systems]. *Sovremennaja terapija psihicheskikh rasstrojstv – The modern treatment of mental disorders*, 2008, no. 1.
 10. Mesherjakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoj psihologicheskij slovar'* [The great psychological dictionary]. St. Petersburg, Prime Evroznak Publ., 2006, 672 p.
 11. Mihajlova O. Ju. *Psihologicheskie mehanizmy kriminal'noj seksual'noj agressii* [Psychological mechanisms of criminal sexual aggression]. Diss. ... Doct. psychol. science. Rostov n/D., 2001.
 12. Mihajlova T. I. *Psihogeneticheskie predposylki agressivnosti* [Psychogenetic prerequisites of aggressiveness]. *Vestnik SumDU, Serija "Medicina" – SumDU Bulletin, a series of "Medicine"*, 2012, no. 1.
 13. Orlov Ju. L., Vishnevskij O. V., Vitjaev E. E. et al. *Bioinformacionnyj analiz jekspressii genov v kletkah mozga* [Bioinformatics analysis of gene expression in brain cells]. *Materialy XV Vserossijskoj nauchno-tehnicheskoy konferencii "Nejroinformatika–2013" – The materials of the XVth all-Russian scientific-technical conference "Neuroinformatics–2013"*, Moscow, 2013.
 14. Pavlenko V. B., Kalashnik O. A. *Nejrojetologija i nejrofiziologicheskie korreljaty agressivnosti* [Neuroethology and neurophysiological correlates of aggression]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo – Scientific notes of Tauride National University behalf of V. I. Vernadsky*, 2005, V. 18 (57), no. 2, pp. 88–96.
 15. Petrenko R. A., Getmanov I. P., Kimstach V. N. *Biologicheskie i sociokul'turnye faktory agressii: uchebnoe posobie* [Biological and socio-cultural factors of aggression]. Novocherkassk, 2008, pp. 8–9.
 16. Petrenko R. A. *Mnogoaspektnost' ponjatij "agressija" i "agressivnost"* [The multidimensionality of the terms "aggression" and "aggressiveness"]. *Gumanitarnye i social'nye nauki – Humanities and social Sciences*, 2010, no. 5.

17. Popova N. K., Pljusnina I. Z., Naumenko V. S. Uchastie serotoninovyh 5-NT1A-receptorov mozga v geneticheskoj predraspolzhenosti k agressivnomu povedeniju [Participation of brain serotonin 5-HT1A-receptors in the genetic predisposition to aggressive behavior]. *Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I. P. Pavlova – Journal of higher nervous activity behalf of I. P. Pavlov*, 2006, no. 4, pp. 537–542.
18. Rean A. A. Agressija i agressivnost' lichnosti [Aggression and aggressiveness of personality]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 1996, no. 5.
19. Rean A. A. *Psihologija lichnosti. Socializacija, povedenie, obshenie* [Personality psychology. Socialization, behavior, communication]. St. Petersburg, Prime-Evroznak Publ., 2004, 407 p.
20. Reber A. *Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar'* [Big explanatory psychological dictionary]. Moscow, 2001, V. 1.
21. Tihodeev N. *Osnovy psihogenetiki: uchebnik dlja stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovanija* [Fundamentals of psychogenetics]. Academy Publ., 2011, 320 p.
22. Fromm E. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti*. Per. s nem. [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST Publ., 2006, 640 p.
23. Chistjakova N. V., Sergienko E. A. Genotip–sredovoe vzaimodejstvie: molekularno–geneticheskij podhod k izucheniju volevogo kontrolja v period beremennosti [Genotype–environment interaction: molecular–genetics approach to the study of voluntary control during pregnancy]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal – Russian psychological journal*, 2012, V. 9, no. 4, pp. 22–33.
24. Shabalin O. M. Agressivnost' kak kompleksnaja harakteristika individual'nosti [Aggressiveness as a comprehensive description of personality]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2008, no. 2 (33), pp. 33–35.
25. Shustikova M. V. Geneticheskie i sredovye determinanty agressivnogo povedenija [Genetic and environmental determinants of aggressive behavior]. *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta im. V. N. Karazina. Serija: Biologija – Bulletin of Kharkov national University behalf of V. N. Karazin. Series: Biology*, 2005, V. 1–2, no. 709, pp. 111–115.
26. Birger M., Swartz M., Cohen D. et al. Aggression: the testosterone–serotonin link // *Isr. Med. Assoc. J.*, 2003, no. 5, pp. 653–658.
27. Cates D. S., Houston B. K., Vavak C. R. et al. Heritability of hostility–related emotions, attitudes, and behaviors // *JBehavMed*, 1993, no. 16, pp. 237–256.
28. Coccaro E. F., Bergerman C., Kavoussi R. J., Seroczynski A. Heritability of aggression and irritability: a twin study of the Buss–Durkee Aggression Scales in adult male subjects // *Biol Psychiatry*, 1997 b, V. 41, no. 3, pp. 273–284.

29. Comings D. E., Muhleman D. V., Gysin R. Dopamine D2 receptor (DRD2) gene and susceptibility to posttraumatic stress disorder: A study and replication // *Biol. Psychiatry*, 1996, V. 40, no. 5, pp. 368–372.
30. Dabbs J. M., Morris R. Testosterone, social class, and antisocial behavior in a sample of 4.462 men // *Psychol. Sci.*, 1990, no. 1, pp. 209–211.
31. Davidson R. J., Putnam K. M., Larson C. L. Dysfunction in the neural circuitry of emotion regulation – a possible prelude to violence // *Science*, 2000, no. 289, pp. 591–594.
32. Ermakov P. Hemispheric asymmetry of aggressive behavior and hereditary factors // *International Journal of Psychophysiology*, 2014, no. 2, pp. 143.
33. Ermakov P. N., Abakumova I. V. Youth against terrorism (on the work of the anti-terrorist youth festival) // *Russian Psychological Journal*, 2012, V. 9, no. 4, pp. 11–15.
34. Ermakov P. N., Michailova O. U. The study of the disorders of hemispheric balance in multipisode criminals (тезисы) // *Int. J. Psychophysiology. Absrt. of the 9th World Congress of the IOP, Italy, Sept., 1998, V. 30, № 1–2*, pp. 220–221.
35. Kriks S., Shim J. W., Piao J. Dopamine neurons derived from human ES cells efficiently engraft in animal models of Parkinson’s disease // *Nature*, 2011, V. 480 (7378), pp. 547–551.
36. Kulikov A. V., Osipova D. V., Naumenko V. S. et al. A pharmacological evidence of positive association between mouse intermale aggression and brain serotonin metabolism // *Behav Brain Res*, 2012, V. 233, no. 1, pp. 113–119.
37. Lein E. S., Hawrylycz M. J., Ao N. Et al. Genome-wide atlas of gene expression in the adult mouse brain // *Nature*, 2007, V. 445(7124), pp. 168–176.
38. Mayer Bahlburg H. F. L. Sex chromosomes and aggression in humans / by ed. Brain P. P., Benton D. // *The biology of aggression*. Rockville: – MD, 1981, pp. 109–123.
39. Middeldorp C. M., de Geus E. J., Willemsen G. et al. The serotonin transporter gene length polymorphism (5-HTTLPR) and life events: no evidence for an interaction effect on neuroticism and anxious depressive symptoms // *Twin Res Hum Genet*, 2010, V. 13, no. 6, pp. 544–549.
40. Naumenko V. S., Kondaurova E. M., Popova N. K. On the role of brain 5-HT7 receptor in the mechanism of hypothermia mediated via 5-HT1A and 5-HT3 receptor // *Neuropharmacology*, 2011, V. 61, no. 8, pp. 1360–1365.
41. Nimgaonkav V. L. et al. Psychosis and aggression associated with dopamine receptor gene polymorphisms in Alzheimer’s disease // *Am. J. Med. Genet*, 1997, V. 74, no. 6, P. 627.
42. Popova N. K., Voitenko N. N. Brain serotonin metabolism in hibernation // *Pharmacol Biochem Behav*, 1981, V. 14, no. 6, pp. 773–777.

43. Siegel A., Victoroff J. Understanding human aggression: New insights from neuroscience // *Int. J. Law Psychiatry*, 2009, no. 32, pp. 209–225.
44. Stalenheim E. G., Eriksson E., Knorrning L von, Wide L. Testosterone as a biological marker in psychopathy and alcoholism // *Psychiatr. Res.*, 1998, no. 77, pp. 79–88.
45. Staner L., Mendlewicz J. Heredity and role of serotonin in aggressive impulsive behavior // *Encephale*, 1998, no. 24, pp. 355–364.
46. Tsai S. J. et al. Association study of serotonin-6 receptor variant (C 267 T) with schizophrenia and aggressive behavior // *Neurosci. Lett*, 1999, V. 271, pp. 135–137.
47. Vasiliev G. V., Merkulov V. M., Kobzev V. F. Point mutations within 663–666 bp of intron 6 of the human TDO2 gene, associated with a number of psychiatric disorders, damage the YY-1 transcription factor binding site // *FEBS Lett*, 1999, V. 462, no 1–2, pp. 85–88.
48. Vetulani J. Neurochemistry of impulsiveness and aggression // *Psychiatria Polska*, 2013, V. XLVII, no. 1, pp. 103–113.
49. Yeh M. T., Coccaro K., Jacobson C. Multivariate behavior genetic analyses of aggressive behavior subtypes // *Behav. Genet.*, 2010, V. 40, pp. 603–617.

COGNITIVE-STYLE FACTORS OF DEFENSIVENESS OF SCHIZOPHRENIC PATIENTS

Kulikova Ol'ga Sergeevna

The article deals with the problem of social adaptation of patients with the initial stage of paranoid schizophrenia; mechanisms of psychological defense directed on decreasing anxiety are considered as important forms of adaptation behavior of patients with paranoid schizophrenia; certain features of the cognitive sphere are at the basis of psychological defense. The author calls attention to a brief literature review of views of the nature of these cognitive features. On this evidence in the article they experimentally test a thesis that features of the cognitive-style sphere are the basis of choosing and activation of one or another form of psychological defense of patients with paranoid schizophrenia. This aspect of considering interrelation of a cognitive style and psychological defense is not reflected in domestic and foreign sources.

The author has examined 80 patients with paranoid schizophrenia (with disease duration no more than a year); all the patients were in medicated remission at the moment of examination. For realization of research objectives the author has used

psychodiagnostic techniques directed on studying features of defense behavior and characteristics of the cognitive-style sphere. As a result of the carried out research the author has revealed mechanisms of psychological defense prevailing in the structure of defense behavior of patients with paranoid schizophrenia: intellectualization, displacement, regression, compensation. By results of the carried out research, the basis of defense behavior of patients with the diagnosis "schizophrenia, a paranoid form" is a great differentiation and structuredness of information processing at excessive submission to situational factors and subjective difficulty of overcoming their influence; low accuracy of perceptual scanning with difficulties of distinguishing contextual significant signs in a multiple-choice situation, insufficiency of the preliminary analysis of the perceived information; low level of a categorial control.

Keywords: social adaptation, information processing, cognitive style, psychological defense, paranoid schizophrenia, cognitive disorders, polydependence, impulsiveness, perceptual scanning, categorial control.

References

1. Aleksandrovskii Iu. A. *Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva. (Rukovodstvo dlia vrachei)* [Borderline mental disorders. (Handbook for doctors)]. Moscow, Meditsina Publ., 1993, 400 p.
2. Aleksandrovskii Iu. A. *Sostoianiiia psikhicheskoi dezadaptatsii i ikh kompensatsiia (pogranichnye nervno-psikhicheskie rasstroistva)* [States of mental disadaptation and their compensation (borderline neuropsychic disorders)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 272 p.
3. Antoshkina Iu. M. Kognitivno-stilevye pokazateli i professional'naia aktivnost' [Cognitive-style indicators and professional activity]. *Vestnik SPbGU – St. Petersburg State University Bulletin*, 2008, Series 12, Issue 2, pp. 293–297.
4. Berezin F. B. *Psikhicheskaia i psikhofiziologicheskaiia adaptatsiia cheloveka* [Psychological and psychophysiological adaptation of the person]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 270 p.
5. Bruner Dzh. *Psikhologiiia poznaniia: za predelami neposredstvennoi informatsii* [The psychology of cognition: beyond the direct information]. Moscow, Progress Publ., 1977, 413 p.
6. Vasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B. *Psikhologicheskaiia diagnostika indeksa zhiznennogo stilia* [Psychological diagnostics of a life style index]. St. Petersburg, St. Petersburg Psychoneurological Research Institute named after V.M.Bekhterev Publ., 1999, 50 p.
7. Vid V. D. *Psikhoterapiia shizofrenii* [Psychotherapy for schizophrenia]. St. Petersburg, 2008, 512 p.
8. Zeigarnik B. V. *Patopsikhologiiia* [Pathopsychology]. Moscow, MSU Publ., 1976, 238 p.

9. Isaeva E. R. *Sovladaiushchee so stressom i zashchitnoe povedenie lichnosti pri rasstroivstvakh psikhicheskoi adaptatsii razlichnogo geneza*. Diss. ... dokt. psikh. nauk [Coping with stress and protective behavior of personality in cases of disorders of mental adaptation of various genesis. Dr. psych. sci. diss]. St. Petersburg, 2010.
10. Kolga V. A. *Differentsial'no-psikhologicheskoe issledovanie kognitivnogo stilia i obuchaemosti*. Diss. ... cand. psikh. nauk [Differential-psychological research of a cognitive style and trainability. Cand. psych. sci. diss]. Leningrad, 1976, 180 p.
11. Korkina M. V., Lakosina N. D., Lichko A. E., Sergeev I. I. *Psikhiatriia: Uchebnik dlia studentov med. vuzov* [Psychiatry: textbook for students of medical institutes of higher education]. Moscow, MEDpress-inform Publ., 2004, 576 p.
12. Korobova E. L. *Kognitivnye stili u bol'nykh shizofreniei*. Diss. ... cand. psikh. nauk. [Cognitive styles of patients with schizophrenia. Cand. psych. sci. diss]. St. Petersburg, 2007, 253 p.
13. Kritskaia V. P., Meleshko T. K., Poliakov Iu. F. *Patologiya psikhicheskoi deiatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiia, obshchenie, poznanie* [Pathology of mental activity in cases of schizophrenia: motivation, communication, cognition]. Moscow, MSU Publ., 1991, 256 p.
14. Kudriavtsev I. A. O diagnosticheskom i prognosticheskom znachenii nekotorykh patopsikhologicheskikh simptomokompleksov [On the diagnostic and predictive value of some psycho-pathological symptom complexes]. *Vosstanovitel'naia terapiia i reabilitatsiia bol'nykh nervnymi i psikhicheskimi zabolevaniami: materialy konf.* [Proc. Conference "Recovery therapy and rehabilitation of patients with nervous and mental diseases"]. Leningrad, 23–24 November, 1982, pp. 46–52.
15. Nalchadzhian A. A. *Sotsial'no-psikhicheskaiia adaptatsiia lichnosti (formy, mekhanizmy i strategii)* [Social and mental adaptation of personality (forms, mechanisms and strategies). Erevan, Academy of Science of Armenian Soviet Socialist Republic Publ., 1988, 263 p.
16. Petrova N. N., Zadvinskii V. Iu. Osobennosti psikhosotsial'noi adaptatsii i kognitivnyi stil' bol'nykh shizofreniei [Features of psychosocial adaptation and the cognitive style of patients with schizophrenia]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*, 2007, Series 11, Issue 3, pp. 56–62.
17. Poliakov Iu. F. *Patologiya poznavatel'noi deiatel'nosti pri shizofrenii* [Pathology of cognitive activity in cases of schizophrenia]. Moscow, Meditsina Publ., 1974, 167 p.
18. Poliakov Iu. F. *Patologiya poznavatel'nykh protsessov / Shizofreniia: mul'tidistsiplinarnoe issledovanie* [Pathology of cognitive processes / Schizophrenia: multidisciplinary research]. Moscow, Meditsina Publ., 1972, pp. 225–277.

19. Popov Iu. V., Vid V. D. *Sovremennaiia klinicheskaia psikhiatriia* [Modern clinical psychiatry]. St.Petersburg, Rech' Publ., 2002, 402 p.
20. *Psikhologicheskie issledovaniia: problemy patopsikhologii* [Psychological researches: problems of pathopsychology]. Moscow, MSU Publ., 1971, Issue 3, 168 p.
21. *Rukovodstvo po psikhiatrii* [Handbook of psychiatry]. Moscow, Meditsina Publ., 1983, V. 1. 480 p.
22. Filimonova T. L. Prostranstvennaia organizatsiia medlennykh komponentov vyzvannoi aktivnosti pri shizofrenii [The spatial organization of slow components of the evoked activity in cases of schizophrenia]. *Zhurnal nevropatologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova – Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S. S. Korsakov*, 1982, no. 12, pp. 1810–1815.
23. Kholodnaia M. A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. St.Petersburg, Piter Publ., 2004, 384 p.
24. Ianichev P. I., Bogdanova O. V. Nekotorye osobennosti dezintegratsii verbal'no-obraznykh struktur [Some features of disintegration of verbal-imaginative structures]. *Kognitivnye stili. Tezisy nauchno-prakticheskogo seminara* [Theses of the Scientific and Practical Seminar "Cognitive styles"]. Tallinn, Tallinn Pedagogical Institute named after E. Vilde, 1986, pp. 115–119.
25. Goodenough D. R., Oltman P. K., Friedman F., Moore C. A., Witkin H. A., Owen D., Raskin E. Cognitive styles in the development of medical careers // *Journal of Vocational Behavior*, 1979, Volume 14, Issue 3, pp. 341–351.
26. Harvey P. D., Earle-Boyer E. A., Levinson J. C. Distractibility and Discourse Failure Their Association in Mania and Schizophrenia // *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1986, Volume 174, Issue 5, pp. 274–279.
27. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // *Journal of Abnormal Psychology*, 1966, Volume 71, Issue 1, pp. 17–24.
28. Kay S. R. Conceptual Disorder in Schizophrenia as a Function of Encoding Orientation // *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1982, Volume 170, Issue 3, pp. 154–163.
29. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal and coping*. N. Y., 1984, 218 p.
30. Messick S., Kogan N. Differentiation and compartmentalization in object-sorting measures of categorizing style // *Perceptual and Motor Skills*, 1963, Volume 16, Issue 1, pp. 47–51.
31. Pishkin V., Bourne L. E. Abstraction and the use of available information by schizophrenic and normal individuals // *Journal of Abnormal Psychology*, 1981, Volume 90, Issue 3, pp. 197–203.

32. Stroop J. R. Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology: General, 1992, Volume 121, Issue 1, pp. 15–23.
33. Tajfel H., Richardson A., Everstine L. Individual consistencies categorizing: A study in judgment behavior // Journal of Personality, 1964, Volume 32, Issue 1, pp. 90–108.
34. Wagener D. K., Hogarty G. E., Goldstein M. J., Asarnow R. A., Browne A. Information processing and communication deviances in schizophrenics patients and their mothers // Psychiatry Research, 1986, Volume 18, Issue 4, pp. 365–377.

FACTORS OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN THE ECONOMIC SPACE OF RUSSIA

Schetinina Darya Pavlovna

Behavioural economics investigating psychological regularities of behavior of the person predetermining his/her economic decisions is one of the most urgent areas of theoretical and practical interests today.

Within the limits of this area, in this article the author makes an attempt to combine psychological and economic approaches to studying the main factors of human resource and human capital management in the economic space of Russia which were united in four groups: situational-environmental, personal, social-economic and political factors and organizational-management factors.

Since human resource management is carried out in the economic space of the country, indicators of monitoring human resource and human capital development must be a system of characteristics including characteristics of economic density, characteristics of population distribution and quality and economic activity, characteristics of the intensity of socio-economic relationships and characteristics of the psychological state of the population.

The author defines the role of human resources as a driving force in raising people's standard of living and quality of life, levelling of conditions of social and economic development of the country and regions and substantiates the main role of investment in human capital as a key factor of the innovative development of the Russian economy.

Keywords: *human resources, human capital, education, knowledge, investment, economic space, region, manpower, labor potential, human development index (HDI), integral indicator of human capital (IHC).*

References

1. Armstrong M. *Strategicheskoe upravlenie chelovecheskimi resursami* [Strategic human resource management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002.
2. Ganzen V. A. *Sistemnye opisaniia v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1984, 176 p.
3. Granberg A. G. *Osnovy regional'noi ekonomiki: uchebnik dlia vuzov* [Fundamentals of regional economy: textbook for universities]. Moscow, Higher School of Economics State University Publ., 2004.
4. Joy-Matthews J., Megginson D., Surtees M. *Razvitie chelovecheskikh resursov* [Human resources development]. Moscow, Eksmo Publ., 2006.
5. *Doklad o chelovecheskom razvitiu v Rossiiskoi Federatsii za 2013 g. / Pod obshchei redaktsiei S. N. Bobyleva* [Human development report for the Russian Federation 2013 / Under the general editorship S. N. Bobyliov]. – M.: "RA IL'F" Publ., 2013, 202 p.
6. Kapeliushnikov R. I. Ekonomicheskii podkhod Geri Bekkera k chelovecheskomu povedeniiu [H. Becker's economic approach to human behavior]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya – USA: Economics, Politics, Ideology*, 1993, no. 11.
7. Malichenko I. P. Modernizatsiia professional'nogo obrazovaniia v usloviakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Modernization of professional education in the conditions of public-private partnership]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia – Problems of the Theory and Practice of Management*, 2014, no. 10.
8. Men'shenina E. Monitoring predpochtenii rabotodatelei i perspektivy sovershenstvovaniia modeli kompetentsii bakalavriata po obrazovatel'nomu napravleniiu "Upravlenie personalom" [Monitoring of employers' preferences and perspectives of improving the model of competences of undergraduate studies in the educational field "Human resource management"]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami Rossii – Intellectual Resources and Human Resource Management in Russia*, 2014, no. 5.
9. The estimated population of countries of the world in 2014. Available at: <http://total-rating.ru/18-chislennost-naseleniya-stran-mira.html>
10. Population density areas of the world. Available at: <http://worldgeo.ru/lists/?id=16>
11. Forecast of Russian economy development for 2015. Available at: //URL: <http://economy.gov.ru/minec/main>
12. Sakharova O. N. Indeks razvitiia chelovecheskogo potentsiala: mesto Rossii v sovremennom mire [The human development index: the place of Russia in the modern world]. *Vestnik Taganrofskogo instituta upravleniia i ekonomiki – Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics*, 2014, no. 1.

13. Siniavskaia O. V. Osnovnye faktory vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala [The main factors of the reproduction of human capital]. *Ekonomicheskaja sotsiologija – Economic Sociology*, 2001, V. 2, no. 1.
14. *Strategicheskaja psikhologija globalizatsii: Psikhologija chelovecheskogo kapitala: Ucheb. posobie* [Strategic psychology of globalization: the psychology of human capital: textbook]. St. Petersburg, Logos, 2006 Publ., 512 p.
15. Harris R. *Psikhologija massovykh kommunikatsii* [The psychology of mass communication]. Moscow, Infra-M, 2003, 417 p.
16. Shchetinina D. P. *Vliianie neodnorodnosti ekonomicheskogo prostranstva na indikatory regional'noi dinamiki. Diss. cand. econom. nauk* [Influence of the heterogeneity of economic space on indicators of regional dynamics. Cand. econom. sci. diss]. Rostov-on-Don, 2006.
17. Iur'ev A. I. Experience of psychological measurement of human capital. Available at: <http://www.yuriev.spb.ru>
18. Becker M. *Personalentwicklung – Bildung, Forderung und Organisationsentwicklung in Theorie und Praxis*, Stuttgart, 2002.
19. Becker M. *Personalentwicklung – Schaffer-Poeschel Verlag* Stuttgart, 2005.
20. Human Development Report 2014 // URL: <http://hdr.undp.org/>
21. Rynes S. L., Milkovich G. T. *Current Issues in Human Resource Management: Commentary and Readings*. Texas, 1986.

PUNISHMENT INDIVIDUALIZATION OF MINORS IN ENFORCEMENT ACTIVITIES: PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Goldobina Viktoria Sergeevna

The article considers the issues of accounting psychological characteristics of a person with the individualization of the punishment appointed by minors. The complexity of studying the personality of the teenager, the perception of information, and behavioral aspects in terms of the crime situation due to age-related features, which are characteristic of juvenile age. The importance of accounting for individual characteristics is determined by the fact that any, including atypical behavior of a minor, both in terms of the crime, and after that, depends on the properties of the identity of the juvenile, which are often neglected in practical enforcement.

It is pointed out the need to consider not only the socio-demographic, but psychological aspects of personality, which affect consciousness (awareness)

of one's own actions and the consequences that they may lead to, as well. This accounting treatment requires special psychological knowledge that makes appropriate use of psychological expertise or involvement in the investigation of criminal cases against a child psychologist. Psychologist can competently give a psychological retrospective and prognostic assessment of the personality as a whole and separate relevant to the case of psychological properties to establish the degree of public danger of minors, establish responsibility and the need to apply subsequent corrective action.

The article considers not found legislative regulation of the issue of assessment of personal characteristics stipulated in the list of circumstances mitigating and aggravating criminal liability in relation to the realization of these circumstances a minor. Consciousness (awareness) of the juvenile face of certain circumstances as mitigating (aggravating) are determined by the conditions of education and disabilities of minors. Analysis of the extent of awareness has practical value from the point of view of the effectiveness of juvenile correctional impact and prognostic assessment.

Keywords: juvenile, individualization, extenuating circumstances, aggravating circumstances, penalty, personal approach, properties, status of personality, consciousness, personality characteristics.

References

1. Aseev V. G. *Motivacija povedenija i formirovanie lichnosti* [Motivation, behavior and personality formation]. Moscow Publ., 1976, 158 p.
2. Gromyko O. V. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza individual'no-psihologicheskikh osobennostej nesovershennoletnego obvinjaemogo i ih vlijanie na povedenie v kriminal'noj situacii [Forensic psychological examination of individual psychological characteristics of juvenile accused and their impact on behavior in a criminal situation]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2012, no. 3. pp. 45–48.
3. Danilova S. I., Zavidov B. D., Lipatenkov V. B. *Vina i nakazanie v ugovnom prave Rossii. Ugovno-pravovoj analiz (postatejnyj)* [Guilt and punishment in the criminal law of Russia. Criminal-legal analysis (itemized)]. ConsultantPlus, 2004.
4. Zadorozhnaya V. A. Soderzhanie principa ravenstva vseh pered zakonom i sudom v ugovnom sudoproizvodstve [The content of the principle of equality before the law and the courts in criminal proceedings]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural state University*, 2006, no 5, pp. 136–139.
5. Kashepov V. P. *Mezhdunarodno-pravovye standarty v ugovnoj justicii Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie* [International legal standards in

- the criminal justice system of the Russian Federation: Research Handbook]. Moscow, Institute of legislation and comparative jurisprudence under the Government of the Russian Federation, Ancil Publ., 2012, 312 p.
6. *Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993)* [The Constitution of Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993)]. Collection of laws of Russian Federation, 04.08.2014, no. 31, 4398.
 7. Kochenov M. M. *Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza* [Forensic psychological expertise]. Moscow Publ., 1977.
 8. Kudryavtsev V. N. *Pravovoe povedenie. Norma i patologija* [Legal behavior. Norm and pathology]. Moscow Publ., 1982, 287 p.
 9. Kudryavtsev V. N., Ratinova N. A. *Kriminal'naja agressija (jekspertnaja tipologija i sudebno-psihologicheskaja ocenka)* [Criminal aggression (expert typology and forensic psychological assessment)]. Moscow, Moscow University Publ., 2000, 192 p.
 10. Loshencova E. V. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Commentary on the Criminal code of Russian Federation (article by article)]. Ed. by G. A. Esakov, Moscow, Prospect Publ., 2012, 544 p.
 11. *Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob#edinennyh Nacij, kasajushiesja otpravljenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila)* [The standard minimum rules of the United Nations concerning the administration of juvenile justice (the Beijing rules)]. ConsultantPlus, 2014.
 12. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 11.01.2007 no 2 (red. ot 03.12.2013) "O praktike naznachenija Sudami Rossijskoj Federacii ugolovnoho nakazanija"* [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation dated 11.01.2007 no 2 (as amended from 03.12.2013) "About the practice of appointment by the Courts of the Russian Federation criminal punishment"]. ConsultantPlus, 2014.
 13. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 no 1 (red. ot 02.04.2013) "O sudebnoj praktike primenenija zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazanija nesovershennoletnih"* [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation dated 01.02.2011 no 1 (as amended from 02.04.2013) "On judicial practice of application of legislation regulating the peculiarities of criminal liability and punishment for minors"]. ConsultantPlus, 2014.
 14. Sabanin S. N. *Realizacija principa spravedlivosti v institute osvobozhdenija ot ugolovnoho nakazanija* [The implementation of the principle of justice at

- the Institute of exemption from criminal punishment]. Syn. of Diss. ... Doct. of Law. Ekaterinburg, 1993.
15. Savenkov A.V. *Princip individualizacii pri naznachenii nakazaniya* [The Principle of individualization of sentencing]. Diss. ... Cand. of Law. Saint-Petersburg, 2004.
 16. Sitkowskaya O. D. Psihologicheskie issledovanija problem zakonnosti, pravosudija i dejatel'nosti organov prokuratury [Psychological research on issues of legality, justice and the activities of prosecutors]. *Vestnik Akademii general'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of Russian Federation*, 2012, no 2 (28), pp. 41–45.
 17. Sitkowskaya O. D. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: psihologicheskij kommentarij* [Criminal Code of Russian Federation: a psychological review]. Moscow, Walters Kluwer Publ., 2009, 109 p.
 18. Smirnov A. V., Kalinowski K. B. *Ugolovnyj process: uchebnik* [Criminal process: the textbook]. Ed. of A. V. Smirnov. Moscow, KNORUS Publ., 2008, 704 p.
 19. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 no 63-FZ (red. ot 03.02.2014) (st. 60 UK RF)* [The Criminal Code of Russian Federation dated 13.06.1996 no 63-FZ (as amended on 03.02.2014) (article 60 of the Criminal Code)]. "Collection of laws of Russian Federation", 17.06.1996, no 25, 2954.
 20. Tsepelev V. F. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': uchebnik* [Criminal law of Russia. General part: textbook]. Ed. by B. N. Revin. Moscow, Justitsinform Publ., 2009, 496 p.
 21. Tsepelev V. F. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Uchebnik. 2-e izd.* [Criminal law of Russia. The General part. The tutorial. 2nd ed.]. Ed. by B. N. Revin. Moscow, Justitsinform Publ., 2010, 496 p.
 22. Chechel G. I. Lichnost' prestupnika kak faktor, vlijajushhij na naznachenie nakazaniya [The identity of the offender as a factor in sentencing]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2012, no 5, pp. 36–40.
 23. *Juridicheskaja psihologija: uchebnik* [Legal psychology: textbook]. Scientific ed. Prof. O. D. Sitkowskaya. Moscow, UrliitInform Publ., 2011, 472 p.
 24. Selected questions and problems of forensic assessment / Published by Helmut Kury. Koln. Berlin. Bonn. Munchen, 1987.
 25. Berkowitz L. Social norms, feelings and other factors affecting helping behavior and altruism // *Advances in Experimental Social Psychology*, New York, 1972, 6.
 26. Darley D. M., Latane B. Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968, 8.
 27. Hamburg D. A., Elliott V. R., Parron D. L. Health and Behavior Frontiers of Research in the Biobehavioral sciences // National Academy Press, Washington, 1982.
 28. Kaiser V. Juvenile delinquency. Basel, Beltz, 1978.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF OFFICERS OF THE COMMITTEE OF INQUIRY: MATERIALS OF THE EMPIRICAL STUDY

Ermakov Pavel Nikolaevich
Berezin Igor' Garrievich

This article brings forward empirical materials of studying professional identification of officers of the Committee of Inquiry. Professional identification is considered as a process of development of personal reflection of professional identity of the Self in correlation with a "reference image" of the employee of a respective organization for the purpose of achieving a positive professional self-identification. Officers of the investigative departments of the Committee of Inquiry of the Russian Federation stationed in the territory of the Southern and North Caucasus federal districts (1286 persons) were respondents.

Quite a number of techniques were used for revealing features of professional identity of officers of the Committee of Inquiry. Author's questionnaires revealing levels of reflection of professional identification of officers of the Committee of Inquiry were developed. The authors have also used psychometric techniques (diagnostics of motivational orientations in interpersonal communications (I. D. Ladanov, V. A. Urazaeva), a personal differential technique (version adapted in the Scientific Research Institute named after V. M. Bekhterev, 2007), diagnostics of a real structure of value guidelines of the person (S. S. Bubnova), express diagnostics of system-characterologic relations of personality (E. L. Kas'ianik, E. S. Makeeva), a study of the motivational structure of activities (K. Zamfir), a technique for revealing the level of conflict tolerance, diagnostics of emotional barriers in interpersonal communication (V. V. Boiko).

Diagnostic results have made it possible to reveal various strategies of professional identification of the officers surveyed in the study. The obtained data shows how professional identification influences the level of professional activity and the extent of professional self-realization. The article also describes barriers (obstacles and difficulties) which are reflected (realized) by officers as that prevents them from corresponding reference characteristics and finding harmonious relations with colleagues and leaders.

Keywords: *identity, identification, activity, strategy, sense sphere, sense formations, self-realization, personal values, professional orientation, sense-value barriers.*

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N. Tekhnologii napravlennogo vozdeistviia po profilaktike ideologii ekstremizma i terrorizma [Technologies of the directed influence on prevention of the ideology of extremism and terrorism].

- Sbornik materialov 6-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeistviia terrorizmu* [Proc. the 6th International Scientific Conference on problems of safety and counteraction to terrorism]. Moscow, MSU Publ., 11–13 November, 2010, pp. 181–194.
2. Akimova A. M. Znachenie kvalifikatsionnoi kharakteristiki dolzhnosti sotrudnika pri povyshenii kvalifikatsii i professional'noi perepodgotovki [Importance of the qualification characteristic of the employee's position in professional development and professional retraining]. *Vestnik VIPK MVD Rossii – Bulletin of the All-Russian Institute of Professional Development of the Interior Ministry of Russia*, 2007, no. 2, pp. 47–49.
 3. Artemova Ia. V. *Genesis issledovaniia korporativnoi identichnosti lichnosti v sovremennoi nauke: Uchebnoe posobie* [Genesis of researches of corporate identity of the person in modern science: textbook]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2010, 40 p.
 4. Artemova Ia. V. *Korporativnaia identichnost' lichnosti: sushchnostnye priznaki, struktura i tipologii: Monografiia* [Corporate identity of the person: essential attributes, structure and typology: monograph]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2010, 59 p.
 5. Berezin I. G., Brizhak Z. I. *Psikhologicheskie osnovy effektivnogo upravleniia sledstvennymi organami* [Psychological bases of effective management of investigating bodies]. *Iurist" - pravoved – Jurist-Lawyer*, 2010, no. 1 (38), pp. 89–92.
 6. Borodul'kina T. A. *Vliianie obraza professii na stanovlenie professional'noi identichnosti // Problemy obshchei i pedagogicheskoi psikhologii: Sbornik nauchnykh trudov Instituta psikhologii im. G. S. Kostiuka APN Ukrainy* [Influence of a profession image on professional identity formation. Problems of general and pedagogical psychology: scientific works of the Institute of Psychology of G. S. Kostiuk of the Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine]. Kiev, 2007.
 7. *Parlamentskaia gazeta* [The parliamentary newspaper]. *Kruglyi stol na temu "Sovremennye podkhody k formirovaniu moral'no-psikhologicheskikh kachestv rossiiskogo politseiskogo"* [The Round Table "Modern approaches to formation of moral-psychological qualities of the Russian policeman"]. 25 April, 2011.
 8. *Psikhologiiia formirovaniia antiterroristicheskikh tsennostei studentov sovremennogo universiteta: uchebnik (pod red. I. V. Abakumovoi, P. N. Ermakova)* [The psychology of forming anti-terrorist values in students of the modern university: textbook (under the editorship of I. V. Abakumova, P. N. Ermakov)]. Moscow, KREDO Publ., 2013, 352 p.
 9. Solnyshkina M. G. *Professional'nye strategii lichnosti: monografiia* [Professional strategies of personality: monograph]. Moscow, "Marketing" Information-Implementation Center Publ., 2006, 119 p.

10. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth / The 13th European Congress of Psychology, 2013, Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
11. Halpern D. Moral values, social trust and inequality // British Journal of Criminology, 2001, Vol. 41, pp. 236–251.
12. Leung K. Social axioms. The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // J. of Cross-Cultural psychology, 2002, Vol. 33, pp. 286–302.

THE USE OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE WHEN INVESTIGATING DOMESTIC HOMICIDES

Kiselev Aleksandr Petrovich

This article touches upon urgent problems of law-enforcement practice for investigation of the most socially dangerous types of crimes – domestic homicides which form a considerable proportion of all the homicides committed in the territory of the Russian Federation.

Effective investigation of domestic homicides, realization of a complex of measures by authorized state bodies directed on prevention of such crimes is impossible without knowledge of psychological features of such a personality by the law enforcement official. The carried out scientific studying have made it possible to distinguish and generalize these features, to disclose their content.

The article explains psychological features of the person committed domestic homicide, gives opinions of scientists who have developed, studied and researched these spheres, specifies mental abnormalities, their significance and influence on the illegal behavior of the person committed domestic homicide. The author has made an attempt to indicate reasons which lead or may lead to commission of acts of aggression in a family and also designates other external circumstances, subjective factors influencing a choice of a violent way of resolving conflicts. Features of a domestic murderer's behavior after commission of a socially dangerous act are given.

The author uses not only empirical data, but also facts of the investigative and judicial practice which have made it possible to unite practical experience with psychological, criminological researches of personality, in relation to domestic homicides. In this regard, this article is of scientific and practical interest for the experts involved in investigation of domestic homicides and their prevention.

Keywords: domestic homicides, psychological features, mental abnormalities, personality, psycho-traumatic situation, conflict situation, aggression, motivation, needs, psychological characteristic.

References

1. Antonian Iu. M., Borodin S. V. *Prestupnost' i psikhicheskie anomalii* [Criminality and mental abnormalities]. Moscow, Nauka Publ., 1987.
2. Antonian Iu. M., Vlasova M. V. *Preduprezhdenie ubiistv, sovershaemykh litsami s psikhicheskimi anomaliami: Monografiia* [Prevention of murders committed by persons with mental abnormalities. Monograph]. Moscow, the All-Russian Research Institute of the Interior Ministry of Russia Publ., 2005.
3. Antonian Iu. M., Gorshkov I. V., Zulkarneev R. M. *Problemy vnutrisemeinoi agressii* [Problems of intra-family aggression]. Moscow, the All-Russian Research Institute of the Interior Ministry of Russia Publ., 1999.
4. Antonian Iu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniia prestuplenii* [The psychology of the criminal and investigation of crimes]. Moscow, Iurist Publ., 1996.
5. Bashkirskii A. I. *Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tipologiya prestupnykh lichnostei i motivatsiia prestupnogo povedeniia* [The psychology of the criminal. Criminal persons' typology and motivation of criminal behavior]. Chelyabinsk, Chelyabinsk Institute of Legal Studies of the Interior Ministry of Russia Publ., 1988.
6. Belkin R. S. *Kriminalisticheskaia entsiklopediia* [Criminalistics encyclopaedia]. Moscow, Megatron XXI Publ., 2000.
7. Burlakov V. N. *Kriminogennaia lichnost' i individual'noe preduprezhdenie prestuplenii: problemy modelirovaniia* [Criminogenic personality and individual prevention of crimes: modeling problems]. St. Petersburg, 1998.
8. Golumb Ts. A. *Nasil'stvennye prestupleniia, sovershennye litsami s psikhicheskimi anomaliami, i profilaktika etikh prestuplenii. Diss. cand. iurid. nauk* [Violent crimes committed by persons with mental abnormalities and prevention of these crimes. Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1982.
9. Gomonov N. D. *Semeinye defekty sotsializatsii lichnosti i prestupnoe povedenie// Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra: Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba* [Family defects of socialization of personality and criminal behavior. Criminology: yesterday, today, tomorrow. Works of the St. Petersburg criminological club]. St. Petersburg, 2002, no. 1 (2).
10. Enikeev M. I. *Iuridicheskaiia psikhologiya. Kratkii uchebnyi kurs* [Legal psychology. A brief tutorial]. Moscow, Norma Publ., 2003.
11. Enikeev M. I. *Iuridicheskaiia psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii: Uchebnik dlia vuzov* [Legal psychology. With fundamentals of

- general and social psychology: textbook for institutes of higher education]. Moscow, Norma Publ., 2005.
12. Zulkarneev R. M. *Preduprezhdenie ubiistv chlenov sem'i. Diss. cand. iurid. nauk* [Prevention of murders of family members. Cand. jurid. sci. diss]. Moscow, 1998.
 13. Ivanov N. G. *Anomal'nyi sub'ekt prestupleniia* [The abnormal subject of crime]. Moscow, 1998.
 14. Igogiev K. E. *Tipologiiia lichnosti prestupnika i motivatsiia prestupnogo povedeniia* [Typology of the criminal personality and motivation of criminal behavior]. Gorky, 1974.
 15. Meshcheriakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Large psychology dictionary]. St. Petersburg, Olma-press Publ., 2004.
 16. Reber A. *Oksfordskii tolkovyi slovar' po psikhologii* [Oxford explanatory dictionary of psychology]. Moscow, 2002.
 17. Blair R. J. R. Neurobiological basis of psychopathy // *British Journal of Psychiatry*, 2003, P. 8.
 18. Blair R. J. R. Neurocognitive models of aggression, the antisocial personality disorders, and psychopathy // *Journal of Neurology, Neurosurgery and Psychiatry*, 2001, P. 29.

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении сносок и библиографического списка используйте ГОСТы: ГОСТ 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.1–2003.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подписанных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов и 10 ключевых слов (или словосочетаний, состоящих из двух слов). Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы (не менее 20 источников, включая зарубежные) и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов, фотография в электронном формате – не менее 150 kb).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати). В англоязычном варианте должны быть: сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, список литературы.

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиями публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте Российского психологического журнала: www.rpj.sfedu.ru

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу: 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, ком. 518, Редакция журнала «Российский психологический журнал».

Тел. +7 (863) 243–15–17; факс +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the journal.

To be accepted for publishing in the journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times or Arial.

If cited in article the literature is pointed out alphabetically at the end of the article. The literature in foreign languages goes after the one in russian. Reference to sources as a sequence number of the cited book or article (with the number of page in semicolon) is denoted in brackets. When writing notes and references use State Standards: State Standard 7.0.5–2008 and State Standard 7.1–2003.

Materials for “Scientific life” section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The figures on diskette should be in separate files (TIF or PCX format) with printout and the caption index. It is allowed to file a figure direct in Word within the text of the article.

The papers should have an abstract of 200–250 words. Following the abstract, a list of 10 keywords (or combinations of two words) should be included. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author’s intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system for verifying the formal correctness of the abstract, keywords, references (at least 20 works, including works in foreign languages), and notes. We use double-blind reviewing.

Author information (the author’s full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers, photo – at least 150 kb) is required for acceptance of the manuscript for publication.

Forwarded to editorial staff, materials should be presented in two languages: Russian and English. The English version should contain the abstract, keywords, references, author information.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship’s stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at: www.rpj.sfedu.ru

For supplemental information please go to: 344038 Rostov-on-Don, M. Nagibina Av., 13, of. 518, «Russian Psychological Journal» editorial office.

Tel. +7 (863) 243–15–17; fax +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2014
TOM 11 № 4

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2014
Vol. 11 Issue 4

Сдано в набор 19.12.14. Подписано в печать 26.12.14
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 16,37. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 64/14.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш И.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru